

Жена

Русс

Мышка

для

ДРАКОНА

Ката Риос

Мышка для дракона

«Автор»

2026

Риос К.

Мышка для дракона / К. Риос — «Автор», 2026

Правило номер один: не привлекай внимания. Правило номер два: держись подальше от красавчика-преподавателя Яна. Я нарушила оба. Он вознёс меня до небес, заставил поверить в сказку. Только сказка оказалась ловушкой. Потому что Ян — дракон. Во мне он видит не женщину, а инкубатор для своего наследника. Всё просчитано. Всё идёт по его плану. Кроме одного. Дракон влюбился в ту, кого должен был просто использовать. И теперь его идеальный план трещит по швам. Как и моё сердце. _____ Черновик - БЕСПЛАТНО!

© Риос К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зона турбулентности	5
Глава 2. Эхо в книжных стеллажах	11
Глава 3. Алые следы	19
Глава 4. Вкус крови и надежды	34
Глава 5. Торшер и тени	53
Глава 6. Дорога к холмам	71
Глава 7. Силуэт в небе	99
Глава 8. Инициация	105
Глава 9. Завтрак, которого не было	115
Глава 10. На краю	122
Глава 11. Под звездами на снегу	128
Глава 12. Исповедь дракона	133
Глава 13. Кольцо	140
Глава 14. Жена	142
Глава 15. Верить	145
Глава 16. Остров любви	148
Глава 17. Письмо	150
Глава 18. Право Дракона	152
Глава 19. Тайна	155
Глава 20. Бегство и возвращение	157
Глава 21. Отражение	159
Глава 22. На грани	161
Глава 23. Всегда	163
Глава 24. Пустая колыбель	166
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Ката Риос

Мышка для дракона

Глава 1. Зона турбулентности

Жизнь Амелии напоминала прямую линию, прочерченную остро заточенным карандашом по миллиметровой бумаге. Без изгибов, без спадов, без пиков. Университет — дом. Дом — университет. И бесконечная череда книжных страниц, шелестящих так монотонно, что этот звук давно стал для неё тишиной.

Филологический факультет жил своей жизнью, бурлил страстями, шептался по углам о несчастной любви и сплетничал в курилке. Амелия не имела ко всему этому никакого отношения. Она была высокой и худой, как телеграфный столб, с длинными русыми волосами, которые вечно собирала в скучный пучок на затылке. Очки в тонкой металлической оправе сидели на носу, делая её лицо ещё более постным и бесцветным. Серая мышь. Именно так, наверное, называли таких, как она, за спиной. Если бы вообще замечали настолько, чтобы обсуждать.

Сегодня коридор гудел иначе. Воздух был наэлектризован, и привычная академическая скука уступила место какому-то истерическому оживлению. Девушки сбивались в стайки, поправляли прически и оголтело красили губы прямо у расписания.

Амелия даже не сразу поняла причину этой турбулентности, пока не услышала обрывок разговора двух третьекурсниц:

— Ты его видела? Это не мужик, это Аполлон! Говорят, тридцать два года, холостой, кандидат наук. И он будет вести у нас немецкий!

— Ян Андреевич? Я умру на первой же паре. У него бицепсы просто разрывают рукава пиджака.

Новый преподаватель. Амелия равнодушно скользнула взглядом по расписанию. Немецкий язык стоял во вторник четвертой парой. Раньше его вела сухая старуха фрау Мюллер с усиками над губой. Что ж, какая разница, кто будет диктовать параграфы из учебника грамматики? Филология для Амелии была не романтикой, а наукой, сухой и точной, и она не понимала этого стадного помешательства.

Она слишком сильно задумалась, пытаясь удержать в голове сложную синтаксическую конструкцию, которую разбирала прошлым вечером. Шагала быстро, прижимая к груди увесистый том «Истории зарубежной литературы» и тонкую стопку конспектов. Именно поэтому она не заметила, как из-за поворота, у дверей аудитории 307, навстречу ей шагнул мужчина.

Столкновение вышло глупым и смазанным. Угол тяжелой книги больно ткнулся ей в ребра, но гораздо хуже было то, что весь ворох её листов взметнулся в воздух, а затем белоснежным веером рассыпался по начищенному до блеска полу.

— Чёрт, — тихо, почти беззвучно ругнулась Амелия, опускаясь на корточки. Сердце колотилось где-то у горла. Она ненавидела привлекать к себе внимание, а тут целая сцена посреди коридора.

— Прошу прощения, — голос раздался над самой её головой. Низкий, с легкой хрипотцой, обволакивающий, словно теплый мед. — Моя вина. Слишком резко вышел из кабинета.

Она подняла глаза. Сначала увидела дорогие туфли, потом стрелки идеально выглаженных брюк, широкий кожаный ремень. Мужчина присел напротив неё, и Амелия замерла.

Это был он. Тот самый Ян Андреевич из разговоров. Но действительность оказалась куда разрушительнее любых девичьих фантазий. Он не был просто красавчиком с глянцевой обложки. Это была брутальная, хищная красота. Тяжелая челюсть, волевой подбородок с едва заметной ямочкой, широкие плечи, распирающие темно-синий пиджак. От него пахло дорогим

парфюмом с ногами сандала и чем-то неуловимо опасным. Его глаза, цвета крепкого черного кофе, смотрели прямо на неё, и в них плясали смешливые искорки.

На мгновение мир вокруг перестал существовать. Она увидела, как его крупные, но при этом очень ловкие пальцы подхватывают с пола её разлетевшиеся листки. На тыльной стороне ладони темнела тонкая дорожка вен.

— Вы мне поможете собрать это безобразие? — спросил он, протягивая ей несколько исписанных её убористым почерком страниц.

Амелия вздрогнула, стряхивая оцепенение. Щеки предательски запылали. Она поспешно закивала, боясь, что голос сорвется.

— Да-да, конечно.

Они собирали бумаги вместе. Она чувствовала его взгляд, от которого кожу на лице начинало покалывать. Наконец, последний листок был водружен на увесистый том.

— Спасибо, — пробормотала она, мечтая провалиться сквозь землю. — Извините.

— Это вы меня извините, — Ян Андреевич поднялся, и Амелия снова ощутила себя непозволительно высокой и угловатой, хотя он все равно был на полголовы выше неё. — Я смотрю, вы девушка основательная. «Фауст» Гёте на языке оригинала.

Он кивнул на книгу в её руках.

— Пытаюсь разобрать некоторые неточности перевода Пастернака, — машинально ответила Амелия, поправляя очки.

Взгляд преподавателя изменился. Из снисходительно-веселого он стал изучающим, острым.

— Это высший пилотаж, — заметил он, чуть наклонив голову. — Пастернак — поэт, он многое привнес от себя.

— Именно, — тихо согласилась Амелия. Она чувствовала, как на них начинают оборачиваться другие студентки, и от этого становилось не по себе.

— Знаете, — Ян Андреевич внезапно взял её за локоть, отводя чуть в сторону от эпицентра событий, к окну. Его прикосновение обожгло даже через рукав строгой серой кофты. — Я здесь человек новый. Ориентируюсь пока с трудом. Мне нужна пара учебников из библиотеки, а я даже не знаю, где у вас тут хранилище старых изданий. Вы не могли бы составить мне компанию? Заодно обсудим Гёте. Вижу, вы прекрасно разбираетесь в теме.

Это было похоже на розыгрыш. Самый популярный мужчина, о котором только и разговоров в стенах этого здания, приглашает её, серую мышь Амелию, прогуляться до библиотеки? Обычно таких, как он, сопровождает свита из размалеванных девиц с журфака.

— Мне нужно на пару — начала было она, но осеклась. На самом деле, окно было. Фрау Мюллер, пардон, уже бывшая преподавательница, заболела, и семинар отменили.

— Я видел расписание вашей группы, Амелия, — спокойно произнес Ян Андреевич, и то, как прозвучало её имя из его уст, заставило мурашки пробежать по спине. — У вас сейчас свободный час. А я ждать и догонять не привык.

Он мягко, но настойчиво указал рукой в сторону лестницы, ведущей в крыло библиотеки. Выбора не оставалось. Отказать этому человеку было невозможно, это противоречило каким-то базовым законам физики.

Амелия судорожно вдохнула и пошла рядом с ним, чувствуя, как прямая линия её жизни дает первую трещину.

Филологический факультет жил своей жизнью, бурлил страстями, шептался по углам о несчастной любви и сплетничал в курилке. Амелия не имела ко всему этому никакого отношения. Она была высокой и худой, как телеграфный столб, с длинными русыми волосами, которые вечно собирала в скучный пучок на затылке. Очки в тонкой металлической оправе сидели на носу, делая её лицо ещё более постным и бесцветным. Серая мышь. Именно так, наверное, называли таких, как она, за спиной. Если бы вообще замечали настолько, чтобы обсуждать.

Сегодня коридор гудел иначе. Воздух был наэлектризован, и привычная академическая скука уступила место какому-то истерическому оживлению. Девушки сбивались в стайки, поправляли прически и оголтело красили губы прямо у расписания.

Амелия даже не сразу поняла причину этой турбулентности, пока не услышала обрывок разговора двух третьекурсниц:

— Ты его видела? Это не мужик, это Аполлон! Говорят, тридцать два года, холостой, кандидат наук. И он будет вести у нас немецкий!

— Ян Андреевич? Я умру на первой же паре. У него бицепсы просто разрывают рукава пиджака.

Новый преподаватель. Амелия равнодушно скользнула взглядом по расписанию. Немецкий язык стоял во вторник четвертой парой. Раньше его вела сухая старуха фрау Мюллер с усиками над губой. Что ж, какая разница, кто будет диктовать параграфы из учебника грамматики? Филология для Амелии была не романтикой, а наукой, сухой и точной, и она не понимала этого стадного помешательства.

Она слишком сильно задумалась, пытаясь удержать в голове сложную синтаксическую конструкцию, которую разбирала прошлым вечером. Шагала быстро, прижимая к груди увесистый том «Истории зарубежной литературы» и тонкую стопку конспектов. Именно поэтому она не заметила, как из-за поворота, у дверей аудитории 307, навстречу ей шагнул мужчина.

Столкновение вышло глупым и смазанным. Угол тяжелой книги больно ткнулся ей в ребра, но гораздо хуже было то, что весь ворох её листов взметнулся в воздух, а затем белоснежным веером рассыпался по начищенному до блеска полу.

— Чёрт, — тихо, почти беззвучно ругнулась Амелия, опускаясь на корточки. Сердце колотилось где-то у горла. Она ненавидела привлекать к себе внимание, а тут целая сцена посреди коридора.

— Прошу прощения, — голос раздался над самой её головой. Низкий, с легкой хрипотцой, обволакивающий, словно теплый мед. — Моя вина. Слишком резко вышел из кабинета.

Она подняла глаза. Сначала увидела дорогие туфли, потом стрелки идеально выглаженных брюк, широкий кожаный ремень. Мужчина присел напротив неё, и Амелия замерла.

Это был он. Тот самый Ян Андреевич из разговоров. Но действительность оказалась куда разрушительнее любых девичьих фантазий. Он не был просто красавчиком с глянцевой обложки. Это была brutальная, хищная красота. Тяжелая челюсть, волевой подбородок с едва заметной ямочкой, широкие плечи, распирающие темно-синий пиджак. От него пахло дорогим парфюмом с нотами сандала и чем-то неуловимо опасным. Его глаза, цвета крепкого черного кофе, смотрели прямо на неё, и в них плясали смешливые искорки.

На мгновение мир вокруг перестал существовать. Она увидела, как его крупные, но при этом очень ловкие пальцы подхватывают с пола её разлетевшиеся листки. На тыльной стороне ладони темнела тонкая дорожка вен.

— Вы мне можете собрать это безобразие? — спросил он, протягивая ей несколько исписанных её убористым почерком страниц.

Амелия вздрогнула, стряхивая оцепенение. Щеки предательски запылали. Она поспешно закивала, боясь, что голос сорвется.

— Да-да, конечно.

Они собирали бумаги вместе. Она чувствовала его взгляд, от которого кожу на лице начинало покалывать. Наконец, последний листок был водружен на увесистый том.

— Спасибо, — пробормотала она, мечтая провалиться сквозь землю. — Извините.

— Это вы меня извините, — Ян Андреевич поднялся, и Амелия снова ощутила себя непозволительно высокой и угловатой, хотя он все равно был на полголовы выше неё. — Я смотрю, вы девушка основательная. «Фауст» Гёте на языке оригинала.

Он кивнул на книгу в её руках.

— Пытаюсь разобрать некоторые неточности перевода Пастернака, — машинально ответила Амелия, поправляя очки.

Взгляд преподавателя изменился. Из снисходительно-веселого он стал изучающим, острым.

— Это высший пилотаж, — заметил он, чуть наклонив голову. — Пастернак — поэт, он многое привнес от себя.

— Именно, — тихо согласилась Амелия. Она чувствовала, как на них начинают оборачиваться другие студентки, и от этого становилось не по себе.

— Знаете, — Ян Андреевич внезапно взял её за локоть, отводя чуть в сторону от эпицентра событий, к окну. Его прикосновение обожгло даже через рукав строгой серой кофты. — Я здесь человек новый. Ориентируюсь пока с трудом. Мне нужна пара учебников из библиотеки, а я даже не знаю, где у вас тут хранилище старых изданий. Вы не могли бы составить мне компанию? Заодно обсудим Гёте. Вижу, вы прекрасно разбираетесь в теме.

Это было похоже на розыгрыш. Самый популярный мужчина, о котором только и разговоров в стенах этого здания, приглашает её, серую мышь Амелию, прогуляться до библиотеки? Обычно таких, как он, сопровождает свита из размалеванных девиц с журфака.

— Мне нужно на пару — начала было она, но осеклась. На самом деле, окно было. Фрау Мюллер, пардон, уже бывшая преподавательница, заболела, и семинар отменили.

— Я видел расписание вашей группы, Амелия, — спокойно произнес Ян Андреевич, и то, как прозвучало её имя из его уст, заставило мурашки пробежать по спине. — У вас сейчас свободный час. А я ждать и догонять не привык.

Он мягко, но настойчиво указал рукой в сторону лестницы, ведущей в крыло библиотеки. Выбора не оставалось. Отказать этому человеку было невозможно, это противоречило каким-то базовым законам физики.

Амелия судорожно вдохнула и пошла рядом с ним, чувствуя, как прямая линия её жизни дает первую трещину.

Филологический факультет жил своей жизнью, бурлил страстями, шептался по углам о несчастной любви и сплетничал в курилке. Амелия не имела ко всему этому никакого отношения. Она была высокой и худой, как телеграфный столб, с длинными русыми волосами, которые вечно собирала в скучный пучок на затылке. Очки в тонкой металлической оправе сидели на носу, делая её лицо ещё более постным и бесцветным. Серая мышь. Именно так, наверное, называли таких, как она, за спиной. Если бы вообще замечали настолько, чтобы обсуждать.

Сегодня коридор гудел иначе. Воздух был наэлектризован, и привычная академическая скука уступила место какому-то истерическому оживлению. Девушки сбивались в стайки, поправляли прически и оголтело красили губы прямо у расписания.

Амелия даже не сразу поняла причину этой турбулентности, пока не услышала обрывок разговора двух третьекурсниц:

— Ты его видела? Это не мужик, это Аполлон! Говорят, тридцать два года, холостой, кандидат наук. И он будет вести у нас немецкий!

— Ян Андреевич? Я умру на первой же паре. У него бицепсы просто разрывают рукава пиджака.

Новый преподаватель. Амелия равнодушно скользнула взглядом по расписанию. Немецкий язык стоял во вторник четвертой парой. Раньше его вела сухая старуха фрау Мюллер с усиками над губой. Что ж, какая разница, кто будет диктовать параграфы из учебника грамматики? Филология для Амелии была не романтикой, а наукой, сухой и точной, и она не понимала этого стадного помешательства.

Она слишком сильно задумалась, пытаясь удержать в голове сложную синтаксическую конструкцию, которую разбирала прошлым вечером. Шагала быстро, прижимая к груди уве-

систый том «Истории зарубежной литературы» и тонкую стопку конспектов. Именно поэтому она не заметила, как из-за поворота, у дверей аудитории 307, навстречу ей шагнул мужчина.

Столкновение вышло глупым и смазанным. Угол тяжелой книги больно ткнулся ей в ребра, но гораздо хуже было то, что весь ворох её листов взметнулся в воздух, а затем белоснежным веером рассыпался по начищенному до блеска полу.

— Чёрт, — тихо, почти беззвучно ругнулась Амелия, опускаясь на корточки. Сердце колотилось где-то у горла. Она ненавидела привлекать к себе внимание, а тут целая сцена посреди коридора.

— Прошу прощения, — голос раздался над самой её головой. Низкий, с легкой хрипотцой, обволакивающий, словно теплый мед. — Моя вина. Слишком резко вышел из кабинета.

Она подняла глаза. Сначала увидела дорогие туфли, потом стрелки идеально выглаженных брюк, широкий кожаный ремень. Мужчина присел напротив неё, и Амелия замерла.

Это был он. Тот самый Ян Андреевич из разговоров. Но действительность оказалась куда разрушительнее любых девичьих фантазий. Он не был просто красавчиком с глянцевого обложки. Это была brutальная, хищная красота. Тяжелая челюсть, волевой подбородок с едва заметной ямочкой, широкие плечи, распирающие темно-синий пиджак. От него пахло дорогим парфюмом с нотами сандала и чем-то неуловимо опасным. Его глаза, цвета крепкого черного кофе, смотрели прямо на неё, и в них плясали смешливые искорки.

На мгновение мир вокруг перестал существовать. Она увидела, как его крупные, но при этом очень ловкие пальцы подхватывают с пола её разлетевшиеся листки. На тыльной стороне ладони темнела тонкая дорожка вен.

— Вы мне можете помочь собрать это безобразие? — спросил он, протягивая ей несколько исписанных её убористым почерком страниц.

Амелия вздрогнула, стряхивая оцепенение. Щеки предательски запылали. Она поспешно закивала, боясь, что голос сорвется.

— Да-да, конечно.

Они собирали бумаги вместе. Она чувствовала его взгляд, от которого кожу на лице начало покалывать. Наконец, последний листок был водружен на увесистый том.

— Спасибо, — пробормотала она, мечтая провалиться сквозь землю. — Извините.

— Это вы меня извините, — Ян Андреевич поднялся, и Амелия снова ощутила себя неопозволительно высокой и угловатой, хотя он все равно был на полголовы выше неё. — Я смотрю, вы девушка основательная. «Фауст» Гёте на языке оригинала.

Он кивнул на книгу в её руках.

— Пытаюсь разобрать некоторые неточности перевода Пастернака, — машинально ответила Амелия, поправляя очки.

Взгляд преподавателя изменился. Из снисходительно-веселого он стал изучающим, острым.

— Это высший пилотаж, — заметил он, чуть наклонив голову. — Пастернак — поэт, он многое привнес от себя.

— Именно, — тихо согласилась Амелия. Она чувствовала, как на них начинают оборачиваться другие студентки, и от этого становилось не по себе.

— Знаете, — Ян Андреевич внезапно взял её за локоть, отводя чуть в сторону от эпицентра событий, к окну. Его прикосновение обожгло даже через рукав строгой серой кофты. — Я здесь человек новый. Ориентируюсь пока с трудом. Мне нужна пара учебников из библиотеки, а я даже не знаю, где у вас тут хранилище старых изданий. Вы не могли бы составить мне компанию? Заодно обсудим Гёте. Вижу, вы прекрасно разбираетесь в теме.

Это было похоже на розыгрыш. Самый популярный мужчина, о котором только и разговоров в стенах этого здания, приглашает её, серую мышь Амелию, прогуляться до библиотеки? Обычно таких, как он, сопровождает свита из размалеванных девиц с журфака.

— Мне нужно на пару — начала было она, но осеклась. На самом деле, окно было. Фрау Мюллер, pardon, уже бывшая преподавательница, заболела, и семинар отменили.

— Я видел расписание вашей группы, Амелия, — спокойно произнес Ян Андреевич, и то, как прозвучало её имя из его уст, заставило мурашки пробежать по спине. — У вас сейчас свободный час. А я ждать и догонять не привык.

Он мягко, но настойчиво указал рукой в сторону лестницы, ведущей в крыло библиотеки. Выбора не оставалось. Отказать этому человеку было невозможно, это противоречило каким-то базовым законам физики.

Амелия судорожно вдохнула и пошла рядом с ним, чувствуя, как прямая линия её жизни дает первую трещину.

Глава 2. Эхо в книжных стеллажах

Библиотека встретила их запахом старой бумаги и книжной пыли — запахом, который Амелия любила с детства. Здесь, среди бесконечных стеллажей, она всегда чувствовала себя в безопасности. Но сегодня привычное укрытие превратилось в зону повышенной опасности, потому что рядом шел он.

Ян Андреевич двигался по узким проходам между стеллажами с грацией хищника. В полумраке библиотечного зала его черты казались еще резче, еще мужественнее. Свет от высоких окон падал косыми полосами, выхватывая из полутьмы то сильную шею, то широкий разворот плеч. Амелия поймала себя на том, что откровенно разглядывает его. Темные, почти черные волосы чуть вились на затылке. Карие глаза в этом освещении стали совсем темными, как горький шоколад. Когда он потянулся к верхней полке, рукав пиджака натянулся, и под тонкой тканью проступили очертания сильных мускулов. Ей стало жарко.

— Так где тут у вас старые издания? — спросил он, оборачиваясь и заставляя ее врасплох. Амелия вздрогнула и отвела глаза, чувствуя, как краска заливает щеки.

— Дальний зал, четвертый стеллаж слева, — пробормотала она, поправляя очки. — Я покажу.

Она пошла вперед, спиной ощущая его взгляд. В голове билась одна мысль: «Зачем он пошел со мной? Чего он хочет?» Опыт общения с красивыми мужчинами у Амелии равнялся нулю. В школе над ней смеялись, в университете — не замечали. Она давно смирилась с ролью невидимки, и теперь внимание этого Аполлона казалось ей каким-то подвохом. Может, это спор? Жестокий розыгрыш? С нее станет поверить в искренность, а потом весь факультет будет потешаться над дылдой-отличницей.

Она резко остановилась у нужного стеллажа. Ян Андреевич, шедший почти вплотную, едва не налетел на нее. Его ладонь мягко легла на ее плечо, удерживая равновесие.

— Осторожнее, — сказал он низким голосом, и от этого прикосновения по телу Амелии пробежала дрожь. — Задумались?

— Простите, — выдохнула она, отступая на шаг. Его рука соскользнула с ее плеча.

— Да расслабьтесь вы, Амелия, — он улыбнулся уголком губ. — Я не кусаюсь. По крайней мере, в библиотеке.

Она нервно хмыкнула, не зная, куда деть руки. Ян Андреевич тем временем провел пальцами по корешкам книг, выискивая что-то.

— Вот, — он вытащил потрепанный том и вдруг нахмурился. — Проклятье.

— Что такое? — невольно спросила Амелия.

— Страницы склеились, — он показал книгу. Несколько листов действительно слиплись, видимо, от попавшей когда-то влаги. — Ерунда, бывает. Попробую аккуратно разъединить.

Он попытался поддеть страницу пальцем, но бумага не поддавалась. Тогда он поднес книгу к лицу и с сосредоточенным видом дунул на склеенные листы. Раз, другой. С его губ сорвалось облачко книжной пыли. Частички пыли взметнулись в воздух и осели прямо на его идеально выглаженный пиджак и кончик носа.

Амелия замерла. Картина была настолько нелепой и очаровательной одновременно, что она не выдержала. Из ее горла вырвался смешок, похожий на писк. Она тут же прижала ладонь ко рту, испуганно глядя на Яна.

Он поднял на нее глаза, в которых плясали чертики.

— По-вашему, это смешно? — спросил он с притворной строгостью.

— Н-нет, — выдавила Амелия, плечи которой уже тряслись от сдерживаемого смеха. — Просто у вас пыль на носу.

— Где? — он скосил глаза к носу и чихнул. Звук был таким неожиданно громким, что эхо разнеслось по всей библиотеке.

Амелия расхохоталась. Она смеялась, прижимая книгу к груди и чувствуя, как спадает напряжение, сковывавшее ее последние полчаса. Ян смотрел на нее и улыбался уже открыто, по-настоящему, обнажая ровные белые зубы.

— Ну вот, уже лучше, — сказал он, доставая из кармана платок и вытирая лицо. — А то шли вы рядом со мной, будто на казнь. Я уж думал, что выгляжу как людоед.

— Нет, что вы, — Амелия вытерла выступившие слезы. — Просто это все так странно.

— Что именно?

— То, что вы со мной — она осеклась, не решаясь закончить фразу.

Ян Андреевич шагнул ближе. В полумраке библиотеки они стояли почти вплотную.

— А вы не допускаете мысли, что вы — интересный собеседник, а мне надоели пустоголовые куклы, которые только и умеют, что хлопать накладными ресницами? — тихо спросил он.

Амелия замерла. Слова повисли в воздухе. Она не знала, что ответить. Правда ли это? Или умелая лесть? Она молча протянула руку и аккуратно помогла ему разъединить страницы в книге, просто чтобы хоть чем-то занять дрожащие пальцы.

— Спасибо, — сказал он. — Вы меня очень выручили.

Дальше они шли молча. Ян взял нужные учебники, и они вышли из библиотеки.

Вечером Амелия сидела дома. Тишина маленькой квартиры давила на уши. Она подошла к старому зеркалу в прихожей и впервые за долгое время действительно посмотрела на себя. Не мельком, чтобы поправить волосы, а долгим, изучающим взглядом.

Из зеркала на нее смотрела высокая худая девушка с бледной кожей и невыразительными чертами. Длинные волосы висели безжизненными прядями. Никакой косметики, никакой изюминки. Мышь. Серая, скучная мышь. Она сняла очки и приблизила лицо к стеклу. Глаза, пожалуй, могли бы быть красивыми, но кто их разглядит за этими стеклами? Губы тонкие, бледные. Острые ключицы торчат, как у подростка.

Как она могла хотя бы на секунду подумать, что такой мужчина, как Ян Андреевич, может всерьез заинтересоваться ею?

— Дура, — прошептала Амелия своему отражению.

Глаза защипало. Горячие слезы, которые она сдерживала весь день, полились по щекам. Она плакала беззвучно, уткнувшись лбом в холодное стекло. Ненависть к собственной внешности, взращенная годами насмешек и одиночества, накрыла ее с головой. Она вспомнила, как в школе мальчишки дразнили ее «шпалой» и «оглоблей». Как на выпускном она простояла у стены, пока всех одноклассниц приглашали на танец. Как в университете ее попросту не замечали.

Он просто был вежлив. Или ему что-то нужно. Или это жалость. Да, точно, жалость. Увидел забитую серую мышь и решил поднять ей настроение. А она уже напридумывала себе бог весть что.

Амелия вытерла слезы рукавом свитера. Она выключила свет и легла в кровать, свернувшись калачиком под одеялом.

«Завтра все будет как прежде, — убеждала она себя, глядя сухими глазами в потолок. — Он пройдет мимо и не заметит. А я просто буду делать свою работу. Это ошибка. Я все придумала. Никакого флирта не было. Мне показалось».

С этой мыслью она и провалилась в тяжелый, беспокойный сон.

Ян Андреевич двигался по узким проходам между стеллажами с грацией хищника. В полумраке библиотечного зала его черты казались еще резче, еще мужественнее. Свет от высоких окон падал косыми полосами, выхватывая из полутьмы то сильную шею, то широкий раз-

ворот плеч. Амелия поймала себя на том, что откровенно разглядывает его. Темные, почти черные волосы чуть вились на затылке. Карие глаза в этом освещении стали совсем темными, как горький шоколад. Когда он потянулся к верхней полке, рукав пиджака натянулся, и под тонкой тканью проступили очертания сильных мускулов. Ей стало жарко.

— Так где тут у вас старые издания? — спросил он, оборачиваясь и заставляя ее врасплох. Амелия вздрогнула и отвела глаза, чувствуя, как краска заливает щеки.

— Дальний зал, четвертый стеллаж слева, — пробормотала она, поправляя очки. — Я покажу.

Она пошла вперед, спиной ощущая его взгляд. В голове билась одна мысль: «Зачем он пошел со мной? Чего он хочет?» Опыт общения с красивыми мужчинами у Амелии равнялся нулю. В школе над ней смеялись, в университете — не замечали. Она давно смирилась с ролью невидимки, и теперь внимание этого Аполлона казалось ей каким-то подвохом. Может, это спор? Жестокий розыгрыш? С нее станется поверить в искренность, а потом весь факультет будет потешаться над дылдой-отличницей.

Она резко остановилась у нужного стеллажа. Ян Андреевич, шедший почти вплотную, едва не налетел на нее. Его ладонь мягко легла на ее плечо, удерживая равновесие.

— Осторожнее, — сказал он низким голосом, и от этого прикосновения по телу Амелии пробежала дрожь. — Задумались?

— Простите, — выдохнула она, отступая на шаг. Его рука соскользнула с ее плеча.

— Да расслабьтесь вы, Амелия, — он улыбнулся уголком губ. — Я не кусаюсь. По крайней мере, в библиотеке.

Она нервно хмыкнула, не зная, куда деть руки. Ян Андреевич тем временем провел пальцами по корешкам книг, выискивая что-то.

— Вот, — он вытащил потрепанный том и вдруг нахмурился. — Проклятье.

— Что такое? — невольно спросила Амелия.

— Страницы склеились, — он показал книгу. Несколько листов действительно слиплись, видимо, от попавшей когда-то влаги. — Ерунда, бывает. Попробую аккуратно разъединить.

Он попытался поддеть страницу пальцем, но бумага не поддавалась. Тогда он поднес книгу к лицу и с сосредоточенным видом дунул на склеенные листы. Раз, другой. С его губ сорвалось облачко книжной пыли. Частички пыли взметнулись в воздух и осели прямо на его идеально выглаженный пиджак и кончик носа.

Амелия замерла. Картина была настолько нелепой и очаровательной одновременно, что она не выдержала. Из ее горла вырвался смешок, похожий на писк. Она тут же прижала ладонь ко рту, испуганно глядя на Яна.

Он поднял на нее глаза, в которых плясали чертики.

— По-вашему, это смешно? — спросил он с притворной строгостью.

— Н-нет, — выдавила Амелия, плечи которой уже тряслись от сдерживаемого смеха. — Просто у вас пыль на носу.

— Где? — он скосил глаза к носу и чихнул. Звук был таким неожиданно громким, что эхо разнеслось по всей библиотеке.

Амелия расхохоталась. Она смеялась, прижимая книгу к груди и чувствуя, как спадает напряжение, сковывавшее ее последние полчаса. Ян смотрел на нее и улыбался уже открыто, по-настоящему, обнажая ровные белые зубы.

— Ну вот, уже лучше, — сказал он, доставая из кармана платок и вытирая лицо. — А то шли вы рядом со мной, будто на казнь. Я уж думал, что выгляжу как людоед.

— Нет, что вы, — Амелия вытерла выступившие слезы. — Просто это все так странно.

— Что именно?

— То, что вы со мной — она осеклась, не решаясь закончить фразу.

Ян Андреевич шагнул ближе. В полумраке библиотеки они стояли почти вплотную.

— А вы не допускаете мысли, что вы — интересный собеседник, а мне надоели пустоголовые куклы, которые только и умеют, что хлопать накладными ресницами? — тихо спросил он.

Амелия замерла. Слова повисли в воздухе. Она не знала, что ответить. Правда ли это? Или умелая лесть? Она молча протянула руку и аккуратно помогла ему разъединить страницы в книге, просто чтобы хоть чем-то занять дрожащие пальцы.

— Спасибо, — сказал он. — Вы меня очень выручили.

Дальше они шли молча. Ян взял нужные учебники, и они вышли из библиотеки.

Вечером Амелия сидела дома. Тишина маленькой квартиры давила на уши. Она подошла к старому зеркалу в прихожей и впервые за долгое время действительно посмотрела на себя. Не мельком, чтобы поправить волосы, а долгим, изучающим взглядом.

Из зеркала на нее смотрела высокая худая девушка с бледной кожей и невыразительными чертами. Длинные волосы висели безжизненными прядями. Никакой косметики, никакой изюминки. Мышь. Серая, скучная мышь. Она сняла очки и приблизила лицо к стеклу. Глаза, пожалуй, могли бы быть красивыми, но кто их разглядит за этими стеклами? Губы тонкие, бледные. Острые ключицы торчат, как у подростка.

Как она могла хотя бы на секунду подумать, что такой мужчина, как Ян Андреевич, может всерьез заинтересоваться ею?

— Дура, — прошептала Амелия своему отражению.

Глаза защипало. Горячие слезы, которые она сдерживала весь день, полились по щекам. Она плакала беззвучно, уткнувшись лбом в холодное стекло. Ненависть к собственной внешности, возвращенная годами насмешек и одиночества, накрыла ее с головой. Она вспомнила, как в школе мальчишки дразнили ее «шпалой» и «оглоблей». Как на выпускном она простояла у стены, пока всех одноклассниц приглашали на танец. Как в университете ее попросту не замечали.

Он просто был вежлив. Или ему что-то нужно. Или это жалость. Да, точно, жалость. Увидел забитую серую мышь и решил поднять ей настроение. А она уже напридумывала себе бог весть что.

Амелия вытерла слезы рукавом свитера. Она выключила свет и легла в кровать, свернувшись калачиком под одеялом.

«Завтра все будет как прежде, — убеждала она себя, глядя сухими глазами в потолок. — Он пройдет мимо и не заметит. А я просто буду делать свою работу. Это ошибка. Я все придумала. Никакого флирта не было. Мне показалось».

С этой мыслью она и провалилась в тяжелый, беспокойный сон.

Ян Андреевич двигался по узким проходам между стеллажами с грацией хищника. В полумраке библиотечного зала его черты казались еще резче, еще мужественнее. Свет от высоких окон падал косыми полосами, выхватывая из полутьмы то сильную шею, то широкий разворот плеч. Амелия поймала себя на том, что откровенно разглядывает его. Темные, почти черные волосы чуть вились на затылке. Карие глаза в этом освещении стали совсем темными, как горький шоколад. Когда он потянулся к верхней полке, рукав пиджака натянулся, и под тонкой тканью проступили очертания сильных мускулов. Ей стало жарко.

— Так где тут у вас старые издания? — спросил он, оборачиваясь и заставляя ее врасплох. Амелия вздрогнула и отвела глаза, чувствуя, как краска заливает щеки.

— Дальний зал, четвертый стеллаж слева, — пробормотала она, поправляя очки. — Я покажу.

Она пошла вперед, спиной ощущая его взгляд. В голове билась одна мысль: «Зачем он пошел со мной? Чего он хочет?» Опыт общения с красивыми мужчинами у Амелии равнялся нулю. В школе над ней смеялись, в университете — не замечали. Она давно смирилась с ролью

невидимки, и теперь внимание этого Аполлона казалось ей каким-то подвохом. Может, это спор? Жестокий розыгрыш? С нее станется поверить в искренность, а потом весь факультет будет потешаться над дылдой-отличницей.

Она резко остановилась у нужного стеллажа. Ян Андреевич, шедший почти вплотную, едва не налетел на нее. Его ладонь мягко легла на ее плечо, удерживая равновесие.

— Осторожнее, — сказал он низким голосом, и от этого прикосновения по телу Амелии пробежала дрожь. — Задумались?

— Простите, — выдохнула она, отступая на шаг. Его рука соскользнула с ее плеча.

— Да расслабьтесь вы, Амелия, — он улыбнулся уголком губ. — Я не кусаюсь. По крайней мере, в библиотеке.

Она нервно хмыкнула, не зная, куда деть руки. Ян Андреевич тем временем провел пальцами по корешкам книг, выискивая что-то.

— Вот, — он вытащил потрепанный том и вдруг нахмурился. — Проклятье.

— Что такое? — невольно спросила Амелия.

— Страницы склеились, — он показал книгу. Несколько листов действительно слиплись, видимо, от попавшей когда-то влаги. — Ерунда, бывает. Попробую аккуратно разъединить.

Он попытался поддеть страницу пальцем, но бумага не поддавалась. Тогда он поднес книгу к лицу и с сосредоточенным видом дунул на склеенные листы. Раз, другой. С его губ сорвалось облачко книжной пыли. Частички пыли взметнулись в воздух и осели прямо на его идеально выглаженный пиджак и кончик носа.

Амелия замерла. Картина была настолько нелепой и очаровательной одновременно, что она не выдержала. Из ее горла вырвался смешок, похожий на писк. Она тут же прижала ладонь ко рту, испуганно глядя на Яна.

Он поднял на нее глаза, в которых плясали чертики.

— По-вашему, это смешно? — спросил он с притворной строгостью.

— Н-нет, — выдавила Амелия, плечи которой уже тряслись от сдерживаемого смеха. — Просто у вас пыль на носу.

— Где? — он скосил глаза к носу и чихнул. Звук был таким неожиданно громким, что эхо разнеслось по всей библиотеке.

Амелия расхохоталась. Она смеялась, прижимая книгу к груди и чувствуя, как спадает напряжение, сковывавшее ее последние полчаса. Ян смотрел на нее и улыбался уже открыто, по-настоящему, обнажая ровные белые зубы.

— Ну вот, уже лучше, — сказал он, доставая из кармана платок и вытирая лицо. — А то шли вы рядом со мной, будто на казнь. Я уж думал, что выгляжу как людоед.

— Нет, что вы, — Амелия вытерла выступившие слезы. — Просто это все так странно.

— Что именно?

— То, что вы со мной — она осеклась, не решаясь закончить фразу.

Ян Андреевич шагнул ближе. В полумраке библиотеки они стояли почти вплотную.

— А вы не допускаете мысли, что вы — интересный собеседник, а мне надоели пустоголовые куклы, которые только и умеют, что хлопать накладными ресницами? — тихо спросил он.

Амелия замерла. Слова повисли в воздухе. Она не знала, что ответить. Правда ли это? Или умелая лесть? Она молча протянула руку и аккуратно помогла ему разъединить страницы в книге, просто чтобы хоть чем-то занять дрожащие пальцы.

— Спасибо, — сказал он. — Вы меня очень выручили.

Дальше они шли молча. Ян взял нужные учебники, и они вышли из библиотеки.

Вечером Амелия сидела дома. Тишина маленькой квартиры давила на уши. Она подошла к старому зеркалу в прихожей и впервые за долгое время действительно посмотрела на себя. Не мельком, чтобы поправить волосы, а долгим, изучающим взглядом.

Из зеркала на нее смотрела высокая худая девушка с бледной кожей и невыразительными чертами. Длинные волосы висели безжизненными прядями. Никакой косметики, никакой изюминки. Мышь. Серая, скучная мышь. Она сняла очки и приблизила лицо к стеклу. Глаза, пожалуй, могли бы быть красивыми, но кто их разглядит за этими стеклами? Губы тонкие, бледные. Острые ключицы торчат, как у подростка.

Как она могла хотя бы на секунду подумать, что такой мужчина, как Ян Андреевич, может всерьез заинтересоваться ею?

— Дура, — прошептала Амелия своему отражению.

Глаза защипало. Горячие слезы, которые она сдерживала весь день, полились по щекам. Она плакала беззвучно, уткнувшись лбом в холодное стекло. Ненависть к собственной внешности, взращенная годами насмешек и одиночества, накрыла ее с головой. Она вспомнила, как в школе мальчишки дразнили ее «шпалой» и «оглоблей». Как на выпускном она простояла у стены, пока всех одноклассниц приглашали на танец. Как в университете ее попросту не замечали.

Он просто был вежлив. Или ему что-то нужно. Или это жалость. Да, точно, жалость. Увидел забитую серую мышь и решил поднять ей настроение. А она уже напридумывала себе бог весть что.

Амелия вытерла слезы рукавом свитера. Она выключила свет и легла в кровать, свернувшись калачиком под одеялом.

«Завтра все будет как прежде, — убеждала она себя, глядя сухими глазами в потолок. — Он пройдет мимо и не заметит. А я просто буду делать свою работу. Это ошибка. Я все придумала. Никакого флирта не было. Мне показалось».

С этой мыслью она и провалилась в тяжелый, беспокойный сон.

Ян Андреевич двигался по узким проходам между стеллажами с грацией хищника. В полумраке библиотечного зала его черты казались еще резче, еще мужественнее. Свет от высоких окон падал косыми полосами, выхватывая из полутьмы то сильную шею, то широкий разворот плеч. Амелия поймала себя на том, что откровенно разглядывает его. Темные, почти черные волосы чуть вились на затылке. Карие глаза в этом освещении стали совсем темными, как горький шоколад. Когда он потянулся к верхней полке, рукав пиджака натянулся, и под тонкой тканью проступили очертания сильных мускулов. Ей стало жарко.

— Так где тут у вас старые издания? — спросил он, оборачиваясь и заставая ее врасплох.

Амелия вздрогнула и отвела глаза, чувствуя, как краска заливает щеки.

— Дальний зал, четвертый стеллаж слева, — пробормотала она, поправляя очки. — Я покажу.

Она пошла вперед, спиной ощущая его взгляд. В голове билась одна мысль: «Зачем он пошел со мной? Чего он хочет?» Опыт общения с красивыми мужчинами у Амелии равнялся нулю. В школе над ней смеялись, в университете — не замечали. Она давно смирилась с ролью невидимки, и теперь внимание этого Аполлона казалось ей каким-то подвохом. Может, это спор? Жестокий розыгрыш? С нее станет поверить в искренность, а потом весь факультет будет потешаться над дылдой-отличницей.

Она резко остановилась у нужного стеллажа. Ян Андреевич, шедший почти вплотную, едва не налетел на нее. Его ладонь мягко легла на ее плечо, удерживая равновесие.

— Осторожнее, — сказал он низким голосом, и от этого прикосновения по телу Амелии пробежала дрожь. — Задумались?

— Простите, — выдохнула она, отступая на шаг. Его рука соскользнула с ее плеча.

— Да расслабьтесь вы, Амелия, — он улыбнулся уголком губ. — Я не кусаюсь. По крайней мере, в библиотеке.

Она нервно хмыкнула, не зная, куда деть руки. Ян Андреевич тем временем провел пальцами по корешкам книг, выискивая что-то.

— Вот, — он вытащил потрепанный том и вдруг нахмурился. — Проклятье.

— Что такое? — невольно спросила Амелия.

— Страницы склеились, — он показал книгу. Несколько листов действительно слиплись, видимо, от попавшей когда-то влаги. — Ерунда, бывает. Попробую аккуратно разъединить.

Он попытался поддеть страницу пальцем, но бумага не поддавалась. Тогда он поднес книгу к лицу и с сосредоточенным видом дунул на склеенные листы. Раз, другой. С его губ сорвалось облачко книжной пыли. Частички пыли взметнулись в воздух и осели прямо на его идеально выглаженный пиджак и кончик носа.

Амелия замерла. Картина была настолько нелепой и очаровательной одновременно, что она не выдержала. Из ее горла вырвался смешок, похожий на писк. Она тут же прижала ладонь ко рту, испуганно глядя на Яна.

Он поднял на нее глаза, в которых плясали чертики.

— По-вашему, это смешно? — спросил он с притворной строгостью.

— Н-нет, — выдавила Амелия, плечи которой уже тряслись от сдерживаемого смеха. — Просто у вас пыль на носу.

— Где? — он скосил глаза к носу и чихнул. Звук был таким неожиданно громким, что эхо разнеслось по всей библиотеке.

Амелия расхохоталась. Она смеялась, прижимая книгу к груди и чувствуя, как спадает напряжение, сковывавшее ее последние полчаса. Ян смотрел на нее и улыбался уже открыто, по-настоящему, обнажая ровные белые зубы.

— Ну вот, уже лучше, — сказал он, доставая из кармана платок и вытирая лицо. — А то шли вы рядом со мной, будто на казнь. Я уж думал, что выгляжу как людоед.

— Нет, что вы, — Амелия вытерла выступившие слезы. — Просто это все так странно.

— Что именно?

— То, что вы со мной — она осеклась, не решаясь закончить фразу.

Ян Андреевич шагнул ближе. В полумраке библиотеки они стояли почти вплотную.

— А вы не допускаете мысли, что вы — интересный собеседник, а мне надоели пустоголовые куклы, которые только и умеют, что хлопать накладными ресницами? — тихо спросил он.

Амелия замерла. Слова повисли в воздухе. Она не знала, что ответить. Правда ли это? Или умелая лесть? Она молча протянула руку и аккуратно помогла ему разъединить страницы в книге, просто чтобы хоть чем-то занять дрожащие пальцы.

— Спасибо, — сказал он. — Вы меня очень выручили.

Дальше они шли молча. Ян взял нужные учебники, и они вышли из библиотеки.

Вечером Амелия сидела дома. Тишина маленькой квартиры давила на уши. Она подошла к старому зеркалу в прихожей и впервые за долгое время действительно посмотрела на себя. Не мельком, чтобы поправить волосы, а долгим, изучающим взглядом.

Из зеркала на нее смотрела высокая худая девушка с бледной кожей и невыразительными чертами. Длинные волосы висели безжизненными прядями. Никакой косметики, никакой изюминки. Мышь. Серая, скучная мышь. Она сняла очки и приблизила лицо к стеклу. Глаза, пожалуй, могли бы быть красивыми, но кто их разглядит за этими стеклами? Губы тонкие, бледные. Острые ключицы торчат, как у подростка.

Как она могла хотя бы на секунду подумать, что такой мужчина, как Ян Андреевич, может всерьез заинтересоваться ею?

— Дура, — прошептала Амелия своему отражению.

Глаза защипало. Горячие слезы, которые она сдерживала весь день, полились по щекам. Она плакала беззвучно, уткнувшись лбом в холодное стекло. Ненависть к собственной внешности, возвращенная годами насмешек и одиночества, накрыла ее с головой. Она вспомнила, как в школе мальчишки дразнили ее «шпалой» и «оглоблей». Как на выпускном она простояла у стены, пока всех одноклассниц приглашали на танец. Как в университете ее попросту не замечали.

Он просто был вежлив. Или ему что-то нужно. Или это жалость. Да, точно, жалость. Увидел забитую серую мышь и решил поднять ей настроение. А она уже напридумывала себе бог весть что.

Амелия вытерла слезы рукавом свитера. Она выключила свет и легла в кровать, свернувшись калачиком под одеялом.

«Завтра все будет как прежде, — убеждала она себя, глядя сухими глазами в потолок. — Он пройдет мимо и не заметит. А я просто буду делать свою работу. Это ошибка. Я все придумала. Никакого флирта не было. Мне показалось».

С этой мыслью она и провалилась в тяжелый, беспокойный сон.

Глава 3. Алые следы

Немецкий язык стоял четвертой парой, и к этому часу аудитория гудела, как растревоженный улей. Девушки поправляли прически, лихорадочно подкрашивали губы и рассаживались на первых партах. Амелия по привычке скользнула на свое законное место — третья парта у окна, достаточно далеко, чтобы не вызываться к доске без необходимости, и достаточно близко, чтобы видеть доску.

Она не красилась. Сегодня надела все тот же серый свитер и собрала волосы в привычный пучок. После вчерашней истерики у зеркала она твердо решила: никаких иллюзий, никаких надежд. Ян Андреевич — преподаватель, она — студентка. Точка.

Когда дверь открылась и он вошел в аудиторию, воздух сгустился. Тишина упала мгновенно, как отрезало. Он был в темно-сером костюме и белой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей. Без галстука. Выглядел так, будто сошел с обложки мужского журнала.

— Guten Tag, — произнес он низким голосом и окинул аудиторию взглядом.

Амелия показалось, что его глаза скользнули по ней чуть медленнее, чем по остальным. Чуть. Просто показалось.

Пара началась. Ян Андреевич говорил о сложностях перевода немецких модальных глаголов, и голос его обволакивал, гипнотизировал. Амелия старательно записывала, боясь поднять голову. Потому что каждый раз, когда она это делала, их взгляды встречались.

Сначала она подумала — случайность. Но это повторялось снова и снова. Он задавал вопрос аудитории — и смотрел на нее. Объяснял грамматическую конструкцию — и его глаза вновь находили третью парту у окна. Один раз он даже запнулся на полуслове, задержав взгляд на Амелии, и ей пришлось уткнуться в тетрадь, чтобы скрыть пылающие щеки.

Девушки с первых парт из кожи вон лезли, чтобы привлечь его внимание: задавали глупые вопросы, кокетливо накручивали локоны на пальцы, смеялись слишком громко. Но Яна это словно не трогало.

— Fräulein Амелия, — вдруг произнес он. Она вздрогнула. — Прочтите, пожалуйста, следующий абзац. У вас идеальное произношение, в отличие от большинства присутствующих.

По аудитории пронесся едва слышный ропот. Кто-то обернулся, чтобы посмотреть на «серую мышь», которую выделил сам Ян Андреевич. Амелия поднялась на негнущихся ногах и начала читать. Голос немного дрожал, но она справилась.

— Danke, — сказал он мягко. — Превосходно.

Когда прозвенел звонок, Амелия вылетела из аудитории первой. Ей нужен был воздух. Она шла по университетскому коридору, потом по улице, не разбирая дороги, и сердце колотилось где-то у горла. В висках стучало: «Он смотрел на меня. Он назвал меня по имени. Он сказал, что у меня идеальное произношение».

Мартовский ветер трепал волосы, выбивая пряди из строгого пучка. Амелия шла и улыбалась, сама того не замечая. Улыбка растягивала губы, делала лицо другим — незнакомым, почти красивым. Она вдруг поймала себя на этом ощущении: внутри, в груди, что-то распухало. Теплое, пьянящее, щекотное. Мурашки бежали по коже, хотя ветер был совсем не холодным.

— Боже мой, — прошептала она, останавливаясь посреди тротуара. — Я, кажется, влюбилась.

Это было глупо. Смешно. Невозможно. Но внутри звенело и пело. Она вспомнила, как он смотрел на нее, как его губы чуть изогнулись в улыбке, когда она читала немецкий текст. Вспомнила его руку на своем плече во время их похода в библиотеку. Вспомнила его запах — сандал и что-то еще, необъяснимо мужское.

Ноги сами принесли ее к небольшому магазинчику косметики. Амелия замерла перед витриной. Ее отражение смотрело на нее растерянно и немного испуганно. Она вспомнила вчерашние слезы перед зеркалом, ненависть к собственному лицу, приговор «серая мышь».

— Может быть, — прошептала она отражению. — Может быть, если попробовать?

Она вошла в магазин. Консультантка с ярким макияжем удивленно вскинула бровь, глядя на бледную долговязую девицу в бесформенном пальто. Амелия растерялась у стенда с помадами. Десятки оттенков, названия одно краше другого. Она взяла первый попавшийся тюбик — нежно-розовый — и тут же поставила обратно. Слишком ярко. Слишком вызывающе. Не для нее.

Но потом в памяти всплыл его голос: «Вы — интересный собеседник». И она решилась. Взяла помаду винного оттенка, не слишком яркую, но и не бледную. И тушь. Самую обычную, черную.

Дома она долго стояла перед зеркалом, репетируя. Руки дрожали, и первая попытка накрасить ресницы закончилась смазанным черным пятном на веке. Она стерла и начала заново. Еще раз. И еще. Когда наконец получилось, Амелия замерла.

Из зеркала на нее смотрела незнакомка. Ресницы стали длиннее и темнее, глаза — выразительнее. Помада легла ровно, придавая губам цвет спелой вишни. Она неумело, но старательно провела расческой по волосам и оставила их распущенными. Длинные русые пряди упали на плечи мягкой волной.

— Ничего особенного, — сказала она себе строго. Но сердце билось быстрее.

На следующий день она шла в университет, чувствуя себя незащищенной. Ей казалось, что все смотрят на нее, и это было непривычно и страшно. Пальто то же, юбка та же, но помада на губах и ресницы, тронутые тушью, меняли все.

Однокурсницы заметили мгновенно.

— Ого, Амелия накрасилась? — хмыкнула Лера, пробегая взглядом по ее лицу. — Чудеса случаются.

— Решила произвести впечатление на нашего нового препода? — подхватила ее подруга Соня, и обе захихикали.

Амелия замерла у парты, чувствуя, как горят уши. Она не нашлась что ответить. Шушуканье за спиной становилось громче. Ей мерещилось, что вся группа обсуждает ее. «Посмотрите на эту мышку, вообразила себя красавицей», «Да кому она нужна», «Смешно выглядит».

Она резко поднялась и вышла в коридор. Почти бегом добралась до туалета, заперлась в кабинке и прижалась лбом к холодной двери. Дышать было трудно. «Идиотка, — стучало в голове. — Зачем? Зачем ты это сделала?»

Она вытащила из сумки бумажный платок и безжалостно стерла помаду с губ. Алые следы остались на белой бумаге, как улики преступления. Ресницы смыть не получилось, но она хотя бы не выглядела как клоун. Собрав волосы обратно в пучок, Амелия вышла из туалета.

И сразу наткнулась на Яна Андреевича.

Он стоял у окна в коридоре, видимо, кого-то ждал. Увидев ее, он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Амелия, — произнес он, и его глаза скользнули по ее лицу. — А я как раз думал о вас.

Она замерла на месте.

— П-правда?

— Вы сегодня прекрасно выглядите, — сказал он спокойно. — Вам очень идет, когда вы распускаете волосы.

Земля ушла из-под ног. Он заметил. Он сказал, что она прекрасна. Сердце забилось где-то в горле, и на глазах выступила предательская влага.

— Спасибо, — выдохнула она.

Он кивнул и прошел дальше по коридору, оставив ее в состоянии полной невесомости. Весь день после этого Амелия порхала. Она не слышала насмешек, не замечала косых взглядов. В голове звучало только одно: «Вы сегодня прекрасно выглядите».

Но вечером, после последней пары, она увидела это.

Коридор опустел. Она шла к выходу и заметила Яна Андреевича у аудитории номер двенадцать. Он стоял, облокотившись плечом о дверной косяк, и разговаривал с девушкой. Амелия узнала ее — это была Марина с журфака, ослепительная блондинка с точеной фигурой и томным взглядом. Она держалась свободно, уверенно, как держатся красивые женщины, привыкшие к мужскому вниманию. Ее пальцы с идеальным маникюром касались его рукава.

Ян смеялся. Он смотрел на Марину так же тепло, как утром смотрел на Амелию. Наклонялся к ней, говорил что-то негромкое, и блондинка расцветала ответной улыбкой.

Внутри у Амелии что-то оборвалось.

Она застыла на полпути, не в силах отвести взгляд. Острый, обжигающий укол ревности пронзил ее насквозь. Он смотрел на эту Марину точно так же. С той же улыбкой, с тем же вниманием. Значит, она не особенная. Обычная студентка, одна из многих. «Вы интересный собеседник». «Вы прекрасно выглядите». Наверняка он говорит это каждой. Дежурные фразы. Ничего личного.

Она резко развернулась и быстрым шагом пошла к выходу. Губы дрожали. В горле стоял ком, который она не могла проглотить. На улице она почти побежала, не разбирая дороги, и только за углом здания, в пустом скверике, позволила себе остановиться и заплакать.

Слезы были горькими и злыми. На этот раз она плакала не от ненависти к себе, а от острого, почти физического ощущения потери. Потери того, чего у нее никогда и не было. Она сама все придумала. Сама нарисовала сказку. А теперь сказка разбилась о реальность, в которой красивые мужчины улыбаются красивым женщинам, а серые мыши сидят дома и не высовываются.

— Дура, — повторила она вчерашнее слово и пошла домой.

Косметика осталась лежать на дне сумки. Она знала, что больше ее не достанет

Она не красилась. Сегодня надела все тот же серый свитер и собрала волосы в привычный пучок. После вчерашней истерики у зеркала она твердо решила: никаких иллюзий, никаких надежд. Ян Андреевич — преподаватель, она — студентка. Точка.

Когда дверь открылась и он вошел в аудиторию, воздух сгустился. Тишина упала мгновенно, как отрезало. Он был в темно-сером костюме и белой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей. Без галстука. Выглядел так, будто сошел с обложки мужского журнала.

— Guten Tag, — произнес он низким голосом и окинул аудиторию взглядом.

Амелия показалось, что его глаза скользнули по ней чуть медленнее, чем по остальным. Чуть. Просто показалось.

Пара началась. Ян Андреевич говорил о сложностях перевода немецких модальных глаголов, и голос его обволакивал, гипнотизировал. Амелия старательно записывала, боясь поднять голову. Потому что каждый раз, когда она это делала, их взгляды встречались.

Сначала она подумала — случайность. Но это повторялось снова и снова. Он задавал вопрос аудитории — и смотрел на нее. Объяснял грамматическую конструкцию — и его глаза вновь находили третью парту у окна. Один раз он даже запнулся на полуслове, задержав взгляд на Амелии, и ей пришлось уткнуться в тетрадь, чтобы скрыть пылающие щеки.

Девушки с первых парт из кожи вон лезли, чтобы привлечь его внимание: задавали глупые вопросы, кокетливо накручивали локоны на пальцы, смеялись слишком громко. Но Яна это словно не трогало.

— Fräulein Амелия, — вдруг произнес он. Она вздрогнула. — Прочтите, пожалуйста, следующий абзац. У вас идеальное произношение, в отличие от большинства присутствующих.

По аудитории пронесся едва слышный ропот. Кто-то обернулся, чтобы посмотреть на «серую мышь», которую выделил сам Ян Андреевич. Амелия поднялась на негнущихся ногах и начала читать. Голос немного дрожал, но она справилась.

— Danke, — сказал он мягко. — Превосходно.

Когда прозвенел звонок, Амелия вылетела из аудитории первой. Ей нужен был воздух. Она шла по университетскому коридору, потом по улице, не разбирая дороги, и сердце колотилось где-то у горла. В висках стучало: «Он смотрел на меня. Он назвал меня по имени. Он сказал, что у меня идеальное произношение».

Мартовский ветер трепал волосы, выбивая пряди из строгого пучка. Амелия шла и улыбалась, сама того не замечая. Улыбка растягивала губы, делала лицо другим — незнакомым, почти красивым. Она вдруг поймала себя на этом ощущении: внутри, в груди, что-то распухало. Теплое, пьянящее, щекотное. Мурашки бежали по коже, хотя ветер был совсем не холодным.

— Боже мой, — прошептала она, останавливаясь посреди тротуара. — Я, кажется, влюбилась.

Это было глупо. Смешно. Невозможно. Но внутри звенело и пело. Она вспомнила, как он смотрел на нее, как его губы чуть изогнулись в улыбке, когда она читала немецкий текст. Вспомнила его руку на своем плече во время их похода в библиотеку. Вспомнила его запах — сандал и что-то еще, необъяснимо мужское.

Ноги сами принесли ее к небольшому магазинчику косметики. Амелия замерла перед витриной. Ее отражение смотрело на нее растерянно и немного испуганно. Она вспомнила вчерашние слезы перед зеркалом, ненависть к собственному лицу, приговор «серая мышь».

— Может быть, — прошептала она отражению. — Может быть, если попробовать?

Она вошла в магазин. Консультантка с ярким макияжем удивленно вскинула бровь, глядя на бледную долговязую девушку в бесформенном пальто. Амелия растерялась у стенда с помадами. Десятки оттенков, названия одно краше другого. Она взяла первый попавшийся тюбик — нежно-розовый — и тут же поставила обратно. Слишком ярко. Слишком вызывающе. Не для нее.

Но потом в памяти всплыл его голос: «Вы — интересный собеседник». И она решилась. Взяла помаду винного оттенка, не слишком яркую, но и не бледную. И тушь. Самую обычную, черную.

Дома она долго стояла перед зеркалом, репетируя. Руки дрожали, и первая попытка накрасить ресницы закончилась смазанным черным пятном на веке. Она стерла и начала заново. Еще раз. И еще. Когда наконец получилось, Амелия замерла.

Из зеркала на нее смотрела незнакомка. Ресницы стали длиннее и темнее, глаза — выразительнее. Помада легла ровно, придавая губам цвет спелой вишни. Она неумело, но старательно провела расческой по волосам и оставила их распущенными. Длинные русые пряди упали на плечи мягкой волной.

— Ничего особенного, — сказала она себе строго. Но сердце билось быстрее.

На следующий день она шла в университет, чувствуя себя незащищенной. Ей казалось, что все смотрят на нее, и это было непривычно и страшно. Пальто то же, юбка та же, но помада на губах и ресницы, тронутые тушью, меняли все.

Однокурсницы заметили мгновенно.

— Ого, Амелия накрасилась? — хмыкнула Лера, пробегая взглядом по ее лицу. — Чудеса случаются.

— Решила произвести впечатление на нашего нового препода? — подхватила ее подруга Соня, и обе захихикали.

Амелия замерла у парты, чувствуя, как горят уши. Она не нашлась что ответить. Шушуканье за спиной становилось громче. Ей мерещилось, что вся группа обсуждает ее. «Посмотрите на эту мышку, вообразила себя красавицей», «Да кому она нужна», «Смешно выглядит».

Она резко поднялась и вышла в коридор. Почти бегом добралась до туалета, заперлась в кабинке и прижалась лбом к холодной дверце. Дышать было трудно. «Идиотка, — стучало в голове. — Зачем? Зачем ты это сделала?»

Она вытащила из сумки бумажный платок и безжалостно стерла помаду с губ. Алые следы остались на белой бумаге, как улики преступления. Ресницы смыть не получилось, но она хотя бы не выглядела как клоун. Собрав волосы обратно в пучок, Амелия вышла из туалета.

И сразу наткнулась на Яна Андреевича.

Он стоял у окна в коридоре, видимо, кого-то ждал. Увидев ее, он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Амелия, — произнес он, и его глаза скользнули по ее лицу. — А я как раз думал о вас.

Она замерла на месте.

— П-правда?

— Вы сегодня прекрасно выглядите, — сказал он спокойно. — Вам очень идет, когда вы распускаете волосы.

Земля ушла из-под ног. Он заметил. Он сказал, что она прекрасна. Сердце забилося где-то в горле, и на глазах выступила предательская влага.

— Спасибо, — выдохнула она.

Он кивнул и прошел дальше по коридору, оставив ее в состоянии полной невесомости. Весь день после этого Амелия порхала. Она не слышала насмешек, не замечала косых взглядов. В голове звучало только одно: «Вы сегодня прекрасно выглядите».

Но вечером, после последней пары, она увидела это.

Коридор опустел. Она шла к выходу и заметила Яна Андреевича у аудитории номер двенадцать. Он стоял, облокотившись плечом о дверной косяк, и разговаривал с девушкой. Амелия узнала ее — это была Марина с журфака, ослепительная блондинка с точеной фигурой и томным взглядом. Она держалась свободно, уверенно, как держатся красивые женщины, привыкшие к мужскому вниманию. Ее пальцы с идеальным маникюром касались его рукава.

Ян смеялся. Он смотрел на Марину так же тепло, как утром смотрел на Амелию. Наклонился к ней, говорил что-то негромкое, и блондинка расцветала ответной улыбкой.

Внутри у Амелии что-то оборвалось.

Она застыла на полпути, не в силах отвести взгляд. Острый, обжигающий укол ревности пронзил ее насквозь. Он смотрел на эту Марину точно так же. С той же улыбкой, с тем же вниманием. Значит, она не особенная. Обычная студентка, одна из многих. «Вы интересный собеседник». «Вы прекрасно выглядите». Наверняка он говорит это каждой. Дежурные фразы. Ничего личного.

Она резко развернулась и быстрым шагом пошла к выходу. Губы дрожали. В горле стоял ком, который она не могла проглотить. На улице она почти побежала, не разбирая дороги, и только за углом здания, в пустом скверике, позволила себе остановиться и заплакать.

Слезы были горькими и злыми. На этот раз она плакала не от ненависти к себе, а от острого, почти физического ощущения потери. Потери того, чего у нее никогда и не было. Она сама все придумала. Сама нарисовала сказку. А теперь сказка разбилась о реальность, в которой красивые мужчины улыбаются красивым женщинам, а серые мышки сидят дома и не высовываются.

— Дура, — повторила она вчерашнее слово и пошла домой.

Косметика осталась лежать на дне сумки. Она знала, что больше ее не достанет

Она не красилась. Сегодня надела все тот же серый свитер и собрала волосы в привычный пучок. После вчерашней истерики у зеркала она твердо решила: никаких иллюзий, никаких надежд. Ян Андреевич — преподаватель, она — студентка. Точка.

Когда дверь открылась и он вошел в аудиторию, воздух сгустился. Тишина упала мгновенно, как отрезало. Он был в темно-сером костюме и белой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей. Без галстука. Выглядел так, будто сошел с обложки мужского журнала.

— Guten Tag, — произнес он низким голосом и окинул аудиторию взглядом.

Амелия показалось, что его глаза скользнули по ней чуть медленнее, чем по остальным. Чуть. Просто показалось.

Пара началась. Ян Андреевич говорил о сложностях перевода немецких модальных глаголов, и голос его обволакивал, гипнотизировал. Амелия старательно записывала, боясь поднять голову. Потому что каждый раз, когда она это делала, их взгляды встречались.

Сначала она подумала — случайность. Но это повторялось снова и снова. Он задавал вопрос аудитории — и смотрел на нее. Объяснял грамматическую конструкцию — и его глаза вновь находили третью парту у окна. Один раз он даже запнулся на полуслове, задержав взгляд на Амелии, и ей пришлось уткнуться в тетрадь, чтобы скрыть пылающие щеки.

Девушки с первых парт из кожи вон лезли, чтобы привлечь его внимание: задавали глупые вопросы, кокетливо накручивали локоны на пальцы, смеялись слишком громко. Но Яна это словно не трогало.

— Fräulein Амелия, — вдруг произнес он. Она вздрогнула. — Прочтите, пожалуйста, следующий абзац. У вас идеальное произношение, в отличие от большинства присутствующих.

По аудитории пронесся едва слышный ропот. Кто-то обернулся, чтобы посмотреть на «серую мышь», которую выделил сам Ян Андреевич. Амелия поднялась на негнущихся ногах и начала читать. Голос немного дрожал, но она справилась.

— Danke, — сказал он мягко. — Превосходно.

Когда прозвенел звонок, Амелия вылетела из аудитории первой. Ей нужен был воздух. Она шла по университетскому коридору, потом по улице, не разбирая дороги, и сердце колотилось где-то у горла. В висках стучало: «Он смотрел на меня. Он назвал меня по имени. Он сказал, что у меня идеальное произношение».

Мартовский ветер трепал волосы, выбивая пряди из строгого пучка. Амелия шла и улыбалась, сама того не замечая. Улыбка растягивала губы, делала лицо другим — незнакомым, почти красивым. Она вдруг поймала себя на этом ощущении: внутри, в груди, что-то распухало. Теплое, пьянящее, щекотное. Мурашки бежали по коже, хотя ветер был совсем не холодным.

— Боже мой, — прошептала она, останавливаясь посреди тротуара. — Я, кажется, влюбилась.

Это было глупо. Смешно. Невозможно. Но внутри звенело и пело. Она вспомнила, как он смотрел на нее, как его губы чуть изогнулись в улыбке, когда она читала немецкий текст. Вспомнила его руку на своем плече во время их похода в библиотеку. Вспомнила его запах — сандал и что-то еще, необъяснимо мужское.

Ноги сами принесли ее к небольшому магазинчику косметики. Амелия замерла перед витриной. Ее отражение смотрело на нее растерянно и немного испуганно. Она вспомнила вчерашние слезы перед зеркалом, ненависть к собственному лицу, приговор «серая мышь».

— Может быть, — прошептала она отражению. — Может быть, если попробовать?

Она вошла в магазин. Консультантка с ярким макияжем удивленно вскинула бровь, глядя на бледную долговязую девицу в бесформенном пальто. Амелия растерялась у стенда с помадами. Десятки оттенков, названия одно краше другого. Она взяла первый попавшийся тюбик — нежно-розовый — и тут же поставила обратно. Слишком ярко. Слишком вызывающе. Не для нее.

Но потом в памяти всплыл его голос: «Вы — интересный собеседник». И она решилась. Взяла помаду винного оттенка, не слишком яркую, но и не бледную. И тушь. Самую обычную, черную.

Дома она долго стояла перед зеркалом, репетируя. Руки дрожали, и первая попытка накрасить ресницы закончилась смазанным черным пятном на веке. Она стерла и начала заново. Еще раз. И еще. Когда наконец получилось, Амелия замерла.

Из зеркала на нее смотрела незнакомка. Ресницы стали длиннее и темнее, глаза — выразительнее. Помада легла ровно, придавая губам цвет спелой вишни. Она неумело, но старательно провела расческой по волосам и оставила их распущенными. Длинные русые пряди упали на плечи мягкой волной.

— Ничего особенного, — сказала она себе строго. Но сердце билось быстрее.

На следующий день она шла в университет, чувствуя себя незащищенной. Ей казалось, что все смотрят на нее, и это было непривычно и страшно. Пальто то же, юбка та же, но помада на губах и ресницы, тронутые тушью, меняли все.

Однокурсницы заметили мгновенно.

— Ого, Амелия накрасилась? — хмыкнула Лера, пробегая взглядом по ее лицу. — Чудеса случаются.

— Решила произвести впечатление на нашего нового препода? — подхватила ее подруга Соня, и обе захихикали.

Амелия замерла у парты, чувствуя, как горят уши. Она не нашлась что ответить. Шушуканье за спиной становилось громче. Ей мерещилось, что вся группа обсуждает ее. «Посмотрите на эту мышку, вообразила себя красавицей», «Да кому она нужна», «Смешно выглядит».

Она резко поднялась и вышла в коридор. Почти бегом добралась до туалета, заперлась в кабинке и прижалась лбом к холодной дверце. Дышать было трудно. «Идиотка, — стучало в голове. — Зачем? Зачем ты это сделала?»

Она вытащила из сумки бумажный платок и безжалостно стерла помаду с губ. Алые следы остались на белой бумаге, как улики преступления. Ресницы смыть не получилось, но она хотя бы не выглядела как клоун. Собрав волосы обратно в пучок, Амелия вышла из туалета.

И сразу наткнулась на Яна Андреевича.

Он стоял у окна в коридоре, видимо, кого-то ждал. Увидев ее, он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Амелия, — произнес он, и его глаза скользнули по ее лицу. — А я как раз думал о вас. Она замерла на месте.

— П-правда?

— Вы сегодня прекрасно выглядите, — сказал он спокойно. — Вам очень идет, когда вы распускаете волосы.

Земля ушла из-под ног. Он заметил. Он сказал, что она прекрасна. Сердце забило где-то в горле, и на глазах выступила предательская влага.

— Спасибо, — выдохнула она.

Он кивнул и прошел дальше по коридору, оставив ее в состоянии полной невесомости. Весь день после этого Амелия порхала. Она не слышала насмешек, не замечала косых взглядов. В голове звучало только одно: «Вы сегодня прекрасно выглядите».

Но вечером, после последней пары, она увидела это.

Коридор опустел. Она шла к выходу и заметила Яна Андреевича у аудитории номер двенадцать. Он стоял, облокотившись плечом о дверной косяк, и разговаривал с девушкой. Амелия узнала ее — это была Марина с журфака, ослепительная блондинка с точеной фигурой и томным взглядом. Она держалась свободно, уверенно, как держатся красивые женщины, привыкшие к мужскому вниманию. Ее пальцы с идеальным маникюром касались его рукава.

Ян смеялся. Он смотрел на Марину так же тепло, как утром смотрел на Амелию. Наклонялся к ней, говорил что-то негромкое, и блондинка расцветала ответной улыбкой.

Внутри у Амелии что-то оборвалось.

Она застыла на полпути, не в силах отвести взгляд. Острый, обжигающий укол ревности пронзил ее насквозь. Он смотрел на эту Марину точно так же. С той же улыбкой, с тем же вниманием. Значит, она не особенная. Обычная студентка, одна из многих. «Вы интересный собеседник». «Вы прекрасно выглядите». Наверняка он говорит это каждой. Дежурные фразы. Ничего личного.

Она резко развернулась и быстрым шагом пошла к выходу. Губы дрожали. В горле стоял ком, который она не могла проглотить. На улице она почти побежала, не разбирая дороги, и только за углом здания, в пустом скверике, позволила себе остановиться и заплакать.

Слезы были горькими и злыми. На этот раз она плакала не от ненависти к себе, а от острого, почти физического ощущения потери. Потери того, чего у нее никогда и не было. Она сама все придумала. Сама нарисовала сказку. А теперь сказка разбилась о реальность, в которой красивые мужчины улыбаются красивым женщинам, а серые мыши сидят дома и не высовываются.

— Дура, — повторила она вчерашнее слово и пошла домой.

Косметика осталась лежать на дне сумки. Она знала, что больше ее не достанет

Она не красилась. Сегодня надела все тот же серый свитер и собрала волосы в привычный пучок. После вчерашней истерики у зеркала она твердо решила: никаких иллюзий, никаких надежд. Ян Андреевич — преподаватель, она — студентка. Точка.

Когда дверь открылась и он вошел в аудиторию, воздух сгустился. Тишина упала мгновенно, как отрезало. Он был в темно-сером костюме и белой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей. Без галстука. Выглядел так, будто сошел с обложки мужского журнала.

— Guten Tag, — произнес он низким голосом и окинул аудиторию взглядом.

Амелия показалось, что его глаза скользнули по ней чуть медленнее, чем по остальным. Чушь. Просто показалось.

Пара началась. Ян Андреевич говорил о сложностях перевода немецких модальных глаголов, и голос его обволакивал, гипнотизировал. Амелия старательно записывала, боясь поднять голову. Потому что каждый раз, когда она это делала, их взгляды встречались.

Сначала она подумала — случайность. Но это повторялось снова и снова. Он задавал вопрос аудитории — и смотрел на нее. Объяснял грамматическую конструкцию — и его глаза вновь находили третью парту у окна. Один раз он даже запнулся на полуслове, задержав взгляд на Амелии, и ей пришлось уткнуться в тетрадь, чтобы скрыть пылающие щеки.

Девушки с первых парт из кожи вон лезли, чтобы привлечь его внимание: задавали глупые вопросы, кокетливо накручивали локоны на пальцы, смеялись слишком громко. Но Яна это словно не трогало.

— Fräulein Амелия, — вдруг произнес он. Она вздрогнула. — Прочтите, пожалуйста, следующий абзац. У вас идеальное произношение, в отличие от большинства присутствующих.

По аудитории пронесся едва слышный ропот. Кто-то обернулся, чтобы посмотреть на «серую мышь», которую выделил сам Ян Андреевич. Амелия поднялась на негнущихся ногах и начала читать. Голос немного дрожал, но она справилась.

— Danke, — сказал он мягко. — Превосходно.

Когда прозвенел звонок, Амелия вылетела из аудитории первой. Ей нужен был воздух. Она шла по университетскому коридору, потом по улице, не разбирая дороги, и сердце колотилось где-то у горла. В висках стучало: «Он смотрел на меня. Он назвал меня по имени. Он сказал, что у меня идеальное произношение».

Мартовский ветер трепал волосы, выбивая пряди из строгого пучка. Амелия шла и улыбалась, сама того не замечая. Улыбка растягивала губы, делала лицо другим — незнакомым,

почти красивым. Она вдруг поймала себя на этом ощущении: внутри, в груди, что-то распускалось. Теплое, пьянящее, щекотное. Мурашки бежали по коже, хотя ветер был совсем не холодным.

— Боже мой, — прошептала она, останавливаясь посреди тротуара. — Я, кажется, влюбилась.

Это было глупо. Смешно. Невозможно. Но внутри звенело и пело. Она вспомнила, как он смотрел на нее, как его губы чуть изогнулись в улыбке, когда она читала немецкий текст. Вспомнила его руку на своем плече во время их похода в библиотеку. Вспомнила его запах — сандал и что-то еще, необъяснимо мужское.

Ноги сами принесли ее к небольшому магазинчику косметики. Амелия замерла перед витриной. Ее отражение смотрело на нее растерянно и немного испуганно. Она вспомнила вчерашние слезы перед зеркалом, ненависть к собственному лицу, приговор «серая мышь».

— Может быть, — прошептала она отражению. — Может быть, если попробовать?

Она вошла в магазин. Консультантка с ярким макияжем удивленно вскинула бровь, глядя на бледную долговязую девушку в бесформенном пальто. Амелия растерялась у стенда с помадами. Десятки оттенков, названия одно краше другого. Она взяла первый попавшийся тюбик — нежно-розовый — и тут же поставила обратно. Слишком ярко. Слишком вызывающе. Не для нее.

Но потом в памяти всплыл его голос: «Вы — интересный собеседник». И она решилась. Взяла помаду винного оттенка, не слишком яркую, но и не бледную. И тушь. Самую обычную, черную.

Дома она долго стояла перед зеркалом, репетируя. Руки дрожали, и первая попытка накрасить ресницы закончилась смазанным черным пятном на веке. Она стерла и начала заново. Еще раз. И еще. Когда наконец получилось, Амелия замерла.

Из зеркала на нее смотрела незнакомка. Ресницы стали длиннее и темнее, глаза — выразительнее. Помада легла ровно, придавая губам цвет спелой вишни. Она неумело, но старательно провела расческой по волосам и оставила их распущенными. Длинные русые пряди упали на плечи мягкой волной.

— Ничего особенного, — сказала она себе строго. Но сердце билось быстрее.

На следующий день она шла в университет, чувствуя себя незащищенной. Ей казалось, что все смотрят на нее, и это было непривычно и страшно. Пальто то же, юбка та же, но помада на губах и ресницы, тронутые тушью, меняли все.

Однокурсницы заметили мгновенно.

— Ого, Амелия нарядилась? — хмыкнула Лера, пробегая взглядом по ее лицу. — Чудеса случаются.

— Решила произвести впечатление на нашего нового препода? — подхватила ее подруга Соня, и обе захихикали.

Амелия замерла у парты, чувствуя, как горят уши. Она не нашлась что ответить. Шушуканье за спиной становилось громче. Ей мерещилось, что вся группа обсуждает ее. «Посмотрите на эту мышь, вообразила себя красавицей», «Да кому она нужна», «Смешно выглядит».

Она резко поднялась и вышла в коридор. Почти бегом добралась до туалета, заперлась в кабинке и прижалась лбом к холодной дверце. Дышать было трудно. «Идиотка, — стучало в голове. — Зачем? Зачем ты это сделала?»

Она вытащила из сумки бумажный платок и безжалостно стерла помаду с губ. Алые следы остались на белой бумаге, как улики преступления. Ресницы смыть не получилось, но она хотя бы не выглядела как клоун. Собрав волосы обратно в пучок, Амелия вышла из туалета.

И сразу наткнулась на Яна Андреевича.

Он стоял у окна в коридоре, видимо, кого-то ждал. Увидев ее, он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Амелия, — произнес он, и его глаза скользнули по ее лицу. — А я как раз думал о вас. Она замерла на месте.

— П-правда?

— Вы сегодня прекрасно выглядите, — сказал он спокойно. — Вам очень идет, когда вы распускаете волосы.

Земля ушла из-под ног. Он заметил. Он сказал, что она прекрасна. Сердце забилось где-то в горле, и на глазах выступила предательская влага.

— Спасибо, — выдохнула она.

Он кивнул и прошел дальше по коридору, оставив ее в состоянии полной невесомости. Весь день после этого Амелия порхала. Она не слышала насмешек, не замечала косых взглядов. В голове звучало только одно: «Вы сегодня прекрасно выглядите».

Но вечером, после последней пары, она увидела это.

Коридор опустел. Она шла к выходу и заметила Яна Андреевича у аудитории номер двенадцать. Он стоял, облокотившись плечом о дверной косяк, и разговаривал с девушкой. Амелия узнала ее — это была Марина с журфака, ослепительная блондинка с точеной фигурой и томным взглядом. Она держалась свободно, уверенно, как держатся красивые женщины, привыкшие к мужскому вниманию. Ее пальцы с идеальным маникюром касались его рукава.

Ян смеялся. Он смотрел на Марину так же тепло, как утром смотрел на Амелию. Наклонялся к ней, говорил что-то негромкое, и блондинка расцветала ответной улыбкой.

Внутри у Амелии что-то оборвалось.

Она застыла на полпути, не в силах отвести взгляд. Острый, обжигающий укол ревности пронзил ее насквозь. Он смотрел на эту Марину точно так же. С той же улыбкой, с тем же вниманием. Значит, она не особенная. Обычная студентка, одна из многих. «Вы интересный собеседник». «Вы прекрасно выглядите». Наверняка он говорит это каждой. Дежурные фразы. Ничего личного.

Она резко развернулась и быстрым шагом пошла к выходу. Губы дрожали. В горле стоял ком, который она не могла проглотить. На улице она почти побежала, не разбирая дороги, и только за углом здания, в пустом скверике, позволила себе остановиться и заплакать.

Слезы были горькими и злыми. На этот раз она плакала не от ненависти к себе, а от острого, почти физического ощущения потери. Потери того, чего у нее никогда и не было. Она сама все придумала. Сама нарисовала сказку. А теперь сказка разбилась о реальность, в которой красивые мужчины улыбаются красивым женщинам, а серые мыши сидят дома и не высовываются.

— Дура, — повторила она вчерашнее слово и пошла домой.

Косметика осталась лежать на дне сумки. Она знала, что больше ее не достанет.

Она не красилась. Сегодня надела все тот же серый свитер и собрала волосы в привычный пучок. После вчерашней истерики у зеркала она твердо решила: никаких иллюзий, никаких надежд. Ян Андреевич — преподаватель, она — студентка. Точка.

Когда дверь открылась и он вошел в аудиторию, воздух сгустился. Тишина упала мгновенно, как отрезало. Он был в темно-сером костюме и белой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей. Без галстука. Выглядел так, будто сошел с обложки мужского журнала.

— Guten Tag, — произнес он низким голосом и окинул аудиторию взглядом.

Амелия показалось, что его глаза скользнули по ней чуть медленнее, чем по остальным. Чуть. Просто показалось.

Пара началась. Ян Андреевич говорил о сложностях перевода немецких модальных глаголов, и голос его обволакивал, гипнотизировал. Амелия старательно записывала, боясь поднять голову. Потому что каждый раз, когда она это делала, их взгляды встречались.

Сначала она подумала — случайность. Но это повторялось снова и снова. Он задавал вопрос аудитории — и смотрел на нее. Объяснял грамматическую конструкцию — и его глаза

вновь находили третью парту у окна. Один раз он даже запнулся на полуслове, задержав взгляд на Амелии, и ей пришлось уткнуться в тетрадь, чтобы скрыть пылающие щеки.

Девушки с первых парт из кожи вон лезли, чтобы привлечь его внимание: задавали глупые вопросы, кокетливо накручивали локоны на пальцы, смеялись слишком громко. Но Яна это словно не трогало.

— Fräulein Амелия, — вдруг произнес он. Она вздрогнула. — Прочтите, пожалуйста, следующий абзац. У вас идеальное произношение, в отличие от большинства присутствующих.

По аудитории пронесся едва слышный ропот. Кто-то обернулся, чтобы посмотреть на «серую мышь», которую выделил сам Ян Андреевич. Амелия поднялась на негнущихся ногах и начала читать. Голос немного дрожал, но она справилась.

— Danke, — сказал он мягко. — Превосходно.

Когда прозвенел звонок, Амелия вылетела из аудитории первой. Ей нужен был воздух. Она шла по университетскому коридору, потом по улице, не разбирая дороги, и сердце колотилось где-то у горла. В висках стучало: «Он смотрел на меня. Он назвал меня по имени. Он сказал, что у меня идеальное произношение».

Мартовский ветер трепал волосы, выбивая пряди из строгого пучка. Амелия шла и улыбалась, сама того не замечая. Улыбка растягивала губы, делала лицо другим — незнакомым, почти красивым. Она вдруг поймала себя на этом ощущении: внутри, в груди, что-то распухало. Теплое, пьянящее, щекотное. Мурашки бежали по коже, хотя ветер был совсем не холодным.

— Боже мой, — прошептала она, останавливаясь посреди тротуара. — Я, кажется, влюбилась.

Это было глупо. Смешно. Невозможно. Но внутри звенело и пело. Она вспомнила, как он смотрел на нее, как его губы чуть изогнулись в улыбке, когда она читала немецкий текст. Вспомнила его руку на своем плече во время их похода в библиотеку. Вспомнила его запах — сандал и что-то еще, необъяснимо мужское.

Ноги сами принесли ее к небольшому магазинчику косметики. Амелия замерла перед витриной. Ее отражение смотрело на нее растерянно и немного испуганно. Она вспомнила вчерашние слезы перед зеркалом, ненависть к собственному лицу, приговор «серая мышь».

— Может быть, — прошептала она отражению. — Может быть, если попробовать?

Она вошла в магазин. Консультантка с ярким макияжем удивленно вскинула бровь, глядя на бледную долговязую девицу в бесформенном пальто. Амелия растерялась у стенда с помадами. Десятки оттенков, названия одно краше другого. Она взяла первый попавшийся тюбик — нежно-розовый — и тут же поставила обратно. Слишком ярко. Слишком вызывающе. Не для нее.

Но потом в памяти всплыл его голос: «Вы — интересный собеседник». И она решилась. Взяла помаду винного оттенка, не слишком яркую, но и не бледную. И тушь. Самую обычную, черную.

Дома она долго стояла перед зеркалом, репетируя. Руки дрожали, и первая попытка накрасить ресницы закончилась смазанным черным пятном на веке. Она стерла и начала заново. Еще раз. И еще. Когда наконец получилось, Амелия замерла.

Из зеркала на нее смотрела незнакомка. Ресницы стали длиннее и темнее, глаза — выразительнее. Помада легла ровно, придавая губам цвет спелой вишни. Она неумело, но старательно провела расческой по волосам и оставила их распущенными. Длинные русые пряди упали на плечи мягкой волной.

— Ничего особенного, — сказала она себе строго. Но сердце билось быстрее.

На следующий день она шла в университет, чувствуя себя незащищенной. Ей казалось, что все смотрят на нее, и это было непривычно и страшно. Пальто то же, юбка та же, но помада на губах и ресницы, тронутые тушью, меняли все.

Однокурсницы заметили мгновенно.

— Ого, Амелия накрасилась? — хмыкнула Лера, пробегая взглядом по ее лицу. — Чудеса случаются.

— Решила произвести впечатление на нашего нового препода? — подхватила ее подруга Соня, и обе захихикали.

Амелия замерла у парты, чувствуя, как горят уши. Она не нашлась что ответить. Шушуканье за спиной становилось громче. Ей мерещилось, что вся группа обсуждает ее. «Посмотрите на эту мышку, вообразила себя красавицей», «Да кому она нужна», «Смешно выглядит».

Она резко поднялась и вышла в коридор. Почти бегом добралась до туалета, заперлась в кабинке и прижалась лбом к холодной дверце. Дышать было трудно. «Идиотка, — стучало в голове. — Зачем? Зачем ты это сделала?»

Она вытащила из сумки бумажный платок и безжалостно стерла помаду с губ. Алые следы остались на белой бумаге, как улики преступления. Ресницы смыть не получилось, но она хотя бы не выглядела как клоун. Собрав волосы обратно в пучок, Амелия вышла из туалета.

И сразу наткнулась на Яна Андреевича.

Он стоял у окна в коридоре, видимо, кого-то ждал. Увидев ее, он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Амелия, — произнес он, и его глаза скользнули по ее лицу. — А я как раз думал о вас.

Она замерла на месте.

— П-правда?

— Вы сегодня прекрасно выглядите, — сказал он спокойно. — Вам очень идет, когда вы распускаете волосы.

Земля ушла из-под ног. Он заметил. Он сказал, что она прекрасна. Сердце забилося где-то в горле, и на глазах выступила предательская влага.

— Спасибо, — выдохнула она.

Он кивнул и прошел дальше по коридору, оставив ее в состоянии полной невесомости. Весь день после этого Амелия порхала. Она не слышала насмешек, не замечала косых взглядов. В голове звучало только одно: «Вы сегодня прекрасно выглядите».

Но вечером, после последней пары, она увидела это.

Коридор опустел. Она шла к выходу и заметила Яна Андреевича у аудитории номер двенадцать. Он стоял, облокотившись плечом о дверной косяк, и разговаривал с девушкой. Амелия узнала ее — это была Марина с журфака, ослепительная блондинка с точеной фигурой и томным взглядом. Она держалась свободно, уверенно, как держатся красивые женщины, привыкшие к мужскому вниманию. Ее пальцы с идеальным маникюром касались его рукава.

Ян смеялся. Он смотрел на Марину так же тепло, как утром смотрел на Амелию. Наклонился к ней, говорил что-то негромкое, и блондинка расцветала ответной улыбкой.

Внутри у Амелии что-то оборвалось.

Она застыла на полпути, не в силах отвести взгляд. Острый, обжигающий укол ревности пронзил ее насквозь. Он смотрел на эту Марину точно так же. С той же улыбкой, с тем же вниманием. Значит, она не особенная. Обычная студентка, одна из многих. «Вы интересный собеседник». «Вы прекрасно выглядите». Наверняка он говорит это каждой. Дежурные фразы. Ничего личного.

Она резко развернулась и быстрым шагом пошла к выходу. Губы дрожали. В горле стоял ком, который она не могла проглотить. На улице она почти побежала, не разбирая дороги, и только за углом здания, в пустом скверике, позволила себе остановиться и заплакать.

Слезы были горькими и злыми. На этот раз она плакала не от ненависти к себе, а от острого, почти физического ощущения потери. Потери того, чего у нее никогда и не было. Она сама все придумала. Сама нарисовала сказку. А теперь сказка разбилась о реальность, в

которой красивые мужчины улыбаются красивым женщинам, а серые мыши сидят дома и не высовываются.

— Дура, — повторила она вчерашнее слово и пошла домой.

Косметика осталась лежать на дне сумки. Она знала, что больше ее не достанет

Она не красилась. Сегодня надела все тот же серый свитер и собрала волосы в привычный пучок. После вчерашней истерики у зеркала она твердо решила: никаких иллюзий, никаких надежд. Ян Андреевич — преподаватель, она — студентка. Точка.

Когда дверь открылась и он вошел в аудиторию, воздух сгустился. Тишина упала мгновенно, как отрезало. Он был в темно-сером костюме и белой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей. Без галстука. Выглядел так, будто сошел с обложки мужского журнала.

— Guten Tag, — произнес он низким голосом и окинул аудиторию взглядом.

Амелия показалось, что его глаза скользнули по ней чуть медленнее, чем по остальным. Чуть. Просто показалось.

Пара началась. Ян Андреевич говорил о сложностях перевода немецких модальных глаголов, и голос его обволакивал, гипнотизировал. Амелия старательно записывала, боясь поднять голову. Потому что каждый раз, когда она это делала, их взгляды встречались.

Сначала она подумала — случайность. Но это повторялось снова и снова. Он задавал вопрос аудитории — и смотрел на нее. Объяснял грамматическую конструкцию — и его глаза вновь находили третью парту у окна. Один раз он даже запнулся на полуслове, задержав взгляд на Амелии, и ей пришлось уткнуться в тетрадь, чтобы скрыть пылающие щеки.

Девушки с первых парт из кожи вон лезли, чтобы привлечь его внимание: задавали глупые вопросы, кокетливо накручивали локоны на пальцы, смеялись слишком громко. Но Яна это словно не трогало.

— Fräulein Амелия, — вдруг произнес он. Она вздрогнула. — Прочтите, пожалуйста, следующий абзац. У вас идеальное произношение, в отличие от большинства присутствующих.

По аудитории пронесся едва слышный ропот. Кто-то обернулся, чтобы посмотреть на «серую мышь», которую выделил сам Ян Андреевич. Амелия поднялась на негнущихся ногах и начала читать. Голос немного дрожал, но она справилась.

— Danke, — сказал он мягко. — Превосходно.

Когда прозвенел звонок, Амелия вылетела из аудитории первой. Ей нужен был воздух. Она шла по университетскому коридору, потом по улице, не разбирая дороги, и сердце колотилось где-то у горла. В висках стучало: «Он смотрел на меня. Он назвал меня по имени. Он сказал, что у меня идеальное произношение».

Мартовский ветер трепал волосы, выбивая пряди из строгого пучка. Амелия шла и улыбалась, сама того не замечая. Улыбка растягивала губы, делала лицо другим — незнакомым, почти красивым. Она вдруг поймала себя на этом ощущении: внутри, в груди, что-то распухало. Теплое, пьянящее, щекотное. Мурашки бежали по коже, хотя ветер был совсем не холодным.

— Боже мой, — прошептала она, останавливаясь посреди тротуара. — Я, кажется, влюбилась.

Это было глупо. Смешно. Невозможно. Но внутри звенело и пело. Она вспомнила, как он смотрел на нее, как его губы чуть изогнулись в улыбке, когда она читала немецкий текст. Вспомнила его руку на своем плече во время их похода в библиотеку. Вспомнила его запах — сандал и что-то еще, необъяснимо мужское.

Ноги сами принесли ее к небольшому магазинчику косметики. Амелия замерла перед витриной. Ее отражение смотрело на нее растерянно и немного испуганно. Она вспомнила вчерашние слезы перед зеркалом, ненависть к собственному лицу, приговор «серая мышь».

— Может быть, — прошептала она отражению. — Может быть, если попробовать?

Она вошла в магазин. Консультантка с ярким макияжем удивленно вскинула бровь, глядя на бледную долговязую девицу в бесформенном пальто. Амелия растерялась у стенда с помадами. Десятки оттенков, названия одно краше другого. Она взяла первый попавшийся тюбик — нежно-розовый — и тут же поставила обратно. Слишком ярко. Слишком вызывающе. Не для нее.

Но потом в памяти всплыл его голос: «Вы — интересный собеседник». И она решилась. Взяла помаду винного оттенка, не слишком яркую, но и не бледную. И тушь. Самую обычную, черную.

Дома она долго стояла перед зеркалом, репетируя. Руки дрожали, и первая попытка накрасить ресницы закончилась смазанным черным пятном на веке. Она стерла и начала заново. Еще раз. И еще. Когда наконец получилось, Амелия замерла.

Из зеркала на нее смотрела незнакомка. Ресницы стали длиннее и темнее, глаза — выразительнее. Помада легла ровно, придавая губам цвет спелой вишни. Она неумело, но старательно провела расческой по волосам и оставила их распущенными. Длинные русые пряди упали на плечи мягкой волной.

— Ничего особенного, — сказала она себе строго. Но сердце билось быстрее.

На следующий день она шла в университет, чувствуя себя незащищенной. Ей казалось, что все смотрят на нее, и это было непривычно и страшно. Пальто то же, юбка та же, но помада на губах и ресницы, тронутые тушью, меняли все.

Однокурсницы заметили мгновенно.

— Ого, Амелия накрасилась? — хмыкнула Лера, пробегая взглядом по ее лицу. — Чудеса случаются.

— Решила произвести впечатление на нашего нового препода? — подхватила ее подруга Соня, и обе захихикали.

Амелия замерла у парты, чувствуя, как горят уши. Она не нашлась что ответить. Шушуканье за спиной становилось громче. Ей мерещилось, что вся группа обсуждает ее. «Посмотрите на эту мышь, вообразила себя красавицей», «Да кому она нужна», «Смешно выглядит».

Она резко поднялась и вышла в коридор. Почти бегом добралась до туалета, заперлась в кабинке и прижалась лбом к холодной дверце. Дышать было трудно. «Идиотка, — стучало в голове. — Зачем? Зачем ты это сделала?»

Она вытащила из сумки бумажный платок и безжалостно стерла помаду с губ. Алые следы остались на белой бумаге, как улики преступления. Ресницы смыть не получилось, но она хотя бы не выглядела как клоун. Собрав волосы обратно в пучок, Амелия вышла из туалета.

И сразу наткнулась на Яна Андреевича.

Он стоял у окна в коридоре, видимо, кого-то ждал. Увидев ее, он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Амелия, — произнес он, и его глаза скользнули по ее лицу. — А я как раз думал о вас. Она замерла на месте.

— П-правда?

— Вы сегодня прекрасно выглядите, — сказал он спокойно. — Вам очень идет, когда вы распускаете волосы.

Земля ушла из-под ног. Он заметил. Он сказал, что она прекрасна. Сердце забилось где-то в горле, и на глазах выступила предательская влага.

— Спасибо, — выдохнула она.

Он кивнул и прошел дальше по коридору, оставив ее в состоянии полной невесомости. Весь день после этого Амелия порхала. Она не слышала насмешек, не замечала косых взглядов. В голове звучало только одно: «Вы сегодня прекрасно выглядите».

Но вечером, после последней пары, она увидела это.

Коридор опустел. Она шла к выходу и заметила Яна Андреевича у аудитории номер двадцать. Он стоял, облокотившись плечом о дверной косяк, и разговаривал с девушкой. Амелия узнала ее — это была Марина с журфака, ослепительная блондинка с точеной фигурой и томным взглядом. Она держалась свободно, уверенно, как держатся красивые женщины, привыкшие к мужскому вниманию. Ее пальцы с идеальным маникюром касались его рукава.

Ян смеялся. Он смотрел на Марину так же тепло, как утром смотрел на Амелию. Наклонялся к ней, говорил что-то негромкое, и блондинка расцветала ответной улыбкой.

Внутри у Амелии что-то оборвалось.

Она застыла на полпути, не в силах отвести взгляд. Острый, обжигающий укол ревности пронзил ее насквозь. Он смотрел на эту Марину точно так же. С той же улыбкой, с тем же вниманием. Значит, она не особенная. Обычная студентка, одна из многих. «Вы интересный собеседник». «Вы прекрасно выглядите». Наверняка он говорит это каждой. Дежурные фразы. Ничего личного.

Она резко развернулась и быстрым шагом пошла к выходу. Губы дрожали. В горле стоял ком, который она не могла проглотить. На улице она почти побежала, не разбирая дороги, и только за углом здания, в пустом скверике, позволила себе остановиться и заплакать.

Слезы были горькими и злыми. На этот раз она плакала не от ненависти к себе, а от острого, почти физического ощущения потери. Потери того, чего у нее никогда и не было. Она сама все придумала. Сама нарисовала сказку. А теперь сказка разбилась о реальность, в которой красивые мужчины улыбаются красивым женщинам, а серые мыши сидят дома и не высовываются.

— Дура, — повторила она вчерашнее слово и пошла домой.

Косметика осталась лежать на дне сумки. Она знала, что больше ее не достанет

Глава 4. Вкус крови и надежды

Ночь снова встретила ее тишиной. Только теперь в этой тишине звенело эхо его голоса — и эхо ее собственных рыданий. Амелия лежала, свернувшись под одеялом, и слезы беззвучно текли по вискам, застревая в волосах.

Любовь — боль. Она поняла это только сейчас, в свои двадцать два. Раньше это были просто слова из книг, которые она анализировала, препарировала, раскладывала на литературные приемы. Метафора. Гипербола. А оказалось — правда. Самая настоящая, физически ощутимая боль где-то под ребрами, словно кто-то сжал сердце в кулаке и не разжимает.

Она вспоминала его улыбку, адресованную блондинке с журфака. Вспоминала, как он наклонился к ней, как смеялся. И от каждого воспоминания мышцы сводило судорогой. Она сама позволила себе поверить. Сама разрешила этим дурацким бабочкам в животе вылупиться и расправить крылья. И теперь они умирали там, внутри, осыпаясь ядовитой пылью.

Утром Амелия проснулась с твердым решением. Никаких иллюзий. Никакой косметики. Она надела самый невзрачный свитер — мешковатый, мышино-серый, с вытянутыми рукавами. Волосы затянула в тугий хвост, не оставив ни одной выщепившейся пряди у лица. Очки водрузила на нос почти с вызовом. Вот она. Настоящая. Серая, невидимая, никакая. Привыкайте.

И себе она тоже приказала привыкать. Хватит. Это была ошибка, *momentary lapse of judgment*, как сказали бы на английском. Мгновенное помутнение рассудка.

Университет встретил ее привычным равнодушным гулом. Никто не обернулся, никто не заметил. Вот так-то лучше. Она прошла в аудиторию, села на свое место и раскрыла тетрадь. День покатился по накатанной: лекции, конспекты, гул голосов. Немецкого сегодня не было — и она испытала облегчение пополам с острым разочарованием. Облегчение, потому что не придется видеть его. Разочарование — потому что не придется видеть его.

Она поймала себя на том, что высматривает Яна в коридорах. Ненавидела себя за это — и все равно продолжала сканировать толпу глазами. Вот высокий мужчина в темном пиджаке — сердце пропускает удар. Нет, не он. Вот кто-то идет размашистой походкой — она задерживает дыхание. Чужой. Просто преподаватель с другого факультета.

Злость на саму себя закипала с каждым часом. Какая же ты жалкая, Амелия. Сама себе запретила, сама же нарушаешь запрет. Скучаешь. Ищешь. Ждешь.

После четвертой пары к ней подошла Катя — тихая однокурсница, которую Амелия почти не знала.

— Слушай, ты же хорошо разбираешься в литературе Серебряного века? — спросила она, теребя лямку рюкзака. — У меня завтра доклад, а я полная деревяшка в символизме. Может, поможешь? Всего на час. Ну пожалуйста!

Амелия хотела отказаться. Ей хотелось домой, под одеяло, в темноту и тишину. Но Катя смотрела с такой надеждой, что она не смогла.

— Ладно, — кивнула она. — Час, не больше.

Они просидели в библиотеке до самого закрытия. Катя оказалась на удивление благодарной слушательницей, а Амелия неожиданно для себя увлеклась объяснением блоковской образности. Время пролетело незаметно, и когда они наконец вышли в коридор, часы показывали почти девять вечера.

— Ты меня просто спасла, — выдохнула Катя, прижимая к груди исписанный листок. — Я твоя должница навеки. Может, вместе пойдем? Я на метро.

— Я не на метро, я пешком, — покачала головой Амелия. — Тут недалеко, двадцать минут дворами.

— Дворами?! — ужаснулась Катя. — Ты с ума сошла? Уже темно!

— Я всегда так хожу, — пожала плечами Амелия. — Ничего не случится.

Она попросилась с Катей у входа и свернула в привычный проходной двор. Март вступал в свои права, но вечерами еще было холодно. Фонари горели через один, заливая асфальт жидким оранжевым светом. Она шла быстро, кутаясь в пальто и прокручивая в голове события дня.

Шаги за спиной раздались неожиданно. Сначала она не придала им значения — мало ли кто идет той же дорогой. Но шаги ускорились и стали громче.

— Эй, красавица, куда спешишь? — раздался за спиной развязный голос.

Сердце ухнуло в пятки. Амелия ускорила шаг, не оборачиваясь. Только бы успеть. До подъезда оставалось всего ничего — еще один двор и арка.

— Да стой ты, оглобля! — второй голос, грубее. — Дай хоть посмотреть на тебя.

Их было двое. Молодые парни, на вид чуть за двадцать. Один коренастый, в спортивной куртке, второй — долговязый, с неприятным оскалом. Они возникли перед ней, словно из-под земли, перегородив дорогу.

— Худовата, конечно, — хмыкнул коренастый, оценивающе разглядывая ее. — Но ничего. Симпатичная мордашка. Чего прячешься?

— Простите, мне нужно домой, — сказала Амелия деревянными губами.

Она попыталась обойти их, но долговязый преградил путь, расставив руки.

— Да ладно, не ломайся. Что ты как неродная? Пошли с нами, посидим, выпьем. Мы не кусаемся.

— Пропустите меня, — голос дрогнул.

Страх накатил ледяной волной. Она слышала о таком — о нападениях в темных дворах, о девушках, которые не дошли до дома. Но всегда думала, что с ней такого не случится. Кому нужна серая мышь?

— Слышь, ты че такая борзая? — коренастый шагнул ближе, и в его глазах появилось что-то нехорошее, злое. — Сказано тебе — пошли.

Амелия рванулась в сторону и побежала. Каблуки застучали по асфальту, в ушах засвистел ветер. Она бежала, не разбирая дороги, к спасительной арке, к свету, к людям.

Но они были быстрее.

Чья-то рука схватила ее за плечо, дернула назад. Амелия вскрикнула, теряя равновесие. Сумка слетела с плеча, тетради рассыпались по земле. Долговязый толкнул ее в спину, и она упала на колени, обдирая ладони о ледяной асфальт.

— Вот дрянь, бегать вздумала, — прошипел коренастый.

Он навалился сверху, прижал ее к земле. Тяжесть чужого тела, запах перегара и пота. Амелия закричала, но крик вышел глухим и беспомощным. Его рука задрала юбку, пальцы грубо вцепились в бедро. Она молотила кулаками по его спине, царапалась, извивалась, но он был сильнее.

— Тише, мышь, тише. Не дергайся.

А потом раздался звук. Глухой, страшный удар — будто что-то тяжелое обрушилось на кость. И сразу за ним — хрип. Вес исчез с ее тела.

Амелия открыла глаза.

Коренастого отшвырнули в сторону, как тряпичную куклу. Он врезался спиной в мусорный бак и сполз по нему на землю, зажимая лицо руками. А над ним возвышался мужчина в темном пальто, плечи которого ходили ходуном от ярости.

Ян.

Она узнала его мгновенно — по развороту плеч, по хищной пластике, по темным волосам, упавшим на лоб. Долговязый попытался ударить его сзади, но Ян перехватил его руку с какой-то пугающей, профессиональной легкостью и резко вывернул запястье. Раздался вскрик боли, и через секунду долговязый уже лежал на асфальте, заламываемый стальной хваткой.

— Еще раз увижу рядом с ней — убью, — произнес Ян негромко.

От его голоса у Амелии мороз пошел по коже. Это был не тот Ян, что улыбался в библиотеке или делал комплименты в коридоре. Это был чужой, опасный человек, и в его карих глазах сейчас не было ничего, кроме ледяной, расчетливой ярости.

Двое нападавших, поняв, что шансов нет, поднялись и, пошатываясь, скрылись в темноте. Ян проводил их взглядом, а затем резко повернулся к Амелии.

Она все еще лежала на земле, дрожа всем телом. Юбка задранна, колени разбиты в кровь, на щеке — грязный след. Он опустился рядом с ней на корточки. Его лицо было совсем близко. Кофейные глаза смотрели с тревогой и чем-то еще, что она не могла распознать.

— Вы целы? — спросил он. Голос звучал хрипло и глухо.

Амелия открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Она просто смотрела на него — на разбитую костяшку его правой руки, на прядь волос, упавшую на лоб, на взгляд, полный боли.

— Я опоздал, — выдохнул он, и в его голосе прозвучало столько горечи, что у нее зашипило в носу. — Я должен был идти за вами раньше.

— Вы вы следили за мной? — прошептала она.

— Я видел, что вы вышли поздно. Решил проводить. Издалека. Не хотел вас смущать. Идиот.

Она не выдержала. Всхлип вырвался из груди, и слезы хлынули по щекам, смывая грязь и кровь. Ян без слов протянул руку и помог ей подняться. Его ладонь была горячей и твердой, и он не отпустил ее, когда она встала на ноги.

— Я отведу вас домой.

Это был не вопрос. Это был приказ. И Амелия, которая еще вчера поклялась себе держаться от него подальше, могла только кивнуть. Ее рука дрожала в его руке, и она ничего не могла с этим поделать.

Любовь — боль. Она поняла это только сейчас, в свои двадцать два. Раньше это были просто слова из книг, которые она анализировала, препарировала, раскладывала на литературные приемы. Метафора. Гипербола. А оказалось — правда. Самая настоящая, физически ощутимая боль где-то под ребрами, словно кто-то сжал сердце в кулаке и не разжимает.

Она вспоминала его улыбку, адресованную блондинке с журфака. Вспоминала, как он наклонялся к ней, как смеялся. И от каждого воспоминания мышцы сводило судорогой. Она сама позволила себе поверить. Сама разрешила этим дурацким бабочкам в животе вылупиться и расправить крылья. И теперь они умирали там, внутри, осыпаясь ядовитой пылью.

Утром Амелия проснулась с твердым решением. Никаких иллюзий. Никакой косметики. Она надела самый невзрачный свитер — мешковатый, мышино-серый, с вытянутыми рукавами. Волосы затянула в тугий хвост, не оставив ни одной выщепившейся пряди у лица. Очки водрузила на нос почти с вызовом. Вот она. Настоящая. Серая, невидимая, никакая. Привыкайте.

И себе она тоже приказала привыкать. Хватит. Это была ошибка, *momentary lapse of judgment*, как сказали бы на английском. Мгновенное помутнение рассудка.

Университет встретил ее привычным равнодушным гулом. Никто не обернулся, никто не заметил. Вот так-то лучше. Она прошла в аудиторию, села на свое место и раскрыла тетрадь. День покатился по накатанной: лекции, конспекты, гул голосов. Немецкого сегодня не было — и она испытала облегчение пополам с острым разочарованием. Облегчение, потому что не придется видеть его. Разочарование — потому что не придется видеть его.

Она поймала себя на том, что высматривает Яна в коридорах. Ненавидела себя за это — и все равно продолжала сканировать толпу глазами. Вот высокий мужчина в темном пиджаке — сердце пропускает удар. Нет, не он. Вот кто-то идет размашистой походкой — она задерживает дыхание. Чужой. Просто преподаватель с другого факультета.

Злость на саму себя закипала с каждым часом. Какая же ты жалкая, Амелия. Сама себе запретила, сама же нарушаешь запрет. Скучаешь. Ищешь. Ждешь.

После четвертой пары к ней подошла Катя — тихая однокурсница, которую Амелия почти не знала.

— Слушай, ты же хорошо разбираешься в литературе Серебряного века? — спросила она, теребя лямку рюкзака. — У меня завтра доклад, а я полная деревяшка в символизме. Может, поможешь? Всего на час. Ну пожалуйста!

Амелия хотела отказаться. Ей хотелось домой, под одеяло, в темноту и тишину. Но Катя смотрела с такой надеждой, что она не смогла.

— Ладно, — кивнула она. — Час, не больше.

Они просидели в библиотеке до самого закрытия. Катя оказалась на удивление благодарной слушательницей, а Амелия неожиданно для себя увлеклась объяснением блоковской образности. Время пролетело незаметно, и когда они наконец вышли в коридор, часы показывали почти девять вечера.

— Ты меня просто спасла, — выдохнула Катя, прижимая к груди исписанный листок. — Я твоя должница навеки. Может, вместе пойдем? Я на метро.

— Я не на метро, я пешком, — покачала головой Амелия. — Тут недалеко, двадцать минут дворами.

— Дворами?! — ужаснулась Катя. — Ты с ума сошла? Уже темно!

— Я всегда так хожу, — пожала плечами Амелия. — Ничего не случится.

Она попрощалась с Катей у входа и свернула в привычный проходной двор. Март вступал в свои права, но вечерами еще было холодно. Фонари горели через один, заливая асфальт жидким оранжевым светом. Она шла быстро, кутаясь в пальто и прокручивая в голове события дня.

Шаги за спиной раздалась неожиданно. Сначала она не придавала им значения — мало ли кто идет той же дорогой. Но шаги ускорились и стали громче.

— Эй, красавица, куда спешишь? — раздался за спиной развязный голос.

Сердце ухнуло в пятки. Амелия ускорила шаг, не оборачиваясь. Только бы успеть. До подъезда оставалось всего ничего — еще один двор и арка.

— Да стой ты, оглобля! — второй голос, грубее. — Дай хоть посмотреть на тебя.

Их было двое. Молодые парни, на вид чуть за двадцать. Один коренастый, в спортивной куртке, второй — долговязый, с неприятным оскалом. Они возникли перед ней, словно из-под земли, перегородив дорогу.

— Худовата, конечно, — хмыкнул коренастый, оценивающе разглядывая ее. — Но ничего. Симпатичная мордашка. Чего прячешься?

— Простите, мне нужно домой, — сказала Амелия деревянными губами.

Она попыталась обойти их, но долговязый преградил путь, расставив руки.

— Да ладно, не ломайся. Что ты как неродная? Пошли с нами, посидим, выпьем. Мы не кусаемся.

— Пропустите меня, — голос дрогнул.

Страх накатил ледяной волной. Она слышала о таком — о нападениях в темных дворах, о девушках, которые не дошли до дома. Но всегда думала, что с ней такого не случится. Кому нужна серая мышь?

— Слышь, ты че такая борзая? — коренастый шагнул ближе, и в его глазах появилось что-то нехорошее, злое. — Сказано тебе — пошли.

Амелия рванулась в сторону и побежала. Каблуки застучали по асфальту, в ушах засвистел ветер. Она бежала, не разбирая дороги, к спасительной арке, к свету, к людям.

Но они были быстрее.

Чья-то рука схватила ее за плечо, дернула назад. Амелия вскрикнула, теряя равновесие. Сумка слетела с плеча, тетради рассыпались по земле. Долговязый толкнул ее в спину, и она упала на колени, обдирая ладони о ледяной асфальт.

— Вот дрянь, бегать вздумала, — прошипел коренастый.

Он навалился сверху, прижал ее к земле. Тяжесть чужого тела, запах перегара и пота. Амелия закричала, но крик вышел глухим и беспомощным. Его рука задрала юбку, пальцы грубо вцепились в бедро. Она молотила кулаками по его спине, царапалась, извивалась, но он был сильнее.

— Тише, мышь, тише. Не дергайся.

А потом раздался звук. Глухой, страшный удар — будто что-то тяжелое обрушилось на кость. И сразу за ним — хрип. Вес исчез с ее тела.

Амелия открыла глаза.

Коренастого отшвырнули в сторону, как тряпичную куклу. Он врезался спиной в мусорный бак и сполз по нему на землю, зажимая лицо руками. А над ним возвышался мужчина в темном пальто, плечи которого ходили ходуном от ярости.

Ян.

Она узнала его мгновенно — по развороту плеч, по хищной пластике, по темным волосам, упавшим на лоб. Долговязый попытался ударить его сзади, но Ян перехватил его руку с какой-то пугающей, профессиональной легкостью и резко вывернул запястье. Раздался вскрик боли, и через секунду долговязый уже лежал на асфальте, заламываемый стальной хваткой.

— Еще раз увижу рядом с ней — убью, — произнес Ян негромко.

От его голоса у Амелии мороз пошел по коже. Это был не тот Ян, что улыбался в библиотеке или делал комплименты в коридоре. Это был чужой, опасный человек, и в его карих глазах сейчас не было ничего, кроме ледяной, расчетливой ярости.

Двое нападавших, поняв, что шансов нет, поднялись и, пошатываясь, скрылись в темноте. Ян проводил их взглядом, а затем резко повернулся к Амелии.

Она все еще лежала на земле, дрожа всем телом. Юбка задранный, колени разбиты в кровь, на щеке — грязный след. Он опустился рядом с ней на корточки. Его лицо было совсем близко. Кофейные глаза смотрели с тревогой и чем-то еще, что она не могла распознать.

— Вы целы? — спросил он. Голос звучал хрипло и глухо.

Амелия открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Она просто смотрела на него — на разбитую костяшку его правой руки, на прядь волос, упавшую на лоб, на взгляд, полный боли.

— Я опоздал, — выдохнул он, и в его голосе прозвучало столько горечи, что у нее защемило в носу. — Я должен был идти за вами раньше.

— Вы вы следили за мной? — прошептала она.

— Я видел, что вы вышли поздно. Решил проводить. Издалека. Не хотел вас смущать. Идиот.

Она не выдержала. Всхлип вырвался из груди, и слезы хлынули по щекам, смывая грязь и кровь. Ян без слов протянул руку и помог ей подняться. Его ладонь была горячей и твердой, и он не отпустил ее, когда она встала на ноги.

— Я отведу вас домой.

Это был не вопрос. Это был приказ. И Амелия, которая еще вчера поклялась себе держаться от него подальше, могла только кивнуть. Ее рука дрожала в его руке, и она ничего не могла с этим поделать.

Любовь — боль. Она поняла это только сейчас, в свои двадцать два. Раньше это были просто слова из книг, которые она анализировала, препарировала, раскладывала на литературные приемы. Метафора. Гипербола. А оказалось — правда. Самая настоящая, физически ощутимая боль где-то под ребрами, словно кто-то сжал сердце в кулаке и не разжимает.

Она вспоминала его улыбку, адресованную блондинке с журфака. Вспоминала, как он наклонялся к ней, как смеялся. И от каждого воспоминания мышцы сводило судорогой. Она сама позволила себе поверить. Сама разрешила этим дурацким бабочкам в животе вылупиться и расправить крылья. И теперь они умирали там, внутри, осыпаясь ядовитой пылью.

Утром Амелия проснулась с твердым решением. Никаких иллюзий. Никакой косметики. Она надела самый невзрачный свитер — мешковатый, мышино-серый, с вытянутыми рукавами. Волосы затянула в тугий хвост, не оставив ни одной вьющейся пряди у лица. Очки водрузила на нос почти с вызовом. Вот она. Настоящая. Серая, невидимая, никакая. Привыкайте.

И себе она тоже приказала привыкать. Хватит. Это была ошибка, momentary lapse of judgment, как сказали бы на английском. Мгновенное помутнение рассудка.

Университет встретил ее привычным равнодушным гулом. Никто не обернулся, никто не заметил. Вот так-то лучше. Она прошла в аудиторию, села на свое место и раскрыла тетрадь. День покатился по накатанной: лекции, конспекты, гул голосов. Немецкого сегодня не было — и она испытала облегчение пополам с острым разочарованием. Облегчение, потому что не придется видеть его. Разочарование — потому что не придется видеть его.

Она поймала себя на том, что высматривает Яна в коридорах. Ненавидела себя за это — и все равно продолжала сканировать толпу глазами. Вот высокий мужчина в темном пиджаке — сердце пропускает удар. Нет, не он. Вот кто-то идет размашистой походкой — она задерживает дыхание. Чужой. Просто преподаватель с другого факультета.

Злость на саму себя закипала с каждым часом. Какая же ты жалкая, Амелия. Сама себе запретила, сама же нарушаешь запрет. Скучаешь. Ищешь. Ждешь.

После четвертой пары к ней подошла Катя — тихая однокурсница, которую Амелия почти не знала.

— Слушай, ты же хорошо разбираешься в литературе Серебряного века? — спросила она, теребя ляжку рюкзака. — У меня завтра доклад, а я полная деревяшка в символизме. Может, поможешь? Всего на час. Ну пожалуйста!

Амелия хотела отказаться. Ей хотелось домой, под одеяло, в темноту и тишину. Но Катя смотрела с такой надеждой, что она не смогла.

— Ладно, — кивнула она. — Час, не больше.

Они просидели в библиотеке до самого закрытия. Катя оказалась на удивление благодарной слушательницей, а Амелия неожиданно для себя увлеклась объяснением блоковской образности. Время пролетело незаметно, и когда они наконец вышли в коридор, часы показывали почти девять вечера.

— Ты меня просто спасла, — выдохнула Катя, прижимая к груди исписанный листок. — Я твоя должника навеки. Может, вместе пойдем? Я на метро.

— Я не на метро, я пешком, — покачала головой Амелия. — Тут недалеко, двадцать минут дворами.

— Дворами?! — ужаснулась Катя. — Ты с ума сошла? Уже темно!

— Я всегда так хожу, — пожала плечами Амелия. — Ничего не случится.

Она попрощалась с Катей у входа и свернула в привычный проходной двор. Март вступал в свои права, но вечерами еще было холодно. Фонари горели через один, заливая асфальт жидким оранжевым светом. Она шла быстро, кутаясь в пальто и прокручивая в голове события дня.

Шаги за спиной раздались неожиданно. Сначала она не придала им значения — мало ли кто идет той же дорогой. Но шаги ускорились и стали громче.

— Эй, красавица, куда спешишь? — раздался за спиной развязный голос.

Сердце ухнуло в пятки. Амелия ускорила шаг, не оборачиваясь. Только бы успеть. До подъезда оставалось всего ничего — еще один двор и арка.

— Да стой ты, оглобля! — второй голос, грубее. — Дай хоть посмотреть на тебя.

Их было двое. Молодые парни, на вид чуть за двадцать. Один коренастый, в спортивной куртке, второй — долговязый, с неприятным оскалом. Они возникли перед ней, словно из-под земли, перегородив дорогу.

— Худовата, конечно, — хмыкнул коренастый, оценивающе разглядывая ее. — Но ничего. Симпатичная мордашка. Чего прячешься?

— Простите, мне нужно домой, — сказала Амелия деревянными губами.

Она попыталась обойти их, но долговязый преградил путь, расставив руки.

— Да ладно, не ломайся. Что ты как неродная? Пошли с нами, посидим, выпьем. Мы не кусаемся.

— Пропустите меня, — голос дрогнул.

Страх накатил ледяной волной. Она слышала о таком — о нападениях в темных дворах, о девушках, которые не дошли до дома. Но всегда думала, что с ней такого не случится. Кому нужна серая мышь?

— Слышь, ты че такая борзая? — коренастый шагнул ближе, и в его глазах появилось что-то нехорошее, злое. — Сказано тебе — пошли.

Амелия рванулась в сторону и побежала. Каблуки застучали по асфальту, в ушах засвистел ветер. Она бежала, не разбирая дороги, к спасительной арке, к свету, к людям.

Но они были быстрее.

Чья-то рука схватила ее за плечо, дернула назад. Амелия вскрикнула, теряя равновесие. Сумка слетела с плеча, тетради рассыпались по земле. Долговязый толкнул ее в спину, и она упала на колени, обдирая ладони о ледяной асфальт.

— Вот дрянь, бегать вздумала, — прошипел коренастый.

Он навалился сверху, прижал ее к земле. Тяжесть чужого тела, запах перегара и пота. Амелия закричала, но крик вышел глухим и беспомощным. Его рука задрала юбку, пальцы грубо вцепились в бедро. Она молотила кулаками по его спине, царапалась, извивалась, но он был сильнее.

— Тише, мышь, тише. Не дергайся.

А потом раздался звук. Глухой, страшный удар — будто что-то тяжелое обрушилось на кость. И сразу за ним — хрип. Вес исчез с ее тела.

Амелия открыла глаза.

Коренастого отшвырнули в сторону, как тряпичную куклу. Он врезался спиной в мусорный бак и сполз по нему на землю, зажимая лицо руками. А над ним возвышался мужчина в темном пальто, плечи которого ходили ходуном от ярости.

Ян.

Она узнала его мгновенно — по развороту плеч, по хищной пластике, по темным волосам, упавшим на лоб. Долговязый попытался ударить его сзади, но Ян перехватил его руку с какой-то пугающей, профессиональной легкостью и резко вывернул запястье. Раздался вскрик боли, и через секунду долговязый уже лежал на асфальте, заламываемый стальной хваткой.

— Еще раз увижу рядом с ней — убью, — произнес Ян негромко.

От его голоса у Амелии мороз пошел по коже. Это был не тот Ян, что улыбался в библиотеке или делал комплименты в коридоре. Это был чужой, опасный человек, и в его карих глазах сейчас не было ничего, кроме ледяной, расчетливой ярости.

Двое нападавших, поняв, что шансов нет, поднялись и, пошатываясь, скрылись в темноте. Ян проводил их взглядом, а затем резко повернулся к Амелии.

Она все еще лежала на земле, дрожа всем телом. Юбка задранна, колени разбиты в кровь, на щеке — грязный след. Он опустился рядом с ней на корточки. Его лицо было совсем близко. Кофейные глаза смотрели с тревогой и чем-то еще, что она не могла распознать.

— Вы целы? — спросил он. Голос звучал хрипло и глухо.

Амелия открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Она просто смотрела на него — на разбитую костяшку его правой руки, на прядь волос, упавшую на лоб, на взгляд, полный боли.

— Я опоздал, — выдохнул он, и в его голосе прозвучало столько горечи, что у нее защемило в носу. — Я должен был идти за вами раньше.

— Вы вы следили за мной? — прошептала она.

— Я видел, что вы вышли поздно. Решил проводить. Издалека. Не хотел вас смущать. Идиот.

Она не выдержала. Всхлип вырвался из груди, и слезы хлынули по щекам, смывая грязь и кровь. Ян без слов протянул руку и помог ей подняться. Его ладонь была горячей и твердой, и он не отпустил ее, когда она встала на ноги.

— Я отведу вас домой.

Это был не вопрос. Это был приказ. И Амелия, которая еще вчера поклялась себе держаться от него подальше, могла только кивнуть. Ее рука дрожала в его руке, и она ничего не могла с этим поделать.

Любовь — боль. Она поняла это только сейчас, в свои двадцать два. Раньше это были просто слова из книг, которые она анализировала, препарировала, раскладывала на литературные приемы. Метафора. Гипербола. А оказалось — правда. Самая настоящая, физически ощутимая боль где-то под ребрами, словно кто-то сжал сердце в кулаке и не разжимает.

Она вспоминала его улыбку, адресованную блондинке с журфака. Вспоминала, как он наклонялся к ней, как смеялся. И от каждого воспоминания мышцы сводило судорогой. Она сама позволила себе поверить. Сама разрешила этим дурацким бабочкам в животе вылупиться и расправить крылья. И теперь они умирали там, внутри, осыпаясь ядовитой пылью.

Утром Амелия проснулась с твердым решением. Никаких иллюзий. Никакой косметики. Она надела самый невзрачный свитер — мешковатый, мышино-серый, с вытянутыми рукавами. Волосы затянула в тугой хвост, не оставив ни одной вьющейся пряди у лица. Очки водрузила на нос почти с вызовом. Вот она. Настоящая. Серая, невидимая, никакая. Привыкайте.

И себе она тоже приказала привыкать. Хватит. Это была ошибка, *momentary lapse of judgment*, как сказали бы на английском. Мгновенное помутнение рассудка.

Университет встретил ее привычным равнодушным гулом. Никто не обернулся, никто не заметил. Вот так-то лучше. Она прошла в аудиторию, села на свое место и раскрыла тетрадь. День покатился по накатанной: лекции, конспекты, гул голосов. Немецкого сегодня не было — и она испытала облегчение пополам с острым разочарованием. Облегчение, потому что не придется видеть его. Разочарование — потому что не придется видеть его.

Она поймала себя на том, что высматривает Яна в коридорах. Ненавидела себя за это — и все равно продолжала сканировать толпу глазами. Вот высокий мужчина в темном пиджаке — сердце пропускает удар. Нет, не он. Вот кто-то идет размашистой походкой — она задерживает дыхание. Чужой. Просто преподаватель с другого факультета.

Злость на саму себя закипала с каждым часом. Какая же ты жалкая, Амелия. Сама себе запретила, сама же нарушаешь запрет. Скучаешь. Ищешь. Ждешь.

После четвертой пары к ней подошла Катя — тихая однокурсница, которую Амелия почти не знала.

— Слушай, ты же хорошо разбираешься в литературе Серебряного века? — спросила она, теребя лямку рюкзака. — У меня завтра доклад, а я полная деревяшка в символизме. Может, поможешь? Всего на час. Ну пожалуйста!

Амелия хотела отказаться. Ей хотелось домой, под одеяло, в темноту и тишину. Но Катя смотрела с такой надеждой, что она не смогла.

— Ладно, — кивнула она. — Час, не больше.

Они просидели в библиотеке до самого закрытия. Катя оказалась на удивление благодарной слушательницей, а Амелия неожиданно для себя увлеклась объяснением блоковской образности. Время пролетело незаметно, и когда они наконец вышли в коридор, часы показывали почти девять вечера.

— Ты меня просто спасла, — выдохнула Катя, прижимая к груди исписанный листок. — Я твоя должница навеки. Может, вместе пойдем? Я на метро.

— Я не на метро, я пешком, — покачала головой Амелия. — Тут недалеко, двадцать минут дворами.

— Дворами?! — ужаснулась Катя. — Ты с ума сошла? Уже темно!

— Я всегда так хожу, — пожала плечами Амелия. — Ничего не случится.

Она попрощалась с Катей у входа и свернула в привычный проходной двор. Март вступал в свои права, но вечерами еще было холодно. Фонари горели через один, заливая асфальт жидким оранжевым светом. Она шла быстро, кутаясь в пальто и прокручивая в голове события дня.

Шаги за спиной раздалась неожиданно. Сначала она не придала им значения — мало ли кто идет той же дорогой. Но шаги ускорились и стали громче.

— Эй, красавица, куда спешишь? — раздался за спиной развязный голос.

Сердце ухнуло в пятки. Амелия ускорила шаг, не оборачиваясь. Только бы успеть. До подъезда оставалось всего ничего — еще один двор и арка.

— Да стой ты, оглобля! — второй голос, грубее. — Дай хоть посмотреть на тебя.

Их было двое. Молодые парни, на вид чуть за двадцать. Один коренастый, в спортивной куртке, второй — долговязый, с неприятным оскалом. Они возникли перед ней, словно из-под земли, перегородив дорогу.

— Худовата, конечно, — хмыкнул коренастый, оценивающе разглядывая ее. — Но ничего. Симпатичная мордашка. Чего прячешься?

— Простите, мне нужно домой, — сказала Амелия деревянными губами.

Она попыталась обойти их, но долговязый преградил путь, расставив руки.

— Да ладно, не ломайся. Что ты как неродная? Пошли с нами, посидим, выпьем. Мы не кусаемся.

— Пропустите меня, — голос дрогнул.

Страх накатил ледяной волной. Она слышала о таком — о нападениях в темных дворах, о девушках, которые не дошли до дома. Но всегда думала, что с ней такого не случится. Кому нужна серая мышь?

— Слышь, ты че такая борзая? — коренастый шагнул ближе, и в его глазах появилось что-то нехорошее, злое. — Сказано тебе — пошли.

Амелия рванулась в сторону и побежала. Каблуки застучали по асфальту, в ушах засвистел ветер. Она бежала, не разбирая дороги, к спасительной арке, к свету, к людям.

Но они были быстрее.

Чья-то рука схватила ее за плечо, дернула назад. Амелия вскрикнула, теряя равновесие. Сумка слетела с плеча, тетради рассыпались по земле. Долговязый толкнул ее в спину, и она упала на колени, обдирая ладони о ледяной асфальт.

— Вот дрянь, бегать вздумала, — прошипел коренастый.

Он навалился сверху, прижал ее к земле. Тяжесть чужого тела, запах перегара и пота. Амелия закричала, но крик вышел глухим и беспомощным. Его рука задрала юбку, пальцы грубо вцепились в бедро. Она молотила кулаками по его спине, царапалась, извивалась, но он был сильнее.

— Тише, мышь, тише. Не дергайся.

А потом раздался звук. Глухой, страшный удар — будто что-то тяжелое обрушилось на кость. И сразу за ним — хрип. Вес исчез с ее тела.

Амелия открыла глаза.

Коренастого отшвырнули в сторону, как тряпичную куклу. Он врезался спиной в мусорный бак и сполз по нему на землю, зажимая лицо руками. А над ним возвышался мужчина в темном пальто, плечи которого ходили ходуном от ярости.

Ян.

Она узнала его мгновенно — по развороту плеч, по хищной пластике, по темным волосам, упавшим на лоб. Долговязый попытался ударить его сзади, но Ян перехватил его руку с какой-то пугающей, профессиональной легкостью и резко вывернул запястье. Раздался вскрик боли, и через секунду долговязый уже лежал на асфальте, заламываемый стальной хваткой.

— Еще раз увижу рядом с ней — убью, — произнес Ян негромко.

От его голоса у Амелии мороз пошел по коже. Это был не тот Ян, что улыбался в библиотеке или делал комплименты в коридоре. Это был чужой, опасный человек, и в его карих глазах сейчас не было ничего, кроме ледяной, расчетливой ярости.

Двое нападавших, поняв, что шансов нет, поднялись и, пошатываясь, скрылись в темноте. Ян проводил их взглядом, а затем резко повернулся к Амелии.

Она все еще лежала на земле, дрожа всем телом. Юбка задранна, колени разбиты в кровь, на щеке — грязный след. Он опустился рядом с ней на корточки. Его лицо было совсем близко. Кофейные глаза смотрели с тревогой и чем-то еще, что она не могла распознать.

— Вы целы? — спросил он. Голос звучал хрипло и глухо.

Амелия открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Она просто смотрела на него — на разбитую костяшку его правой руки, на прядь волос, упавшую на лоб, на взгляд, полный боли.

— Я опоздал, — выдохнул он, и в его голосе прозвучало столько горечи, что у нее защищало в носу. — Я должен был идти за вами раньше.

— Вы вы следили за мной? — прошептала она.

— Я видел, что вы вышли поздно. Решил проводить. Издалека. Не хотел вас смущать. Идиот.

Она не выдержала. Всхлип вырвался из груди, и слезы хлынули по щекам, смывая грязь и кровь. Ян без слов протянул руку и помог ей подняться. Его ладонь была горячей и твердой, и он не отпустил ее, когда она встала на ноги.

— Я отведу вас домой.

Это был не вопрос. Это был приказ. И Амелия, которая еще вчера поклялась себе держаться от него подальше, могла только кивнуть. Ее рука дрожала в его руке, и она ничего не могла с этим поделать.

Любовь — боль. Она поняла это только сейчас, в свои двадцать два. Раньше это были просто слова из книг, которые она анализировала, препарировала, раскладывала на литературные приемы. Метафора. Гипербола. А оказалось — правда. Самая настоящая, физически ощутимая боль где-то под ребрами, словно кто-то сжал сердце в кулаке и не разжимает.

Она вспоминала его улыбку, адресованную блондинке с журфака. Вспоминала, как он наклонялся к ней, как смеялся. И от каждого воспоминания мышцы сводило судорогой. Она сама позволила себе поверить. Сама разрешила этим дурацким бабочкам в животе вылупиться и расправить крылья. И теперь они умирали там, внутри, осыпаясь ядовитой пылью.

Утром Амелия проснулась с твердым решением. Никаких иллюзий. Никакой косметики. Она надела самый невзрачный свитер — мешковатый, мышино-серый, с вытянутыми рукавами. Волосы затянула в тугой хвост, не оставив ни одной выющейся пряди у лица. Очки водрузила на нос почти с вызовом. Вот она. Настоящая. Серая, невидимая, никакая. Привыкайте.

И себе она тоже приказала привыкать. Хватит. Это была ошибка, *momentary lapse of judgment*, как сказали бы на английском. Мгновенное помутнение рассудка.

Университет встретил ее привычным равнодушным гулом. Никто не обернулся, никто не заметил. Вот так-то лучше. Она прошла в аудиторию, села на свое место и раскрыла тетрадь. День покатился по накатанной: лекции, конспекты, гул голосов. Немецкого сегодня не было — и она испытала облегчение пополам с острым разочарованием. Облегчение, потому что не придется видеть его. Разочарование — потому что не придется видеть его.

Она поймала себя на том, что высматривает Яна в коридорах. Ненавидела себя за это — и все равно продолжала сканировать толпу глазами. Вот высокий мужчина в темном пиджаке —

сердце пропускает удар. Нет, не он. Вот кто-то идет размашистой походкой — она задерживает дыхание. Чужой. Просто преподаватель с другого факультета.

Злость на саму себя закипала с каждым часом. Какая же ты жалкая, Амелия. Сама себе запретила, сама же нарушаешь запрет. Скучаешь. Ищешь. Ждешь.

После четвертой пары к ней подошла Катя — тихая однокурсница, которую Амелия почти не знала.

— Слушай, ты же хорошо разбираешься в литературе Серебряного века? — спросила она, теребя лямку рюкзака. — У меня завтра доклад, а я полная деревяшка в символизме. Может, поможешь? Всего на час. Ну пожалуйста!

Амелия хотела отказаться. Ей хотелось домой, под одеяло, в темноту и тишину. Но Катя смотрела с такой надеждой, что она не смогла.

— Ладно, — кивнула она. — Час, не больше.

Они просидели в библиотеке до самого закрытия. Катя оказалась на удивление благодарной слушательницей, а Амелия неожиданно для себя увлеклась объяснением блоковской образности. Время пролетело незаметно, и когда они наконец вышли в коридор, часы показывали почти девять вечера.

— Ты меня просто спасла, — выдохнула Катя, прижимая к груди исписанный листок. — Я твоя должника навеки. Может, вместе пойдем? Я на метро.

— Я не на метро, я пешком, — покачала головой Амелия. — Тут недалеко, двадцать минут дворами.

— Дворами?! — ужаснулась Катя. — Ты с ума сошла? Уже темно!

— Я всегда так хожу, — пожала плечами Амелия. — Ничего не случится.

Она попрощалась с Катей у входа и свернула в привычный проходной двор. Март вступал в свои права, но вечерами еще было холодно. Фонари горели через один, заливая асфальт жидким оранжевым светом. Она шла быстро, кутаясь в пальто и прокручивая в голове события дня.

Шаги за спиной раздалась неожиданно. Сначала она не придала им значения — мало ли кто идет той же дорогой. Но шаги ускорились и стали громче.

— Эй, красавица, куда спешишь? — раздался за спиной развязный голос.

Сердце ухнуло в пятки. Амелия ускорила шаг, не оборачиваясь. Только бы успеть. До подъезда оставалось всего ничего — еще один двор и арка.

— Да стой ты, оглобля! — второй голос, грубее. — Дай хоть посмотреть на тебя.

Их было двое. Молодые парни, на вид чуть за двадцать. Один коренастый, в спортивной куртке, второй — долговязый, с неприятным оскалом. Они возникли перед ней, словно из-под земли, перегородив дорогу.

— Худовата, конечно, — хмыкнул коренастый, оценивающе разглядывая ее. — Но ничего. Симпатичная мордашка. Чего прячешься?

— Простите, мне нужно домой, — сказала Амелия деревянными губами.

Она попыталась обойти их, но долговязый преградил путь, расставив руки.

— Да ладно, не ломайся. Что ты как неродная? Пошли с нами, посидим, выпьем. Мы не кусаемся.

— Пропустите меня, — голос дрогнул.

Страх накатила ледяной волной. Она слышала о таком — о нападениях в темных дворах, о девушках, которые не дошли до дома. Но всегда думала, что с ней такого не случится. Кому нужна серая мышь?

— Слышь, ты че такая борзая? — коренастый шагнул ближе, и в его глазах появилось что-то нехорошее, злое. — Сказано тебе — пошли.

Амелия рванулась в сторону и побежала. Каблуки застучали по асфальту, в ушах засвистел ветер. Она бежала, не разбирая дороги, к спасительной арке, к свету, к людям.

Но они были быстрее.

Чья-то рука схватила ее за плечо, дернула назад. Амелия вскрикнула, теряя равновесие. Сумка слетела с плеча, тетради рассыпались по земле. Долговязый толкнул ее в спину, и она упала на колени, обдирая ладони о ледяной асфальт.

— Вот дрянь, бегать вздумала, — прошипел коренастый.

Он навалился сверху, прижал ее к земле. Тяжесть чужого тела, запах перегара и пота. Амелия закричала, но крик вышел глухим и беспомощным. Его рука задрала юбку, пальцы грубо вцепились в бедро. Она молотила кулаками по его спине, царапалась, извивалась, но он был сильнее.

— Тише, мышь, тише. Не дергайся.

А потом раздался звук. Глухой, страшный удар — будто что-то тяжелое обрушилось на кость. И сразу за ним — хрип. Вес исчез с ее тела.

Амелия открыла глаза.

Коренастого отшвырнули в сторону, как тряпичную куклу. Он врезался спиной в мусорный бак и сполз по нему на землю, зажимая лицо руками. А над ним возвышался мужчина в темном пальто, плечи которого ходили ходуном от ярости.

Ян.

Она узнала его мгновенно — по развороту плеч, по хищной пластике, по темным волосам, упавшим на лоб. Долговязый попытался ударить его сзади, но Ян перехватил его руку с какой-то пугающей, профессиональной легкостью и резко вывернул запястье. Раздался вскрик боли, и через секунду долговязый уже лежал на асфальте, заламываемый стальной хваткой.

— Еще раз увижу рядом с ней — убью, — произнес Ян негромко.

От его голоса у Амелии мороз пошел по коже. Это был не тот Ян, что улыбался в библиотеке или делал комплименты в коридоре. Это был чужой, опасный человек, и в его карих глазах сейчас не было ничего, кроме ледяной, расчетливой ярости.

Двое нападавших, поняв, что шансов нет, поднялись и, пошатываясь, скрылись в темноте. Ян проводил их взглядом, а затем резко повернулся к Амелии.

Она все еще лежала на земле, дрожа всем телом. Юбка задранна, колени разбиты в кровь, на щеке — грязный след. Он опустился рядом с ней на корточки. Его лицо было совсем близко. Кофейные глаза смотрели с тревогой и чем-то еще, что она не могла распознать.

— Вы целы? — спросил он. Голос звучал хрипло и глухо.

Амелия открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Она просто смотрела на него — на разбитую костяшку его правой руки, на прядь волос, упавшую на лоб, на взгляд, полный боли.

— Я опоздал, — выдохнул он, и в его голосе прозвучало столько горечи, что у нее защемило в носу. — Я должен был идти за вами раньше.

— Вы вы следили за мной? — прошептала она.

— Я видел, что вы вышли поздно. Решил проводить. Издалека. Не хотел вас смущать. Идиот.

Она не выдержала. Всхлип вырвался из груди, и слезы хлынули по щекам, смывая грязь и кровь. Ян без слов протянул руку и помог ей подняться. Его ладонь была горячей и твердой, и он не отпустил ее, когда она встала на ноги.

— Я отведу вас домой.

Это был не вопрос. Это был приказ. И Амелия, которая еще вчера поклялась себе держаться от него подальше, могла только кивнуть. Ее рука дрожала в его руке, и она ничего не могла с этим поделать.

Любовь — боль. Она поняла это только сейчас, в свои двадцать два. Раньше это были просто слова из книг, которые она анализировала, препарировала, раскладывала на литературные приемы. Метафора. Гипербола. А оказалось — правда. Самая настоящая, физически ощутимая боль где-то под ребрами, словно кто-то сжал сердце в кулаке и не разжимает.

Она вспоминала его улыбку, адресованную блондинке с журфака. Вспоминала, как он наклонялся к ней, как смеялся. И от каждого воспоминания мышцы сводило судорогой. Она сама позволила себе поверить. Сама разрешила этим дурацким бабочкам в животе вылупиться и расправить крылья. И теперь они умирали там, внутри, осыпаясь ядовитой пылью.

Утром Амелия проснулась с твердым решением. Никаких иллюзий. Никакой косметики. Она надела самый невзрачный свитер — мешковатый, мышино-серый, с вытянутыми рукавами. Волосы затянула в тугий хвост, не оставив ни одной вьющейся пряди у лица. Очки водрузила на нос почти с вызовом. Вот она. Настоящая. Серая, невидимая, никакая. Привыкайте.

И себе она тоже приказала привыкать. Хватит. Это была ошибка, *momentary lapse of judgment*, как сказали бы на английском. Мгновенное помутнение рассудка.

Университет встретил ее привычным равнодушным гулом. Никто не обернулся, никто не заметил. Вот так-то лучше. Она прошла в аудиторию, села на свое место и раскрыла тетрадь. День покатился по накатанной: лекции, конспекты, гул голосов. Немецкого сегодня не было — и она испытала облегчение пополам с острым разочарованием. Облегчение, потому что не придется видеть его. Разочарование — потому что не придется видеть его.

Она поймала себя на том, что высматривает Яна в коридорах. Ненавидела себя за это — и все равно продолжала сканировать толпу глазами. Вот высокий мужчина в темном пиджаке — сердце пропускает удар. Нет, не он. Вот кто-то идет размашистой походкой — она задерживает дыхание. Чужой. Просто преподаватель с другого факультета.

Злость на саму себя закипала с каждым часом. Какая же ты жалкая, Амелия. Сама себе запретила, сама же нарушаешь запрет. Скучаешь. Ищешь. Ждешь.

После четвертой пары к ней подошла Катя — тихая однокурсница, которую Амелия почти не знала.

— Слушай, ты же хорошо разбираешься в литературе Серебряного века? — спросила она, теребя лямку рюкзака. — У меня завтра доклад, а я полная деревяшка в символизме. Может, поможешь? Всего на час. Ну пожалуйста!

Амелия хотела отказаться. Ей хотелось домой, под одеяло, в темноту и тишину. Но Катя смотрела с такой надеждой, что она не смогла.

— Ладно, — кивнула она. — Час, не больше.

Они просидели в библиотеке до самого закрытия. Катя оказалась на удивление благодарной слушательницей, а Амелия неожиданно для себя увлеклась объяснением блоковской образности. Время пролетело незаметно, и когда они наконец вышли в коридор, часы показывали почти девять вечера.

— Ты меня просто спасла, — выдохнула Катя, прижимая к груди исписанный листок. — Я твоя должника навеки. Может, вместе пойдем? Я на метро.

— Я не на метро, я пешком, — покачала головой Амелия. — Тут недалеко, двадцать минут дворами.

— Дворами?! — ужаснулась Катя. — Ты с ума сошла? Уже темно!

— Я всегда так хожу, — пожалала плечами Амелия. — Ничего не случится.

Она попрощалась с Катей у входа и свернула в привычный проходной двор. Март вступал в свои права, но вечерами еще было холодно. Фонари горели через один, заливая асфальт жидким оранжевым светом. Она шла быстро, кутаясь в пальто и прокручивая в голове события дня.

Шаги за спиной раздалась неожиданно. Сначала она не придала им значения — мало ли кто идет той же дорогой. Но шаги ускорились и стали громче.

— Эй, красавица, куда спешишь? — раздался за спиной развязный голос.

Сердце ухнуло в пятки. Амелия ускорила шаг, не оборачиваясь. Только бы успеть. До подъезда оставалось всего ничего — еще один двор и арка.

— Да стой ты, оглобля! — второй голос, грубее. — Дай хоть посмотреть на тебя.

Их было двое. Молодые парни, на вид чуть за двадцать. Один коренастый, в спортивной куртке, второй — долговязый, с неприятным оскалом. Они возникли перед ней, словно из-под земли, перегородив дорогу.

— Худовата, конечно, — хмыкнул коренастый, оценивающе разглядывая ее. — Но ничего. Симпатичная мордашка. Чего прячешься?

— Простите, мне нужно домой, — сказала Амелия деревянными губами.

Она попыталась обойти их, но долговязый преградил путь, расставив руки.

— Да ладно, не ломайся. Что ты как неродная? Пошли с нами, посидим, выпьем. Мы не кусаемся.

— Пропустите меня, — голос дрогнул.

Страх накатил ледяной волной. Она слышала о таком — о нападениях в темных дворах, о девушках, которые не дошли до дома. Но всегда думала, что с ней такого не случится. Кому нужна серая мышь?

— Слышь, ты че такая борзая? — коренастый шагнул ближе, и в его глазах появилось что-то нехорошее, злое. — Сказано тебе — пошли.

Амелия рванулась в сторону и побежала. Каблуки застучали по асфальту, в ушах засвистел ветер. Она бежала, не разбирая дороги, к спасительной арке, к свету, к людям.

Но они были быстрее.

Чья-то рука схватила ее за плечо, дернула назад. Амелия вскрикнула, теряя равновесие. Сумка слетела с плеча, тетради рассыпались по земле. Долговязый толкнул ее в спину, и она упала на колени, обдирая ладони о ледяной асфальт.

— Вот дрянь, бегать вздумала, — прошипел коренастый.

Он навалился сверху, прижал ее к земле. Тяжесть чужого тела, запах перегара и пота. Амелия закричала, но крик вышел глухим и беспомощным. Его рука задрала юбку, пальцы грубо вцепились в бедро. Она молотила кулаками по его спине, царапалась, извивалась, но он был сильнее.

— Тише, мышь, тише. Не дергайся.

А потом раздался звук. Глухой, страшный удар — будто что-то тяжелое обрушилось на кость. И сразу за ним — хрип. Вес исчез с ее тела.

Амелия открыла глаза.

Коренастого отшвырнули в сторону, как тряпичную куклу. Он врезался спиной в мусорный бак и сполз по нему на землю, зажимая лицо руками. А над ним возвышался мужчина в темном пальто, плечи которого ходили ходуном от ярости.

Ян.

Она узнала его мгновенно — по развороту плеч, по хищной пластике, по темным волосам, упавшим на лоб. Долговязый попытался ударить его сзади, но Ян перехватил его руку с какой-то пугающей, профессиональной легкостью и резко вывернул запястье. Раздался вскрик боли, и через секунду долговязый уже лежал на асфальте, заламываемый стальной хваткой.

— Еще раз увижу рядом с ней — убью, — произнес Ян негромко.

От его голоса у Амелии мороз пошел по коже. Это был не тот Ян, что улыбался в библиотеке или делал комплименты в коридоре. Это был чужой, опасный человек, и в его карих глазах сейчас не было ничего, кроме ледяной, расчетливой ярости.

Двое нападавших, поняв, что шансов нет, поднялись и, пошатываясь, скрылись в темноте. Ян проводил их взглядом, а затем резко повернулся к Амелии.

Она все еще лежала на земле, дрожа всем телом. Юбка задранна, колени разбиты в кровь, на щеке — грязный след. Он опустился рядом с ней на корточки. Его лицо было совсем близко. Кофейные глаза смотрели с тревогой и чем-то еще, что она не могла распознать.

— Вы целы? — спросил он. Голос звучал хрипло и глухо.

Амелия открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Она просто смотрела на него — на разбитую костяшку его правой руки, на прядь волос, упавшую на лоб, на взгляд, полный боли.

— Я опоздал, — выдохнул он, и в его голосе прозвучало столько горечи, что у нее защемило в носу. — Я должен был идти за вами раньше.

— Вы вы следили за мной? — прошептала она.

— Я видел, что вы вышли поздно. Решил проводить. Издалека. Не хотел вас смущать. Идиот.

Она не выдержала. Всклип вырвался из груди, и слезы хлынули по щекам, смывая грязь и кровь. Ян без слов протянул руку и помог ей подняться. Его ладонь была горячей и твердой, и он не отпустил ее, когда она встала на ноги.

— Я отведу вас домой.

Это был не вопрос. Это был приказ. И Амелия, которая еще вчера поклялась себе держаться от него подальше, могла только кивнуть. Ее рука дрожала в его руке, и она ничего не могла с этим поделать.

Любовь — боль. Она поняла это только сейчас, в свои двадцать два. Раньше это были просто слова из книг, которые она анализировала, препарировала, раскладывала на литературные приемы. Метафора. Гипербола. А оказалось — правда. Самая настоящая, физически ощутимая боль где-то под ребрами, словно кто-то сжал сердце в кулаке и не разжимает.

Она вспоминала его улыбку, адресованную блондинке с журфака. Вспоминала, как он наклонялся к ней, как смеялся. И от каждого воспоминания мышцы сводило судорогой. Она сама позволила себе поверить. Сама разрешила этим дурацким бабочкам в животе вылупиться и расправить крылья. И теперь они умирали там, внутри, осыпаясь ядовитой пылью.

Утром Амелия проснулась с твердым решением. Никаких иллюзий. Никакой косметики. Она надела самый невзрачный свитер — мешковатый, мышино-серый, с вытянутыми рукавами. Волосы затянула в тугий хвост, не оставив ни одной вьющейся пряди у лица. Очки водрузила на нос почти с вызовом. Вот она. Настоящая. Серая, невидимая, никакая. Привыкайте.

И себе она тоже приказала привыкать. Хватит. Это была ошибка, *momentary lapse of judgment*, как сказали бы на английском. Мгновенное помутнение рассудка.

Университет встретил ее привычным равнодушным гулом. Никто не обернулся, никто не заметил. Вот так-то лучше. Она прошла в аудиторию, села на свое место и раскрыла тетрадь. День покатился по накатанной: лекции, конспекты, гул голосов. Немецкого сегодня не было — и она испытала облегчение пополам с острым разочарованием. Облегчение, потому что не придется видеть его. Разочарование — потому что не придется видеть его.

Она поймала себя на том, что высматривает Яна в коридорах. Ненавидела себя за это — и все равно продолжала сканировать толпу глазами. Вот высокий мужчина в темном пиджаке — сердце пропускает удар. Нет, не он. Вот кто-то идет размашистой походкой — она задерживает дыхание. Чужой. Просто преподаватель с другого факультета.

Злость на саму себя закипала с каждым часом. Какая же ты жалкая, Амелия. Сама себе запретила, сама же нарушаешь запрет. Скучаешь. Ищешь. Ждешь.

После четвертой пары к ней подошла Катя — тихая однокурсница, которую Амелия почти не знала.

— Слушай, ты же хорошо разбираешься в литературе Серебряного века? — спросила она, теребя лямку рюкзака. — У меня завтра доклад, а я полная деревяшка в символизме. Может, поможешь? Всего на час. Ну пожалуйста!

Амелия хотела отказаться. Ей хотелось домой, под одеяло, в темноту и тишину. Но Катя смотрела с такой надеждой, что она не смогла.

— Ладно, — кивнула она. — Час, не больше.

Они просидели в библиотеке до самого закрытия. Катя оказалась на удивление благодарной слушательницей, а Амелия неожиданно для себя увлеклась объяснением блоковской

образности. Время пролетело незаметно, и когда они наконец вышли в коридор, часы показывали почти девять вечера.

— Ты меня просто спасла, — выдохнула Катя, прижимая к груди исписанный листок. — Я твоя должница навеки. Может, вместе пойдем? Я на метро.

— Я не на метро, я пешком, — покачала головой Амелия. — Тут недалеко, двадцать минут дворами.

— Дворами?! — ужаснулась Катя. — Ты с ума сошла? Уже темно!

— Я всегда так хожу, — пожала плечами Амелия. — Ничего не случится.

Она попрощалась с Катей у входа и свернула в привычный проходной двор. Март вступал в свои права, но вечерами еще было холодно. Фонари горели через один, заливая асфальт жидким оранжевым светом. Она шла быстро, кутаясь в пальто и прокручивая в голове события дня.

Шаги за спиной раздалась неожиданно. Сначала она не придавала им значения — мало ли кто идет той же дорогой. Но шаги ускорились и стали громче.

— Эй, красавица, куда спешишь? — раздался за спиной развязный голос.

Сердце ухнуло в пятки. Амелия ускорила шаг, не оборачиваясь. Только бы успеть. До подъезда оставалось всего ничего — еще один двор и арка.

— Да стой ты, оглобля! — второй голос, грубее. — Дай хоть посмотреть на тебя.

Их было двое. Молодые парни, на вид чуть за двадцать. Один коренастый, в спортивной куртке, второй — долговязый, с неприятным оскалом. Они возникли перед ней, словно из-под земли, перегородив дорогу.

— Худовата, конечно, — хмыкнул коренастый, оценивающе разглядывая ее. — Но ничего. Симпатичная мордашка. Чего прячешься?

— Простите, мне нужно домой, — сказала Амелия деревянными губами.

Она попыталась обойти их, но долговязый преградил путь, расставив руки.

— Да ладно, не ломайся. Что ты как неродная? Пошли с нами, посидим, выпьем. Мы не кусаемся.

— Пропустите меня, — голос дрогнул.

Страх накатил ледяной волной. Она слышала о таком — о нападениях в темных дворах, о девушках, которые не дошли до дома. Но всегда думала, что с ней такого не случится. Кому нужна серая мышь?

— Слышь, ты че такая борзая? — коренастый шагнул ближе, и в его глазах появилось что-то нехорошее, злое. — Сказано тебе — пошли.

Амелия рванулась в сторону и побежала. Каблуки застучали по асфальту, в ушах засвистел ветер. Она бежала, не разбирая дороги, к спасительной арке, к свету, к людям.

Но они были быстрее.

Чья-то рука схватила ее за плечо, дернула назад. Амелия вскрикнула, теряя равновесие. Сумка слетела с плеча, тетради рассыпались по земле. Долговязый толкнул ее в спину, и она упала на колени, обдирая ладони о ледяной асфальт.

— Вот дрянь, бегать вздумала, — прошипел коренастый.

Он навалился сверху, прижал ее к земле. Тяжесть чужого тела, запах перегара и пота. Амелия закричала, но крик вышел глухим и беспомощным. Его рука задрала юбку, пальцы грубо вцепились в бедро. Она молотила кулаками по его спине, царапалась, извивалась, но он был сильнее.

— Тише, мышь, тише. Не дергайся.

А потом раздался звук. Глухой, страшный удар — будто что-то тяжелое обрушилось на кость. И сразу за ним — хрип. Вес исчез с ее тела.

Амелия открыла глаза.

Коренастого отшвырнули в сторону, как тряпичную куклу. Он врезался спиной в мусорный бак и сполз по нему на землю, зажимая лицо руками. А над ним возвышался мужчина в темном пальто, плечи которого ходили ходуном от ярости.

Ян.

Она узнала его мгновенно — по развороту плеч, по хищной пластике, по темным волосам, упавшим на лоб. Долговязый попытался ударить его сзади, но Ян перехватил его руку с какой-то пугающей, профессиональной легкостью и резко вывернул запястье. Раздался вскрик боли, и через секунду долговязый уже лежал на асфальте, заламываемый стальной хваткой.

— Еще раз увижу рядом с ней — убью, — произнес Ян негромко.

От его голоса у Амелии мороз пошел по коже. Это был не тот Ян, что улыбался в библиотеке или делал комплименты в коридоре. Это был чужой, опасный человек, и в его карих глазах сейчас не было ничего, кроме ледяной, расчетливой ярости.

Двое нападавших, поняв, что шансов нет, поднялись и, пошатываясь, скрылись в темноте. Ян проводил их взглядом, а затем резко повернулся к Амелии.

Она все еще лежала на земле, дрожа всем телом. Юбка задранна, колени разбиты в кровь, на щеке — грязный след. Он опустился рядом с ней на корточки. Его лицо было совсем близко. Кофейные глаза смотрели с тревогой и чем-то еще, что она не могла распознать.

— Вы целы? — спросил он. Голос звучал хрипло и глухо.

Амелия открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Она просто смотрела на него — на разбитую костяшку его правой руки, на прядь волос, упавшую на лоб, на взгляд, полный боли.

— Я опоздал, — выдохнул он, и в его голосе прозвучало столько горечи, что у нее защищало в носу. — Я должен был идти за вами раньше.

— Вы вы следили за мной? — прошептала она.

— Я видел, что вы вышли поздно. Решил проводить. Издалека. Не хотел вас смущать. Идиот.

Она не выдержала. Всхлип вырвался из груди, и слезы хлынули по щекам, смывая грязь и кровь. Ян без слов протянул руку и помог ей подняться. Его ладонь была горячей и твердой, и он не отпустил ее, когда она встала на ноги.

— Я отведу вас домой.

Это был не вопрос. Это был приказ. И Амелия, которая еще вчера поклялась себе держаться от него подальше, могла только кивнуть. Ее рука дрожала в его руке, и она ничего не могла с этим поделать.

Любовь — боль. Она поняла это только сейчас, в свои двадцать два. Раньше это были просто слова из книг, которые она анализировала, препарировала, раскладывала на литературные приемы. Метафора. Гипербола. А оказалось — правда. Самая настоящая, физически ощутимая боль где-то под ребрами, словно кто-то сжал сердце в кулаке и не разжимает.

Она вспоминала его улыбку, адресованную блондинке с журфака. Вспоминала, как он наклонялся к ней, как смеялся. И от каждого воспоминания мышцы сводило судорогой. Она сама позволила себе поверить. Сама разрешила этим дурацким бабочкам в животе вылупиться и расправить крылья. И теперь они умирали там, внутри, осыпаясь ядовитой пылью.

Утром Амелия проснулась с твердым решением. Никаких иллюзий. Никакой косметики. Она надела самый невзрачный свитер — мешковатый, мышино-серый, с вытянутыми рукавами. Волосы затянула в тугий хвост, не оставив ни одной вьющейся пряди у лица. Очки водрузила на нос почти с вызовом. Вот она. Настоящая. Серая, невидимая, никакая. Привыкайте.

И себе она тоже приказала привыкать. Хватит. Это была ошибка, momentary lapse of judgment, как сказали бы на английском. Мгновенное помутнение рассудка.

Университет встретил ее привычным равнодушным гулом. Никто не обернулся, никто не заметил. Вот так-то лучше. Она прошла в аудиторию, села на свое место и раскрыла тетрадь. День покатился по накатанной: лекции, конспекты, гул голосов. Немецкого сегодня не было

— и она испытала облегчение пополам с острым разочарованием. Облегчение, потому что не придется видеть его. Разочарование — потому что не придется видеть его.

Она поймала себя на том, что высматривает Яна в коридорах. Ненавидела себя за это — и все равно продолжала сканировать толпу глазами. Вот высокий мужчина в темном пиджаке — сердце пропускает удар. Нет, не он. Вот кто-то идет размашистой походкой — она задерживает дыхание. Чужой. Просто преподаватель с другого факультета.

Злость на саму себя закипала с каждым часом. Какая же ты жалкая, Амелия. Сама себе запретила, сама же нарушаешь запрет. Скучаешь. Ищешь. Ждешь.

После четвертой пары к ней подошла Катя — тихая однокурсница, которую Амелия почти не знала.

— Слушай, ты же хорошо разбираешься в литературе Серебряного века? — спросила она, теребя лямку рюкзака. — У меня завтра доклад, а я полная деревяшка в символизме. Может, поможешь? Всего на час. Ну пожалуйста!

Амелия хотела отказаться. Ей хотелось домой, под одеяло, в темноту и тишину. Но Катя смотрела с такой надеждой, что она не смогла.

— Ладно, — кивнула она. — Час, не больше.

Они просидели в библиотеке до самого закрытия. Катя оказалась на удивление благодарной слушательницей, а Амелия неожиданно для себя увлеклась объяснением блоковской образности. Время пролетело незаметно, и когда они наконец вышли в коридор, часы показывали почти девять вечера.

— Ты меня просто спасла, — выдохнула Катя, прижимая к груди исписанный листок. — Я твоя должника навеки. Может, вместе пойдем? Я на метро.

— Я не на метро, я пешком, — покачала головой Амелия. — Тут недалеко, двадцать минут дворами.

— Дворами?! — ужаснулась Катя. — Ты с ума сошла? Уже темно!

— Я всегда так хожу, — пожала плечами Амелия. — Ничего не случится.

Она попрощалась с Катей у входа и свернула в привычный проходной двор. Март вступал в свои права, но вечерами еще было холодно. Фонари горели через один, заливая асфальт жидким оранжевым светом. Она шла быстро, кутаясь в пальто и прокручивая в голове события дня.

Шаги за спиной раздалась неожиданно. Сначала она не придала им значения — мало ли кто идет той же дорогой. Но шаги ускорились и стали громче.

— Эй, красавица, куда спешишь? — раздался за спиной развязный голос.

Сердце ухнуло в пятки. Амелия ускорила шаг, не оборачиваясь. Только бы успеть. До подъезда оставалось всего ничего — еще один двор и арка.

— Да стой ты, оглобля! — второй голос, грубее. — Дай хоть посмотреть на тебя.

Их было двое. Молодые парни, на вид чуть за двадцать. Один коренастый, в спортивной куртке, второй — долговязый, с неприятным оскалом. Они возникли перед ней, словно из-под земли, перегородив дорогу.

— Худовата, конечно, — хмыкнул коренастый, оценивающе разглядывая ее. — Но ничего. Симпатичная мордашка. Чего прячешься?

— Простите, мне нужно домой, — сказала Амелия деревянными губами.

Она попыталась обойти их, но долговязый преградил путь, расставив руки.

— Да ладно, не ломайся. Что ты как неродная? Пошли с нами, посидим, выпьем. Мы не кусаемся.

— Пропустите меня, — голос дрогнул.

Страх накатил ледяной волной. Она слышала о таком — о нападениях в темных дворах, о девушках, которые не дошли до дома. Но всегда думала, что с ней такого не случится. Кому нужна серая мышь?

— Слышь, ты че такая борзая? — коренастый шагнул ближе, и в его глазах появилось что-то нехорошее, злое. — Сказано тебе — пошли.

Амелия рванулась в сторону и побежала. Каблуки застучали по асфальту, в ушах засвистел ветер. Она бежала, не разбирая дороги, к спасительной арке, к свету, к людям.

Но они были быстрее.

Чья-то рука схватила ее за плечо, дернула назад. Амелия вскрикнула, теряя равновесие. Сумка слетела с плеча, тетради рассыпались по земле. Долговязый толкнул ее в спину, и она упала на колени, обдирая ладони о ледяной асфальт.

— Вот дрянь, бегать вздумала, — прошипел коренастый.

Он навалился сверху, прижал ее к земле. Тяжесть чужого тела, запах перегара и пота. Амелия закричала, но крик вышел глухим и беспомощным. Его рука задрала юбку, пальцы грубо вцепились в бедро. Она молотила кулаками по его спине, царапалась, извивалась, но он был сильнее.

— Тише, мышь, тише. Не дергайся.

А потом раздался звук. Глухой, страшный удар — будто что-то тяжелое обрушилось на кость. И сразу за ним — хрип. Вес исчез с ее тела.

Амелия открыла глаза.

Коренастого отшвырнули в сторону, как тряпичную куклу. Он врезался спиной в мусорный бак и сполз по нему на землю, зажимая лицо руками. А над ним возвышался мужчина в темном пальто, плечи которого ходили ходуном от ярости.

Ян.

Она узнала его мгновенно — по развороту плеч, по хищной пластике, по темным волосам, упавшим на лоб. Долговязый попытался ударить его сзади, но Ян перехватил его руку с какой-то пугающей, профессиональной легкостью и резко вывернул запястье. Раздался вскрик боли, и через секунду долговязый уже лежал на асфальте, заламываемый стальной хваткой.

— Еще раз увижу рядом с ней — убью, — произнес Ян негромко.

От его голоса у Амелии мороз пошел по коже. Это был не тот Ян, что улыбался в библиотеке или делал комплименты в коридоре. Это был чужой, опасный человек, и в его карих глазах сейчас не было ничего, кроме ледяной, расчетливой ярости.

Двое нападавших, поняв, что шансов нет, поднялись и, пошатываясь, скрылись в темноте. Ян проводил их взглядом, а затем резко повернулся к Амелии.

Она все еще лежала на земле, дрожа всем телом. Юбка задранна, колени разбиты в кровь, на щеке — грязный след. Он опустился рядом с ней на корточки. Его лицо было совсем близко. Кофейные глаза смотрели с тревогой и чем-то еще, что она не могла распознать.

— Вы целы? — спросил он. Голос звучал хрипло и глухо.

Амелия открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Она просто смотрела на него — на разбитую костяшку его правой руки, на прядь волос, упавшую на лоб, на взгляд, полный боли.

— Я опоздал, — выдохнул он, и в его голосе прозвучало столько горечи, что у нее защемило в носу. — Я должен был идти за вами раньше.

— Вы вы следили за мной? — прошептала она.

— Я видел, что вы вышли поздно. Решил проводить. Издалека. Не хотел вас смущать. Идиот.

Она не выдержала. Всклип вырвался из груди, и слезы хлынули по щекам, смывая грязь и кровь. Ян без слов протянул руку и помог ей подняться. Его ладонь была горячей и твердой, и он не отпустил ее, когда она встала на ноги.

— Я отведу вас домой.

Это был не вопрос. Это был приказ. И Амелия, которая еще вчера поклялась себе держаться от него подальше, могла только кивнуть. Ее рука дрожала в его руке, и она ничего не могла с этим поделать.

Глава 5. Торшер и тени

Они дошли до ее подъезда молча. Ветер трепал полы ее пальто, и Амелия то и дело косилась на разбитую костяшку его правой руки — следы крови уже запеклись, но выглядело это пугающе. Ян, поймав ее взгляд, сунул руку в карман.

— Не переживайте, — сказал он негромко. — Ерунда.

У двери подъезда она замерла в нерешительности. Приличия требовали поблагодарить и попрощаться. Но внутри — там, где еще полчаса назад клокотал ужас, — теперь разливалось что-то совсем иное. Теплое. Отчаянное. Ей не хотелось, чтобы он уходил.

— Может быть чай? — выдохнула она, глядя куда-то в район его воротника. — Вы замерзли. И руку надо обработать.

Ян помедлил. Его темные глаза изучали ее лицо с каким-то странным, трудночитаемым выражением.

— Если вы не против, — ответил он наконец.

Квартира встретила их запахом старых книг и сухих трав. Амелия зажгла торшер в гостиной, и комната наполнилась мягким, янтарным светом. Мебель здесь была старая, еще мамина: массивный книжный шкаф из темного дерева, продавленный диван с пледом, круглый стол с кружевной салфеткой. Никакого глянца, никакого современного минимализма — трогательный, чуть старомодный уют.

— Проходите. Извините за скромность, — пробормотала она.

Ян медленно прошел в комнату, оглядываясь с интересом, которого она не ожидала. Никакой снисходительности, никакой усмешки. Он рассматривал выцветшие обои в цветочек, старую хрустальную люстру, фотографии в деревянных рамках.

— Здесь особая атмосфера, — сказал он тихо. — В таких квартирах живут воспоминания.

Амелия замерла на полпути к кухне. От его слов что-то дрогнуло внутри.

— Моя мама умерла пять лет назад, — сказала она, не оборачиваясь. — Я живу одна.

Пауза. Тишина. Затем — его голос, мягкий, как прикосновение:

— Мне очень жаль.

Она кивнула и скрылась на кухне. Поставила чайник, дрожащими руками достала две чашки. Пока закипала вода, она слышала его шаги в гостиной: он ходил вдоль книжного шкафа, и это было странно интимно — чужой человек среди ее книг, ее мира.

Когда она вернулась с подносом, Ян стоял у открытого шкафа с томиком Цветаевой в руках.

— «Мне нравится, что вы больны не мной», — процитировал он, поднимая на нее глаза. — Любите Серебряный век?

— Люблю, — призналась она. — Особенно Блока.

— «Ночь, улица, фонарь, аптека», — проговорил он вполголоса. — Потрясающий ритм. Я в студенчестве болел Блоком. Потом остыл, но раннего помню наизусть.

Они заговорили о книгах — сначала робко, потом все увлеченнее. Оказалось, что он обожает Ремарка и Гессе, что в оригинале читает «Степного волка», что терпеть не может постмодернизм, но делает исключение для Фаулза. Амелия слушала и не верила своим ушам. Их вкусы совпадали до неправдоподобия.

— У вас потрясающая библиотека, — сказал он, скользя пальцами по корешкам. — Я так и знал, что вы — особенная.

На этих словах его рука замерла на тонкой тетради в мягкой обложке, непохожей на книгу. Амелия похолодела.

— А это что? — спросил он с интересом.

— Нет, пожалуйста, не надо, — она дернулась к нему, но было поздно.

Ян уже раскрыл тетрадь. Его взгляд скользнул по строчкам, написанным ее убористым почерком. Строчки прыгали, кое-где зачеркнутые и переписанные. Стихи. Ее стихи.

— Это вы написали? — спросил он, поднимая глаза.

— Это не серьезно, — выпалила она, чувствуя, как горят щеки. — Так, мысли вслух. Я никому не показываю.

— Можно? — он кивнул на тетрадь.

Она хотела сказать «нет», но он уже читал. Ян стоял в круге света от торшера и читал ее стихи — те самые строчки, которые она писала бессонными ночами, пряча от всего мира. Строчки о тишине, об одиночестве, о невидимой девочке, которая смотрит на звезды.

Когда он поднял глаза, в них было что-то новое. Что-то, отчего у Амелии перехватило дыхание.

— Талантливо, — сказал он хриловато. — Очень. Вы даже не представляете, насколько.

Она покачала головой, отводя взгляд. Но он уже шагнул к ней. Тетрадь легла на стол, а его пальцы осторожно коснулись ее подбородка, заставляя поднять лицо. Свет торшера золотил его темные волосы, смягчал резкие черты, и в этот момент он показался ей не просто красивым — прекрасным. Как демон из старой поэмы. Как падший ангел, который ошибся адресом.

— Амелия, — прошептал он, и ее имя в его устах прозвучало как музыка.

Он поцеловал ее.

Сначала мягко, почти невесомо — будто спрашивал разрешения. Его губы были теплыми и чуть сухими. Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах дышать. Сердце колотилось так, что казалось — он слышит. А потом поцелуй стал глубже. Его рука скользнула на ее затылок, пальцы запутались в волосах, вытягивая шпильки. Волосы рассыпались по плечам. Она ответила — робко, неумело, но так искренне, как не делала ничего в жизни.

Вкус его губ — горьковатый чай и что-то еще, мужское. Запах — сандал и этот вечерний холод, который он принес с улицы. Его вторая рука легла на ее талию, притягивая ближе, и сквозь свитер она чувствовала жар его ладони

А потом он отстранился.

Резко, почти грубо. Отпустил ее и отступил на шаг, тяжело дыша. Его глаза были дикими, растерянными, будто он сам не понял, что натворил.

— Простите, — выдохнул он. — Я не должен был.

— Ян Андреевич — начала она, но он перебил:

— Нет. Это неправильно. Я ваш преподаватель. Вы моя студентка. Я не имею права.

Он взял свое пальто и быстрым шагом направился к двери.

— Простите, — повторил он уже с порога, не оборачиваясь.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Амелия осталась стоять посреди комнаты, оглушенная, с рассыпанными волосами и все еще горящими от поцелуя губами. Торшер отбрасывал на стену длинную одинокую тень.

Она медленно поднесла пальцы к губам и замерла.

Он поцеловал ее.

Он поцеловал ее и ушел.

Она не знала, плакать ей или смеяться. За окном выл весенний ветер, и в комнате, пропитанной светом и тишиной, было слышно только ее собственное, сбитое с ритма, дыхание.

— Не переживайте, — сказал он негромко. — Ерунда.

У двери подъезда она замерла в нерешительности. Приличия требовали поблагодарить и попрощаться. Но внутри — там, где еще полчаса назад kloкотал ужас, — теперь разливалось что-то совсем иное. Теплое. Отчаянное. Ей не хотелось, чтобы он уходил.

— Может быть чай? — выдохнула она, глядя куда-то в район его воротника. — Вы замерзли. И руку надо обработать.

Ян помедлил. Его темные глаза изучали ее лицо с каким-то странным, трудночитаемым выражением.

— Если вы не против, — ответил он наконец.

Квартира встретила их запахом старых книг и сухих трав. Амелия зажгла торшер в гостиной, и комната наполнилась мягким, янтарным светом. Мебель здесь была старая, еще мамина: массивный книжный шкаф из темного дерева, продавленный диван с пледом, круглый стол с кружевной салфеткой. Никакого глянца, никакого современного минимализма — трогательный, чуть старомодный уют.

— Проходите. Извините за скромность, — пробормотала она.

Ян медленно прошел в комнату, оглядываясь с интересом, которого она не ожидала. Никакой снисходительности, никакой усмешки. Он рассматривал выцветшие обои в цветочек, старую хрустальную люстру, фотографии в деревянных рамках.

— Здесь особая атмосфера, — сказал он тихо. — В таких квартирах живут воспомина-

ния. Амелия замерла на полпути к кухне. От его слов что-то дрогнуло внутри.

— Моя мама умерла пять лет назад, — сказала она, не оборачиваясь. — Я живу одна.

Пауза. Тишина. Затем — его голос, мягкий, как прикосновение:

— Мне очень жаль.

Она кивнула и скрылась на кухне. Поставила чайник, дрожащими руками достала две чашки. Пока закипала вода, она слышала его шаги в гостиной: он ходил вдоль книжного шкафа, и это было странно интимно — чужой человек среди ее книг, ее мира.

Когда она вернулась с подносом, Ян стоял у открытого шкафа с томиком Цветаевой в руках.

— «Мне нравится, что вы больны не мной», — процитировал он, поднимая на нее глаза. — Любите Серебряный век?

— Люблю, — призналась она. — Особенно Блока.

— «Ночь, улица, фонарь, аптека», — проговорил он вполголоса. — Потрясающий ритм. Я в студенчестве болел Блоком. Потом остыл, но раннего помню наизусть.

Они заговорили о книгах — сначала робко, потом все увлеченнее. Оказалось, что он обожает Ремарка и Гессе, что в оригинале читает «Степного волка», что терпеть не может постмодернизм, но делает исключение для Фаулза. Амелия слушала и не верила своим ушам. Их вкусы совпадали до неправдоподобия.

— У вас потрясающая библиотека, — сказал он, скользя пальцами по корешкам. — Я так и знал, что вы — особенная.

На этих словах его рука замерла на тонкой тетради в мягкой обложке, непохожей на книгу. Амелия похолодела.

— А это что? — спросил он с интересом.

— Нет, пожалуйста, не надо, — она дернулась к нему, но было поздно.

Ян уже раскрыл тетрадь. Его взгляд скользнул по строчкам, написанным ее убористым почерком. Строчки прыгали, кое-где зачеркнутые и переписанные. Стихи. Ее стихи.

— Это вы написали? — спросил он, поднимая глаза.

— Это не серьезно, — выпалила она, чувствуя, как горят щеки. — Так, мысли вслух. Я никому не показываю.

— Можно? — он кивнул на тетрадь.

Она хотела сказать «нет», но он уже читал. Ян стоял в круге света от торшера и читал ее стихи — те самые строчки, которые она писала бессонными ночами, пряча от всего мира. Строчки о тишине, об одиночестве, о невидимой девочке, которая смотрит на звезды.

Когда он поднял глаза, в них было что-то новое. Что-то, отчего у Амелии перехватило дыхание.

— Талантливо, — сказал он хрипловато. — Очень. Вы даже не представляете, насколько.

Она покачала головой, отводя взгляд. Но он уже шагнул к ней. Тетрадь легла на стол, а его пальцы осторожно коснулись ее подбородка, заставляя поднять лицо. Свет торшера золотил его темные волосы, смягчал резкие черты, и в этот момент он показался ей не просто красивым — прекрасным. Как демон из старой поэмы. Как падший ангел, который ошибся адресом.

— Амелия, — прошептал он, и ее имя в его устах прозвучало как музыка.

Он поцеловал ее.

Сначала мягко, почти невесомо — будто спрашивал разрешения. Его губы были теплыми и чуть сухими. Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах дышать. Сердце колотилось так, что казалось — он слышит. А потом поцелуй стал глубже. Его рука скользнула на ее затылок, пальцы запутались в волосах, вытягивая шпильки. Волосы рассыпались по плечам. Она ответила — робко, неумело, но так искренне, как не делала ничего в жизни.

Вкус его губ — горьковатый чай и что-то еще, мужское. Запах — сандал и этот вечерний холод, который он принес с улицы. Его вторая рука легла на ее талию, притягивая ближе, и сквозь свитер она чувствовала жар его ладони

А потом он отстранился.

Резко, почти грубо. Отпустил ее и отступил на шаг, тяжело дыша. Его глаза были дикими, растерянными, будто он сам не понял, что натворил.

— Простите, — выдохнул он. — Я не должен был.

— Ян Андреевич — начала она, но он перебил:

— Нет. Это неправильно. Я ваш преподаватель. Вы моя студентка. Я не имею права.

Он взял свое пальто и быстрым шагом направился к двери.

— Простите, — повторил он уже с порога, не оборачиваясь.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Амелия осталась стоять посреди комнаты, оглушенная, с рассыпанными волосами и все еще горящими от поцелуя губами. Торшер отбрасывал на стену длинную одинокую тень.

Она медленно поднесла пальцы к губам и замерла.

Он поцеловал ее.

Он поцеловал ее и ушел.

Она не знала, плакать ей или смеяться. За окном выл весенний ветер, и в комнате, пропитанной светом и тишиной, было слышно только ее собственное, сбитое с ритма, дыхание.

— Не переживайте, — сказал он негромко. — Ерунда.

У двери подъезда она замерла в нерешительности. Приличия требовали поблагодарить и попрощаться. Но внутри — там, где еще полчаса назад kloкотал ужас, — теперь разливалось что-то совсем иное. Теплое. Отчаянное. Ей не хотелось, чтобы он уходил.

— Может быть чай? — выдохнула она, глядя куда-то в район его воротника. — Вы замерзли. И руку надо обработать.

Ян помедлил. Его темные глаза изучали ее лицо с каким-то странным, трудночитаемым выражением.

— Если вы не против, — ответил он наконец.

Квартира встретила их запахом старых книг и сухих трав. Амелия зажгла торшер в гостиной, и комната наполнилась мягким, янтарным светом. Мебель здесь была старая, еще мамина: массивный книжный шкаф из темного дерева, продавленный диван с пледом, круглый стол с кружевной салфеткой. Никакого глянца, никакого современного минимализма — трогательный, чуть старомодный уют.

— Проходите. Извините за скромность, — пробормотала она.

Ян медленно прошел в комнату, оглядываясь с интересом, которого она не ожидала. Никакой снисходительности, никакой усмешки. Он рассматривал выцветшие обои в цветочек, старую хрустальную люстру, фотографии в деревянных рамках.

— Здесь особая атмосфера, — сказал он тихо. — В таких квартирах живут воспомина-
ния.

Амелия замерла на полпути к кухне. От его слов что-то дрогнуло внутри.

— Моя мама умерла пять лет назад, — сказала она, не оборачиваясь. — Я живу одна.

Пауза. Тишина. Затем — его голос, мягкий, как прикосновение:

— Мне очень жаль.

Она кивнула и скрылась на кухне. Поставила чайник, дрожащими руками достала две чашки. Пока закипала вода, она слышала его шаги в гостиной: он ходил вдоль книжного шкафа, и это было странно интимно — чужой человек среди ее книг, ее мира.

Когда она вернулась с подносом, Ян стоял у открытого шкафа с томиком Цветаевой в руках.

— «Мне нравится, что вы больны не мной», — процитировал он, поднимая на нее глаза. — Любите Серебряный век?

— Люблю, — призналась она. — Особенно Блока.

— «Ночь, улица, фонарь, аптека», — проговорил он вполголоса. — Потрясающий ритм. Я в студенчестве болел Блоком. Потом остыл, но раннего помню наизусть.

Они заговорили о книгах — сначала робко, потом все увлеченнее. Оказалось, что он обожает Ремарка и Гессе, что в оригинале читает «Степного волка», что терпеть не может постмодернизм, но делает исключение для Фаулза. Амелия слушала и не верила своим ушам. Их вкусы совпадали до неправдоподобия.

— У вас потрясающая библиотека, — сказал он, скользя пальцами по корешкам. — Я так и знал, что вы — особенная.

На этих словах его рука замерла на тонкой тетради в мягкой обложке, непохожей на книгу. Амелия похолодела.

— А это что? — спросил он с интересом.

— Нет, пожалуйста, не надо, — она дернулась к нему, но было поздно.

Ян уже раскрыл тетрадь. Его взгляд скользнул по строчкам, написанным ее убористым почерком. Строчки прыгали, кое-где зачеркнутые и переписанные. Стихи. Ее стихи.

— Это вы написали? — спросил он, поднимая глаза.

— Это не серьезно, — выпалила она, чувствуя, как горят щеки. — Так, мысли вслух. Я никому не показываю.

— Можно? — он кивнул на тетрадь.

Она хотела сказать «нет», но он уже читал. Ян стоял в круге света от торшера и читал ее стихи — те самые строчки, которые она писала бессонными ночами, пряча от всего мира. Строчки о тишине, об одиночестве, о невидимой девочке, которая смотрит на звезды.

Когда он поднял глаза, в них было что-то новое. Что-то, отчего у Амелии перехватило дыхание.

— Талантливо, — сказал он хриловато. — Очень. Вы даже не представляете, насколько.

Она покачала головой, отводя взгляд. Но он уже шагнул к ней. Тетрадь легла на стол, а его пальцы осторожно коснулись ее подбородка, заставляя поднять лицо. Свет торшера золотил его темные волосы, смягчал резкие черты, и в этот момент он показался ей не просто красивым — прекрасным. Как демон из старой поэмы. Как падший ангел, который ошибся адресом.

— Амелия, — прошептал он, и ее имя в его устах прозвучало как музыка.

Он поцеловал ее.

Сначала мягко, почти невесомо — будто спрашивал разрешения. Его губы были теплыми и чуть сухими. Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах дышать. Сердце колотилось так, что казалось — он слышит. А потом поцелуй стал глубже. Его рука скользнула на ее затылок, пальцы запутались в волосах, вытягивая шпильки. Волосы рассыпались по плечам. Она ответила — робко, неумело, но так искренне, как не делала ничего в жизни.

Вкус его губ — горьковатый чай и что-то еще, мужское. Запах — сандал и этот вечерний холод, который он принес с улицы. Его вторая рука легла на ее талию, притягивая ближе, и сквозь свитер она чувствовала жар его ладони

А потом он отстранился.

Резко, почти грубо. Отпустил ее и отступил на шаг, тяжело дыша. Его глаза были дикими, растерянными, будто он сам не понял, что натворил.

— Простите, — выдохнул он. — Я не должен был.

— Ян Андреевич — начала она, но он перебил:

— Нет. Это неправильно. Я ваш преподаватель. Вы моя студентка. Я не имею права.

Он взял свое пальто и быстрым шагом направился к двери.

— Простите, — повторил он уже с порога, не оборачиваясь.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Амелия осталась стоять посреди комнаты, оглушенная, с рассыпанными волосами и все еще горящими от поцелуя губами. Торшер отбрасывал на стену длинную одинокую тень.

Она медленно поднесла пальцы к губам и замерла.

Он поцеловал ее.

Он поцеловал ее и ушел.

Она не знала, плакать ей или смеяться. За окном выл весенний ветер, и в комнате, пропитанной светом и тишиной, было слышно только ее собственное, сбитое с ритма, дыхание.

— Не переживайте, — сказал он негромко. — Ерунда.

У двери подъезда она замерла в нерешительности. Приличия требовали поблагодарить и попрощаться. Но внутри — там, где еще полчаса назад kloкотал ужас, — теперь разливалось что-то совсем иное. Теплое. Отчаянное. Ей не хотелось, чтобы он уходил.

— Может быть чай? — выдохнула она, глядя куда-то в район его воротника. — Вы замерзли. И руку надо обработать.

Ян помедлил. Его темные глаза изучали ее лицо с каким-то странным, трудночитаемым выражением.

— Если вы не против, — ответил он наконец.

Квартира встретила их запахом старых книг и сухих трав. Амелия зажгла торшер в гостиной, и комната наполнилась мягким, янтарным светом. Мебель здесь была старая, еще мамина: массивный книжный шкаф из темного дерева, продавленный диван с пледом, круглый стол с кружевной салфеткой. Никакого глянца, никакого современного минимализма — трогательный, чуть старомодный уют.

— Проходите. Извините за скромность, — пробормотала она.

Ян медленно прошел в комнату, оглядываясь с интересом, которого она не ожидала. Никакой снисходительности, никакой усмешки. Он рассматривал выцветшие обои в цветочек, старую хрустальную люстру, фотографии в деревянных рамках.

— Здесь особая атмосфера, — сказал он тихо. — В таких квартирах живут воспоминания.

Амелия замерла на полпути к кухне. От его слов что-то дрогнуло внутри.

— Моя мама умерла пять лет назад, — сказала она, не оборачиваясь. — Я живу одна.

Пауза. Тишина. Затем — его голос, мягкий, как прикосновение:

— Мне очень жаль.

Она кивнула и скрылась на кухне. Поставила чайник, дрожащими руками достала две чашки. Пока закипала вода, она слышала его шаги в гостиной: он ходил вдоль книжного шкафа, и это было странно интимно — чужой человек среди ее книг, ее мира.

Когда она вернулась с подносом, Ян стоял у открытого шкафа с томиком Цветаевой в руках.

— «Мне нравится, что вы больны не мной», — процитировал он, поднимая на нее глаза.
— Любите Серебряный век?

— Люблю, — призналась она. — Особенно Блока.

— «Ночь, улица, фонарь, аптека», — проговорил он вполголоса. — Потрясающий ритм. Я в студенчестве болел Блоком. Потом остыл, но раннего помню наизусть.

Они заговорили о книгах — сначала робко, потом все увлеченнее. Оказалось, что он обожает Ремарка и Гессе, что в оригинале читает «Степного волка», что терпеть не может постмодернизм, но делает исключение для Фаулза. Амелия слушала и не верила своим ушам. Их вкусы совпадали до неправдоподобия.

— У вас потрясающая библиотека, — сказал он, скользя пальцами по корешкам. — Я так и знал, что вы — особенная.

На этих словах его рука замерла на тонкой тетради в мягкой обложке, непохожей на книгу. Амелия похолодела.

— А это что? — спросил он с интересом.

— Нет, пожалуйста, не надо, — она дернулась к нему, но было поздно.

Ян уже раскрыл тетрадь. Его взгляд скользнул по строчкам, написанным ее убористым почерком. Строчки прыгали, кое-где зачеркнутые и переписанные. Стихи. Ее стихи.

— Это вы написали? — спросил он, поднимая глаза.

— Это не серьезно, — выпалила она, чувствуя, как горят щеки. — Так, мысли вслух. Я никому не показываю.

— Можно? — он кивнул на тетрадь.

Она хотела сказать «нет», но он уже читал. Ян стоял в круге света от торшера и читал ее стихи — те самые строчки, которые она писала бессонными ночами, пряча от всего мира. Строчки о тишине, об одиночестве, о невидимой девочке, которая смотрит на звезды.

Когда он поднял глаза, в них было что-то новое. Что-то, отчего у Амелии перехватило дыхание.

— Талантливо, — сказал он хрипловато. — Очень. Вы даже не представляете, насколько.

Она покачала головой, отводя взгляд. Но он уже шагнул к ней. Тетрадь легла на стол, а его пальцы осторожно коснулись ее подбородка, заставляя поднять лицо. Свет торшера золотил его темные волосы, смягчал резкие черты, и в этот момент он показался ей не просто красивым — прекрасным. Как демон из старой поэмы. Как падший ангел, который ошибся адресом.

— Амелия, — прошептал он, и ее имя в его устах прозвучало как музыка.

Он поцеловал ее.

Сначала мягко, почти невесомо — будто спрашивал разрешения. Его губы были теплыми и чуть сухими. Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах дышать. Сердце колотилось так, что казалось — он слышит. А потом поцелуй стал глубже. Его рука скользнула на ее затылок, пальцы запутались в волосах, вытягивая шпильки. Волосы рассыпались по плечам. Она ответила — робко, неумело, но так искренне, как не делала ничего в жизни.

Вкус его губ — горьковатый чай и что-то еще, мужское. Запах — сандал и этот вечерний холод, который он принес с улицы. Его вторая рука легла на ее талию, притягивая ближе, и сквозь свитер она чувствовала жар его ладони

А потом он отстранился.

Резко, почти грубо. Отпустил ее и отступил на шаг, тяжело дыша. Его глаза были дикими, растерянными, будто он сам не понял, что натворил.

— Простите, — выдохнул он. — Я не должен был.

— Ян Андреевич — начала она, но он перебил:

— Нет. Это неправильно. Я ваш преподаватель. Вы моя студентка. Я не имею права.

Он взял свое пальто и быстрым шагом направился к двери.

— Простите, — повторил он уже с порога, не оборачиваясь.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Амелия осталась стоять посреди комнаты, оглушенная, с рассыпанными волосами и все еще горящими от поцелуя губами. Торшер отбрасывал на стену длинную одинокую тень.

Она медленно поднесла пальцы к губам и замерла.

Он поцеловал ее.

Он поцеловал ее и ушел.

Она не знала, плакать ей или смеяться. За окном выл весенний ветер, и в комнате, пропитанной светом и тишиной, было слышно только ее собственное, сбитое с ритма, дыхание.

— Не переживайте, — сказал он негромко. — Ерунда.

У двери подъезда она замерла в нерешительности. Приличия требовали поблагодарить и попрощаться. Но внутри — там, где еще полчаса назад kloкотал ужас, — теперь разливалось что-то совсем иное. Теплое. Отчаянное. Ей не хотелось, чтобы он уходил.

— Может быть чай? — выдохнула она, глядя куда-то в район его воротника. — Вы замерзли. И руку надо обработать.

Ян помедлил. Его темные глаза изучали ее лицо с каким-то странным, трудночитаемым выражением.

— Если вы не против, — ответил он наконец.

Квартира встретила их запахом старых книг и сухих трав. Амелия зажгла торшер в гостиной, и комната наполнилась мягким, янтарным светом. Мебель здесь была старая, еще мамина: массивный книжный шкаф из темного дерева, продавленный диван с пледом, круглый стол с кружевной салфеткой. Никакого глянца, никакого современного минимализма — трогательный, чуть старомодный уют.

— Проходите. Извините за скромность, — пробормотала она.

Ян медленно прошел в комнату, оглядываясь с интересом, которого она не ожидала. Никакой снисходительности, никакой усмешки. Он рассматривал выцветшие обои в цветочек, старую хрустальную люстру, фотографии в деревянных рамках.

— Здесь особая атмосфера, — сказал он тихо. — В таких квартирах живут воспоминания.

Амелия замерла на полпути к кухне. От его слов что-то дрогнуло внутри.

— Моя мама умерла пять лет назад, — сказала она, не оборачиваясь. — Я живу одна.

Пауза. Тишина. Затем — его голос, мягкий, как прикосновение:

— Мне очень жаль.

Она кивнула и скрылась на кухне. Поставила чайник, дрожащими руками достала две чашки. Пока закипала вода, она слышала его шаги в гостиной: он ходил вдоль книжного шкафа, и это было странно интимно — чужой человек среди ее книг, ее мира.

Когда она вернулась с подносом, Ян стоял у открытого шкафа с томиком Цветаевой в руках.

— «Мне нравится, что вы больны не мной», — процитировал он, поднимая на нее глаза. — Любите Серебряный век?

— Люблю, — призналась она. — Особенно Блока.

— «Ночь, улица, фонарь, аптека», — проговорил он вполголоса. — Потрясающий ритм. Я в студенчестве болел Блоком. Потом остыл, но раннего помню наизусть.

Они заговорили о книгах — сначала робко, потом все увлеченнее. Оказалось, что он обожает Ремарка и Гессе, что в оригинале читает «Степного волка», что терпеть не может постмодернизм, но делает исключение для Фаулза. Амелия слушала и не верила своим ушам. Их вкусы совпадали до неправдоподобия.

— У вас потрясающая библиотека, — сказал он, скользя пальцами по корешкам. — Я так и знал, что вы — особенная.

На этих словах его рука замерла на тонкой тетради в мягкой обложке, непохожей на книгу. Амелия похолодела.

— А это что? — спросил он с интересом.

— Нет, пожалуйста, не надо, — она дернулась к нему, но было поздно.

Ян уже раскрыл тетрадь. Его взгляд скользнул по строчкам, написанным ее убористым почерком. Строчки прыгали, кое-где зачеркнутые и переписанные. Стихи. Ее стихи.

— Это вы написали? — спросил он, поднимая глаза.

— Это не серьезно, — выпалила она, чувствуя, как горят щеки. — Так, мысли вслух. Я никому не показываю.

— Можно? — он кивнул на тетрадь.

Она хотела сказать «нет», но он уже читал. Ян стоял в круге света от торшера и читал ее стихи — те самые строчки, которые она писала бессонными ночами, пряча от всего мира. Строчки о тишине, об одиночестве, о невидимой девочке, которая смотрит на звезды.

Когда он поднял глаза, в них было что-то новое. Что-то, отчего у Амелии перехватило дыхание.

— Талантливо, — сказал он хриловато. — Очень. Вы даже не представляете, насколько.

Она покачала головой, отводя взгляд. Но он уже шагнул к ней. Тетрадь легла на стол, а его пальцы осторожно коснулись ее подбородка, заставляя поднять лицо. Свет торшера золотил его темные волосы, смягчал резкие черты, и в этот момент он показался ей не просто красивым — прекрасным. Как демон из старой поэмы. Как падший ангел, который ошибся адресом.

— Амелия, — прошептал он, и ее имя в его устах прозвучало как музыка.

Он поцеловал ее.

Сначала мягко, почти невесомо — будто спрашивал разрешения. Его губы были теплыми и чуть сухими. Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах дышать. Сердце колотилось так, что казалось — он слышит. А потом поцелуй стал глубже. Его рука скользнула на ее затылок, пальцы запутались в волосах, вытягивая шпильки. Волосы рассыпались по плечам. Она ответила — робко, неумело, но так искренне, как не делала ничего в жизни.

Вкус его губ — горьковатый чай и что-то еще, мужское. Запах — сандал и этот вечерний холод, который он принес с улицы. Его вторая рука легла на ее талию, притягивая ближе, и сквозь свитер она чувствовала жар его ладони

А потом он отстранился.

Резко, почти грубо. Отпустил ее и отступил на шаг, тяжело дыша. Его глаза были дикими, растерянными, будто он сам не понял, что натворил.

— Простите, — выдохнул он. — Я не должен был.

— Ян Андреевич — начала она, но он перебил:

— Нет. Это неправильно. Я ваш преподаватель. Вы моя студентка. Я не имею права.

Он взял свое пальто и быстрым шагом направился к двери.

— Простите, — повторил он уже с порога, не оборачиваясь.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Амелия осталась стоять посреди комнаты, оглушенная, с рассыпанными волосами и все еще горящими от поцелуя губами. Торшер отбрасывал на стену длинную одинокую тень.

Она медленно поднесла пальцы к губам и замерла.

Он поцеловал ее.

Он поцеловал ее и ушел.

Она не знала, плакать ей или смеяться. За окном выл весенний ветер, и в комнате, пропитанной светом и тишиной, было слышно только ее собственное, сбитое с ритма, дыхание.

— Не переживайте, — сказал он негромко. — Ерунда.

У двери подъезда она замерла в нерешительности. Приличия требовали поблагодарить и попрощаться. Но внутри — там, где еще полчаса назад клокотал ужас, — теперь разливалось что-то совсем иное. Теплое. Отчаянное. Ей не хотелось, чтобы он уходил.

— Может быть чай? — выдохнула она, глядя куда-то в район его воротника. — Вы замерзли. И руку надо обработать.

Ян помедлил. Его темные глаза изучали ее лицо с каким-то странным, трудночитаемым выражением.

— Если вы не против, — ответил он наконец.

Квартира встретила их запахом старых книг и сухих трав. Амелия зажгла торшер в гостиной, и комната наполнилась мягким, янтарным светом. Мебель здесь была старая, еще мамина: массивный книжный шкаф из темного дерева, продавленный диван с пледом, круглый стол с кружевной салфеткой. Никакого глянца, никакого современного минимализма — трогательный, чуть старомодный уют.

— Проходите. Извините за скромность, — пробормотала она.

Ян медленно прошел в комнату, оглядываясь с интересом, которого она не ожидала. Никакой снисходительности, никакой усмешки. Он рассматривал выцветшие обои в цветочек, старую хрустальную люстру, фотографии в деревянных рамках.

— Здесь особая атмосфера, — сказал он тихо. — В таких квартирах живут воспоминания.

Амелия замерла на полпути к кухне. От его слов что-то дрогнуло внутри.

— Моя мама умерла пять лет назад, — сказала она, не оборачиваясь. — Я живу одна.

Пауза. Тишина. Затем — его голос, мягкий, как прикосновение:

— Мне очень жаль.

Она кивнула и скрылась на кухне. Поставила чайник, дрожащими руками достала две чашки. Пока закипала вода, она слышала его шаги в гостиной: он ходил вдоль книжного шкафа, и это было странно интимно — чужой человек среди ее книг, ее мира.

Когда она вернулась с подносом, Ян стоял у открытого шкафа с томиком Цветаевой в руках.

— «Мне нравится, что вы больны не мной», — процитировал он, поднимая на нее глаза. — Любите Серебряный век?

— Люблю, — призналась она. — Особенно Блока.

— «Ночь, улица, фонарь, аптека», — проговорил он вполголоса. — Потрясающий ритм. Я в студенчестве болел Блоком. Потом остыл, но раннего помню наизусть.

Они заговорили о книгах — сначала робко, потом все увлеченнее. Оказалось, что он обожает Ремарка и Гессе, что в оригинале читает «Степного волка», что терпеть не может постмодернизм, но делает исключение для Фаулза. Амелия слушала и не верила своим ушам. Их вкусы совпадали до неправдоподобия.

— У вас потрясающая библиотека, — сказал он, скользя пальцами по корешкам. — Я так и знал, что вы — особенная.

На этих словах его рука замерла на тонкой тетради в мягкой обложке, непохожей на книгу. Амелия похолодела.

— А это что? — спросил он с интересом.

— Нет, пожалуйста, не надо, — она дернулась к нему, но было поздно.

Ян уже раскрыл тетрадь. Его взгляд скользнул по строчкам, написанным ее убористым почерком. Строчки прыгали, кое-где зачеркнутые и переписанные. Стихи. Ее стихи.

— Это вы написали? — спросил он, поднимая глаза.

— Это не серьезно, — выпалила она, чувствуя, как горят щеки. — Так, мысли вслух. Я никому не показываю.

— Можно? — он кивнул на тетрадь.

Она хотела сказать «нет», но он уже читал. Ян стоял в круге света от торшера и читал ее стихи — те самые строчки, которые она писала бессонными ночами, пряча от всего мира. Строчки о тишине, об одиночестве, о невидимой девочке, которая смотрит на звезды.

Когда он поднял глаза, в них было что-то новое. Что-то, отчего у Амелии перехватило дыхание.

— Талантливо, — сказал он хрипловато. — Очень. Вы даже не представляете, насколько.

Она покачала головой, отводя взгляд. Но он уже шагнул к ней. Тетрадь легла на стол, а его пальцы осторожно коснулись ее подбородка, заставляя поднять лицо. Свет торшера золотил его темные волосы, смягчал резкие черты, и в этот момент он показался ей не просто красивым — прекрасным. Как демон из старой поэмы. Как падший ангел, который ошибся адресом.

— Амелия, — прошептал он, и ее имя в его устах прозвучало как музыка.

Он поцеловал ее.

Сначала мягко, почти невесомо — будто спрашивал разрешения. Его губы были теплыми и чуть сухими. Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах дышать. Сердце колотилось так, что казалось — он слышит. А потом поцелуй стал глубже. Его рука скользнула на ее затылок, пальцы запутались в волосах, вытягивая шпильки. Волосы рассыпались по плечам. Она ответила — робко, неумело, но так искренне, как не делала ничего в жизни.

Вкус его губ — горьковатый чай и что-то еще, мужское. Запах — сандал и этот вечерний холод, который он принес с улицы. Его вторая рука легла на ее талию, притягивая ближе, и сквозь свитер она чувствовала жар его ладони

А потом он отстранился.

Резко, почти грубо. Отпустил ее и отступил на шаг, тяжело дыша. Его глаза были дикими, растерянными, будто он сам не понял, что натворил.

— Простите, — выдохнул он. — Я не должен был.

— Ян Андреевич — начала она, но он перебил:

— Нет. Это неправильно. Я ваш преподаватель. Вы моя студентка. Я не имею права.

Он взял свое пальто и быстрым шагом направился к двери.

— Простите, — повторил он уже с порога, не оборачиваясь.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Амелия осталась стоять посреди комнаты, оглушенная, с рассыпанными волосами и все еще горящими от поцелуя губами. Торшер отбрасывал на стену длинную одинокую тень.

Она медленно поднесла пальцы к губам и замерла.

Он поцеловал ее.

Он поцеловал ее и ушел.

Она не знала, плакать ей или смеяться. За окном выл весенний ветер, и в комнате, пропитанной светом и тишиной, было слышно только ее собственное, сбитое с ритма, дыхание.

— Не переживайте, — сказал он негромко. — Ерунда.

У двери подъезда она замерла в нерешительности. Приличия требовали поблагодарить и попрощаться. Но внутри — там, где еще полчаса назад kloкотал ужас, — теперь разливалось что-то совсем иное. Теплое. Отчаянное. Ей не хотелось, чтобы он уходил.

— Может быть чай? — выдохнула она, глядя куда-то в район его воротника. — Вы замерзли. И руку надо обработать.

Ян помедлил. Его темные глаза изучали ее лицо с каким-то странным, трудночитаемым выражением.

— Если вы не против, — ответил он наконец.

Квартира встретила их запахом старых книг и сухих трав. Амелия зажгла торшер в гостиной, и комната наполнилась мягким, янтарным светом. Мебель здесь была старая, еще мамина: массивный книжный шкаф из темного дерева, продавленный диван с пледом, круглый стол с

кружевной салфеткой. Никакого глянца, никакого современного минимализма — трогательный, чуть старомодный уют.

— Проходите. Извините за скромность, — пробормотала она.

Ян медленно прошел в комнату, оглядываясь с интересом, которого она не ожидала. Никакой снисходительности, никакой усмешки. Он рассматривал выцветшие обои в цветочек, старую хрустальную люстру, фотографии в деревянных рамках.

— Здесь особая атмосфера, — сказал он тихо. — В таких квартирах живут воспоминания.

Амелия замерла на полпути к кухне. От его слов что-то дрогнуло внутри.

— Моя мама умерла пять лет назад, — сказала она, не оборачиваясь. — Я живу одна.

Пауза. Тишина. Затем — его голос, мягкий, как прикосновение:

— Мне очень жаль.

Она кивнула и скрылась на кухне. Поставила чайник, дрожащими руками достала две чашки. Пока закипала вода, она слышала его шаги в гостиной: он ходил вдоль книжного шкафа, и это было странно интимно — чужой человек среди ее книг, ее мира.

Когда она вернулась с подносом, Ян стоял у открытого шкафа с томиком Цветаевой в руках.

— «Мне нравится, что вы больны не мной», — процитировал он, поднимая на нее глаза. — Любите Серебряный век?

— Люблю, — призналась она. — Особенно Блока.

— «Ночь, улица, фонарь, аптека», — проговорил он вполголоса. — Потрясающий ритм. Я в студенчестве болел Блоком. Потом остыл, но раннего помню наизусть.

Они заговорили о книгах — сначала робко, потом все увлеченнее. Оказалось, что он обожает Ремарка и Гессе, что в оригинале читает «Степного волка», что терпеть не может постмодернизм, но делает исключение для Фаулза. Амелия слушала и не верила своим ушам. Их вкусы совпадали до неправдоподобия.

— У вас потрясающая библиотека, — сказал он, скользя пальцами по корешкам. — Я так и знал, что вы — особенная.

На этих словах его рука замерла на тонкой тетради в мягкой обложке, непохожей на книгу. Амелия похолодела.

— А это что? — спросил он с интересом.

— Нет, пожалуйста, не надо, — она дернулась к нему, но было поздно.

Ян уже раскрыл тетрадь. Его взгляд скользнул по строчкам, написанным ее убористым почерком. Строчки прыгали, кое-где зачеркнутые и переписанные. Стихи. Ее стихи.

— Это вы написали? — спросил он, поднимая глаза.

— Это не серьезно, — выпалила она, чувствуя, как горят щеки. — Так, мысли вслух. Я никому не показываю.

— Можно? — он кивнул на тетрадь.

Она хотела сказать «нет», но он уже читал. Ян стоял в круге света от торшера и читал ее стихи — те самые строчки, которые она писала бессонными ночами, пряча от всего мира. Строчки о тишине, об одиночестве, о невидимой девочке, которая смотрит на звезды.

Когда он поднял глаза, в них было что-то новое. Что-то, отчего у Амелии перехватило дыхание.

— Талантливо, — сказал он хриловато. — Очень. Вы даже не представляете, насколько.

Она покачала головой, отводя взгляд. Но он уже шагнул к ней. Тетрадь легла на стол, а его пальцы осторожно коснулись ее подбородка, заставляя поднять лицо. Свет торшера золотил его темные волосы, смягчал резкие черты, и в этот момент он показался ей не просто красивым — прекрасным. Как демон из старой поэмы. Как падший ангел, который ошибся адресом.

— Амелия, — прошептал он, и ее имя в его устах прозвучало как музыка.

Он поцеловал ее.

Сначала мягко, почти невесомо — будто спрашивал разрешения. Его губы были теплыми и чуть сухими. Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах дышать. Сердце колотилось так, что казалось — он слышит. А потом поцелуй стал глубже. Его рука скользнула на ее затылок, пальцы запутались в волосах, вытягивая шпильки. Волосы рассыпались по плечам. Она ответила — робко, неумело, но так искренне, как не делала ничего в жизни.

Вкус его губ — горьковатый чай и что-то еще, мужское. Запах — сандал и этот вечерний холод, который он принес с улицы. Его вторая рука легла на ее талию, притягивая ближе, и сквозь свитер она чувствовала жар его ладони

А потом он отстранился.

Резко, почти грубо. Отпустил ее и отступил на шаг, тяжело дыша. Его глаза были дикими, растерянными, будто он сам не понял, что натворил.

— Простите, — выдохнул он. — Я не должен был.

— Ян Андреевич — начала она, но он перебил:

— Нет. Это неправильно. Я ваш преподаватель. Вы моя студентка. Я не имею права.

Он взял свое пальто и быстрым шагом направился к двери.

— Простите, — повторил он уже с порога, не оборачиваясь.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Амелия осталась стоять посреди комнаты, оглушенная, с рассыпанными волосами и все еще горящими от поцелуя губами. Торшер отбрасывал на стену длинную одинокую тень.

Она медленно поднесла пальцы к губам и замерла.

Он поцеловал ее.

Он поцеловал ее и ушел.

Она не знала, плакать ей или смеяться. За окном выл весенний ветер, и в комнате, пропитанной светом и тишиной, было слышно только ее собственное, сбитое с ритма, дыхание.

— Не переживайте, — сказал он негромко. — Ерунда.

У двери подъезда она замерла в нерешительности. Приличия требовали поблагодарить и попрощаться. Но внутри — там, где еще полчаса назад kloкотал ужас, — теперь разливалось что-то совсем иное. Теплое. Отчаянное. Ей не хотелось, чтобы он уходил.

— Может быть чай? — выдохнула она, глядя куда-то в район его воротника. — Вы замерзли. И руку надо обработать.

Ян помедлил. Его темные глаза изучали ее лицо с каким-то странным, трудночитаемым выражением.

— Если вы не против, — ответил он наконец.

Квартира встретила их запахом старых книг и сухих трав. Амелия зажгла торшер в гостиной, и комната наполнилась мягким, янтарным светом. Мебель здесь была старая, еще мамина: массивный книжный шкаф из темного дерева, продавленный диван с пледом, круглый стол с кружевной салфеткой. Никакого глянца, никакого современного минимализма — трогательный, чуть старомодный уют.

— Проходите. Извините за скромность, — пробормотала она.

Ян медленно прошел в комнату, оглядываясь с интересом, которого она не ожидала. Никакой снисходительности, никакой усмешки. Он рассматривал выцветшие обои в цветочек, старую хрустальную люстру, фотографии в деревянных рамках.

— Здесь особая атмосфера, — сказал он тихо. — В таких квартирах живут воспоминания.

Амелия замерла на полпути к кухне. От его слов что-то дрогнуло внутри.

— Моя мама умерла пять лет назад, — сказала она, не оборачиваясь. — Я живу одна.

Пауза. Тишина. Затем — его голос, мягкий, как прикосновение:

— Мне очень жаль.

Она кивнула и скрылась на кухне. Поставила чайник, дрожащими руками достала две чашки. Пока закипала вода, она слышала его шаги в гостиной: он ходил вдоль книжного шкафа, и это было странно интимно — чужой человек среди ее книг, ее мира.

Когда она вернулась с подносом, Ян стоял у открытого шкафа с томиком Цветаевой в руках.

— «Мне нравится, что вы больны не мной», — процитировал он, поднимая на нее глаза. — Любите Серебряный век?

— Люблю, — призналась она. — Особенно Блока.

— «Ночь, улица, фонарь, аптека», — проговорил он вполголоса. — Потрясающий ритм. Я в студенчестве болел Блоком. Потом остыл, но раннего помню наизусть.

Они заговорили о книгах — сначала робко, потом все увлеченнее. Оказалось, что он обожает Ремарка и Гессе, что в оригинале читает «Степного волка», что терпеть не может постмодернизм, но делает исключение для Фаулза. Амелия слушала и не верила своим ушам. Их вкусы совпадали до неправдоподобия.

— У вас потрясающая библиотека, — сказал он, скользя пальцами по корешкам. — Я так и знал, что вы — особенная.

На этих словах его рука замерла на тонкой тетради в мягкой обложке, непохожей на книгу. Амелия похолодела.

— А это что? — спросил он с интересом.

— Нет, пожалуйста, не надо, — она дернулась к нему, но было поздно.

Ян уже раскрыл тетрадь. Его взгляд скользнул по строчкам, написанным ее убористым почерком. Строчки прыгали, кое-где зачеркнутые и переписанные. Стихи. Ее стихи.

— Это вы написали? — спросил он, поднимая глаза.

— Это не серьезно, — выпалила она, чувствуя, как горят щеки. — Так, мысли вслух. Я никому не показываю.

— Можно? — он кивнул на тетрадь.

Она хотела сказать «нет», но он уже читал. Ян стоял в круге света от торшера и читал ее стихи — те самые строчки, которые она писала бессонными ночами, пряча от всего мира. Строчки о тишине, об одиночестве, о невидимой девочке, которая смотрит на звезды.

Когда он поднял глаза, в них было что-то новое. Что-то, отчего у Амелии перехватило дыхание.

— Талантливо, — сказал он хриловато. — Очень. Вы даже не представляете, насколько.

Она покачала головой, отводя взгляд. Но он уже шагнул к ней. Тетрадь легла на стол, а его пальцы осторожно коснулись ее подбородка, заставляя поднять лицо. Свет торшера золотил его темные волосы, смягчал резкие черты, и в этот момент он показался ей не просто красивым — прекрасным. Как демон из старой поэмы. Как падший ангел, который ошибся адресом.

— Амелия, — прошептал он, и ее имя в его устах прозвучало как музыка.

Он поцеловал ее.

Сначала мягко, почти невесомо — будто спрашивал разрешения. Его губы были теплыми и чуть сухими. Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах дышать. Сердце колотилось так, что казалось — он слышит. А потом поцелуй стал глубже. Его рука скользнула на ее затылок, пальцы запутались в волосах, вытягивая шпильки. Волосы рассыпались по плечам. Она ответила — робко, неумело, но так искренне, как не делала ничего в жизни.

Вкус его губ — горьковатый чай и что-то еще, мужское. Запах — сандал и этот вечерний холод, который он принес с улицы. Его вторая рука легла на ее талию, притягивая ближе, и сквозь свитер она чувствовала жар его ладони

А потом он отстранился.

Резко, почти грубо. Отпустил ее и отступил на шаг, тяжело дыша. Его глаза были дикими, растерянными, будто он сам не понял, что натворил.

— Простите, — выдохнул он. — Я не должен был.

— Ян Андреевич — начала она, но он перебил:

— Нет. Это неправильно. Я ваш преподаватель. Вы моя студентка. Я не имею права.

Он взял свое пальто и быстрым шагом направился к двери.

— Простите, — повторил он уже с порога, не оборачиваясь.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Амелия осталась стоять посреди комнаты, оглушенная, с рассыпанными волосами и все еще горящими от поцелуя губами. Торшер отбрасывал на стену длинную одинокую тень.

Она медленно поднесла пальцы к губам и замерла.

Он поцеловал ее.

Он поцеловал ее и ушел.

Она не знала, плакать ей или смеяться. За окном выл весенний ветер, и в комнате, пропитанной светом и тишиной, было слышно только ее собственное, сбитое с ритма, дыхание.

— Не переживайте, — сказал он негромко. — Ерунда.

У двери подъезда она замерла в нерешительности. Приличия требовали поблагодарить и попрощаться. Но внутри — там, где еще полчаса назад kloкотал ужас, — теперь разливалось что-то совсем иное. Теплое. Отчаянное. Ей не хотелось, чтобы он уходил.

— Может быть чай? — выдохнула она, глядя куда-то в район его воротника. — Вы замерзли. И руку надо обработать.

Ян помедлил. Его темные глаза изучали ее лицо с каким-то странным, трудночитаемым выражением.

— Если вы не против, — ответил он наконец.

Квартира встретила их запахом старых книг и сухих трав. Амелия зажгла торшер в гостиной, и комната наполнилась мягким, янтарным светом. Мебель здесь была старая, еще мамина: массивный книжный шкаф из темного дерева, продавленный диван с пледом, круглый стол с кружевной салфеткой. Никакого глянца, никакого современного минимализма — трогательный, чуть старомодный уют.

— Проходите. Извините за скромность, — пробормотала она.

Ян медленно прошел в комнату, оглядываясь с интересом, которого она не ожидала. Никакой снисходительности, никакой усмешки. Он рассматривал выцветшие обои в цветочек, старую хрустальную люстру, фотографии в деревянных рамках.

— Здесь особая атмосфера, — сказал он тихо. — В таких квартирах живут воспоминания.

Амелия замерла на полпути к кухне. От его слов что-то дрогнуло внутри.

— Моя мама умерла пять лет назад, — сказала она, не оборачиваясь. — Я живу одна.

Пауза. Тишина. Затем — его голос, мягкий, как прикосновение:

— Мне очень жаль.

Она кивнула и скрылась на кухне. Поставила чайник, дрожащими руками достала две чашки. Пока закипала вода, она слышала его шаги в гостиной: он ходил вдоль книжного шкафа, и это было странно интимно — чужой человек среди ее книг, ее мира.

Когда она вернулась с подносом, Ян стоял у открытого шкафа с томиком Цветаевой в руках.

— «Мне нравится, что вы больны не мной», — процитировал он, поднимая на нее глаза. — Любите Серебряный век?

— Люблю, — призналась она. — Особенно Блока.

— «Ночь, улица, фонарь, аптека», — проговорил он вполголоса. — Потрясающий ритм. Я в студенчестве болел Блоком. Потом остыл, но раннего помню наизусть.

Они заговорили о книгах — сначала робко, потом все увлеченнее. Оказалось, что он обожает Ремарка и Гессе, что в оригинале читает «Степного волка», что терпеть не может

постмодернизм, но делает исключение для Фаулза. Амелия слушала и не верила своим ушам. Их вкусы совпадали до неправдоподобия.

— У вас потрясающая библиотека, — сказал он, скользя пальцами по корешкам. — Я так и знал, что вы — особенная.

На этих словах его рука замерла на тонкой тетради в мягкой обложке, непохожей на книгу. Амелия похолодела.

— А это что? — спросил он с интересом.

— Нет, пожалуйста, не надо, — она дернулась к нему, но было поздно.

Ян уже раскрыл тетрадь. Его взгляд скользнул по строчкам, написанным ее убористым почерком. Строчки прыгали, кое-где зачеркнутые и переписанные. Стихи. Ее стихи.

— Это вы написали? — спросил он, поднимая глаза.

— Это не серьезно, — выпалила она, чувствуя, как горят щеки. — Так, мысли вслух. Я никому не показываю.

— Можно? — он кивнул на тетрадь.

Она хотела сказать «нет», но он уже читал. Ян стоял в круге света от торшера и читал ее стихи — те самые строчки, которые она писала бессонными ночами, пряча от всего мира. Строчки о тишине, об одиночестве, о невидимой девочке, которая смотрит на звезды.

Когда он поднял глаза, в них было что-то новое. Что-то, отчего у Амелии перехватило дыхание.

— Талантливо, — сказал он хриловато. — Очень. Вы даже не представляете, насколько.

Она покачала головой, отводя взгляд. Но он уже шагнул к ней. Тетрадь легла на стол, а его пальцы осторожно коснулись ее подбородка, заставляя поднять лицо. Свет торшера золотил его темные волосы, смягчал резкие черты, и в этот момент он показался ей не просто красивым — прекрасным. Как демон из старой поэмы. Как падший ангел, который ошибся адресом.

— Амелия, — прошептал он, и ее имя в его устах прозвучало как музыка.

Он поцеловал ее.

Сначала мягко, почти невесомо — будто спрашивал разрешения. Его губы были теплыми и чуть сухими. Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах дышать. Сердце колотилось так, что казалось — он слышит. А потом поцелуй стал глубже. Его рука скользнула на ее затылок, пальцы запутались в волосах, вытягивая шпильки. Волосы рассыпались по плечам. Она ответила — робко, неумело, но так искренне, как не делала ничего в жизни.

Вкус его губ — горьковатый чай и что-то еще, мужское. Запах — сандал и этот вечерний холод, который он принес с улицы. Его вторая рука легла на ее талию, притягивая ближе, и сквозь свитер она чувствовала жар его ладони

А потом он отстранился.

Резко, почти грубо. Отпустил ее и отступил на шаг, тяжело дыша. Его глаза были дикими, растерянными, будто он сам не понял, что натворил.

— Простите, — выдохнул он. — Я не должен был.

— Ян Андреевич — начала она, но он перебил:

— Нет. Это неправильно. Я ваш преподаватель. Вы моя студентка. Я не имею права.

Он взял свое пальто и быстрым шагом направился к двери.

— Простите, — повторил он уже с порога, не оборачиваясь.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Амелия осталась стоять посреди комнаты, оглушенная, с рассыпанными волосами и все еще горящими от поцелуя губами. Торшер отбрасывал на стену длинную одинокую тень.

Она медленно поднесла пальцы к губам и замерла.

Он поцеловал ее.

Он поцеловал ее и ушел.

Она не знала, плакать ей или смеяться. За окном выл весенний ветер, и в комнате, пропитанной светом и тишиной, было слышно только ее собственное, сбитое с ритма, дыхание.

— Не переживайте, — сказал он негромко. — Ерунда.

У двери подъезда она замерла в нерешительности. Приличия требовали поблагодарить и попрощаться. Но внутри — там, где еще полчаса назад kloкотал ужас, — теперь разливалось что-то совсем иное. Теплое. Отчаянное. Ей не хотелось, чтобы он уходил.

— Может быть чай? — выдохнула она, глядя куда-то в район его воротника. — Вы замерзли. И руку надо обработать.

Ян помедлил. Его темные глаза изучали ее лицо с каким-то странным, трудночитаемым выражением.

— Если вы не против, — ответил он наконец.

Квартира встретила их запахом старых книг и сухих трав. Амелия зажгла торшер в гостиной, и комната наполнилась мягким, янтарным светом. Мебель здесь была старая, еще мамина: массивный книжный шкаф из темного дерева, продавленный диван с пледом, круглый стол с кружевной салфеткой. Никакого глянца, никакого современного минимализма — трогательный, чуть старомодный уют.

— Проходите. Извините за скромность, — пробормотала она.

Ян медленно прошел в комнату, оглядываясь с интересом, которого она не ожидала. Никакой снисходительности, никакой усмешки. Он рассматривал выцветшие обои в цветочек, старую хрустальную люстру, фотографии в деревянных рамках.

— Здесь особая атмосфера, — сказал он тихо. — В таких квартирах живут воспомина-

ния. Амелия замерла на полпути к кухне. От его слов что-то дрогнуло внутри.

— Моя мама умерла пять лет назад, — сказала она, не оборачиваясь. — Я живу одна.

Пауза. Тишина. Затем — его голос, мягкий, как прикосновение:

— Мне очень жаль.

Она кивнула и скрылась на кухне. Поставила чайник, дрожащими руками достала две чашки. Пока закипала вода, она слышала его шаги в гостиной: он ходил вдоль книжного шкафа, и это было странно интимно — чужой человек среди ее книг, ее мира.

Когда она вернулась с подносом, Ян стоял у открытого шкафа с томиком Цветаевой в руках.

— «Мне нравится, что вы больны не мной», — процитировал он, поднимая на нее глаза. — Любите Серебряный век?

— Люблю, — призналась она. — Особенно Блока.

— «Ночь, улица, фонарь, аптека», — проговорил он вполголоса. — Потрясающий ритм. Я в студенчестве болел Блоком. Потом остыл, но раннего помню наизусть.

Они заговорили о книгах — сначала робко, потом все увлеченнее. Оказалось, что он обожает Ремарка и Гессе, что в оригинале читает «Степного волка», что терпеть не может постмодернизм, но делает исключение для Фаулза. Амелия слушала и не верила своим ушам. Их вкусы совпадали до неправдоподобия.

— У вас потрясающая библиотека, — сказал он, скользя пальцами по корешкам. — Я так и знал, что вы — особенная.

На этих словах его рука замерла на тонкой тетради в мягкой обложке, непохожей на книгу. Амелия похолодела.

— А это что? — спросил он с интересом.

— Нет, пожалуйста, не надо, — она дернулась к нему, но было поздно.

Ян уже раскрыл тетрадь. Его взгляд скользнул по строчкам, написанным ее убористым почерком. Строчки прыгали, кое-где зачеркнутые и переписанные. Стихи. Ее стихи.

— Это вы написали? — спросил он, поднимая глаза.

— Это не серьезно, — выпалила она, чувствуя, как горят щеки. — Так, мысли вслух. Я никому не показываю.

— Можно? — он кивнул на тетрадь.

Она хотела сказать «нет», но он уже читал. Ян стоял в круге света от торшера и читал ее стихи — те самые строчки, которые она писала бессонными ночами, пряча от всего мира. Строчки о тишине, об одиночестве, о невидимой девочке, которая смотрит на звезды.

Когда он поднял глаза, в них было что-то новое. Что-то, отчего у Амелии перехватило дыхание.

— Талантливо, — сказал он хриловато. — Очень. Вы даже не представляете, насколько.

Она покачала головой, отводя взгляд. Но он уже шагнул к ней. Тетрадь легла на стол, а его пальцы осторожно коснулись ее подбородка, заставляя поднять лицо. Свет торшера золотил его темные волосы, смягчал резкие черты, и в этот момент он показался ей не просто красивым — прекрасным. Как демон из старой поэмы. Как падший ангел, который ошибся адресом.

— Амелия, — прошептал он, и ее имя в его устах прозвучало как музыка.

Он поцеловал ее.

Сначала мягко, почти невесомо — будто спрашивал разрешения. Его губы были теплыми и чуть сухими. Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах дышать. Сердце колотилось так, что казалось — он слышит. А потом поцелуй стал глубже. Его рука скользнула на ее затылок, пальцы запутались в волосах, вытягивая шпильки. Волосы рассыпались по плечам. Она ответила — робко, неумело, но так искренне, как не делала ничего в жизни.

Вкус его губ — горьковатый чай и что-то еще, мужское. Запах — сандал и этот вечерний холод, который он принес с улицы. Его вторая рука легла на ее талию, притягивая ближе, и сквозь свитер она чувствовала жар его ладони

А потом он отстранился.

Резко, почти грубо. Отпустил ее и отступил на шаг, тяжело дыша. Его глаза были дикими, растерянными, будто он сам не понял, что натворил.

— Простите, — выдохнул он. — Я не должен был.

— Ян Андреевич — начала она, но он перебил:

— Нет. Это неправильно. Я ваш преподаватель. Вы моя студентка. Я не имею права.

Он взял свое пальто и быстрым шагом направился к двери.

— Простите, — повторил он уже с порога, не оборачиваясь.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Амелия осталась стоять посреди комнаты, оглушенная, с рассыпанными волосами и все еще горящими от поцелуя губами. Торшер отбрасывал на стену длинную одинокую тень.

Она медленно поднесла пальцы к губам и замерла.

Он поцеловал ее.

Он поцеловал ее и ушел.

Она не знала, плакать ей или смеяться. За окном выл весенний ветер, и в комнате, пропитанной светом и тишиной, было слышно только ее собственное, сбитое с ритма, дыхание.

Глава 6. Дорога к холмам

Утро началось с того, что Амелия не могла усидеть на месте. Она пришла в университет за полчаса до первой пары и бесцельно бродила по коридорам, не узнавая саму себя. Обычно она сидела в углу, уткнувшись в книгу, и мечтала стать невидимой. Сегодня же ей хотелось, чтобы ее заметили. Хотелось, чтобы он заметил.

Она то и дело трогала губы — те самые губы, которых вчера касались его губы. Воспоминание о поцелуе вспыхивало в ней каждые несколько минут, и тогда сердце начинало колотиться где-то в горле, а по телу разливалось тепло. Она больше не злилась на его внезапный уход. Она понимала: он испугался. Он — преподаватель, она — студентка. Это действительно неправильно. Но разве сердце спрашивает разрешения?

Первая пара — античная литература. Она честно пыталась слушать про гомеровский эпос, но строчки расплывались перед глазами. В тетради вместо конспекта появились какие-то завитки, цветочки, а потом она поймала себя на том, что выводит его инициалы.

— Амелия, вы сегодня витаете в облаках, — заметила преподавательница, и она вздрогнула, захлопывая тетрадь.

Вторая пара. Третья. Немецкого в расписании не было. Она знала это с самого утра — и все равно высматривала его в коридорах, вздрагивала от каждого мужского силуэта. Его не было. Нигде. Слово он вообще не пришел сегодня в университет.

К концу третьей пары Амелия больше не могла терпеть. Ей требовалось увидеть его, услышать его голос, просто убедиться, что вчерашний вечер не приснился. Она судорожно придумывала предлог — и придумала.

Кафедра иностранных языков находилась в дальнем крыле. Амелия никогда там не была. Студенты без особой надобности туда не ходили: кафедра считалась территорией преподавателей, местом, куда заходят либо по серьезному вопросу, либо по вызову.

Она толкнула тяжелую дверь и вошла в узкий коридор, пропахший кофе и мелом. Сердце бухало в груди, как пойманная птица. За одной из дверей слышались голоса. Она прошла мимо, взглядываясь в таблички: «Зав. кафедрой», «Лаборантская», «Преподавательская»

Внезапно дверь преподавательской открылась, и оттуда вышел он.

Амелия замерла. В одной руке Ян держал стопку тетрадей, в другой — стаканчик с кофе. Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами, и ее взгляд невольно скользнул по сильным предплечьям, по кистям рук — на правой костяшке темнел пластырь.

Он поднял глаза и увидел ее. Остановился.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В коридоре было тихо, только откуда-то издали доносился монотонный голос лектора. Амелия чувствовала, как внутри все тает, как исчезает страх, неуверенность, вчерашняя боль — все уходит, растворяется в теплой волне, поднимающейся откуда-то из солнечного сплетения. Вот он. Настоящий. Живой. Смотрит на нее — и в его карих глазах она видит то же смятение, ту же радость, то же мучительное, невозможное счастье.

— Амелия, — произнес он. Получилось хрипло. — Вы что вы здесь делаете?

— Я — она запнулась, потому что все заготовленные предлоги вылетели из головы. — Я хотела уточнить насчет списка литературы к семинару.

Вранье было таким прозрачным, что он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Списка литературы, — повторил он, и в голосе прозвучала теплая ирония. — Конечно. Он шагнул к ней и, понизив голос, сказал:

— Погода сегодня прекрасная. Просто невероятная для марта. Может быть прогуляемся после пар? Я покажу вам одно место.

— Да, — ответила она быстрее, чем успела подумать.

Весь оставшийся день пролетел как в тумане. Она кивала однокурсникам, что-то записывала, отвечала на вопросы — но мысли ее были далеко. Тело звенело от предвкушения. Она чувствовала себя воздушным шариком, который вот-вот оторвется от земли и улетит в небо.

После последней пары она вышла из университета и увидела его машину — темно-синий внедорожник, припаркованный чуть поодаль от главного входа, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ян стоял у открытой дверцы и ждал ее. Ветер трепал его волосы, и он щурился от яркого весеннего солнца.

— Садитесь, — сказал он, распахивая перед ней дверцу.

В салоне пахло кожей и его парфюмом. Амелия утонула в сиденье, не зная, куда деть руки. Он сел за руль, бросил на нее короткий взгляд — и улыбнулся.

— Пристегнитесь.

Машина мягко тронулась с места. Город постепенно оставался позади: сначала исчезли многоэтажки, потом торговые центры, потом заправки. Начались холмы — пологие, еще по-мартовски рыжие, но уже с первыми пятнами зелени. Дорога вилась серпантином вверх.

Они говорили обо всем. О его студенчестве в Германии, о ее детстве в этом городе, о смешных случаях на парах, о любимых фильмах и нелюбимых блюдах. Он рассказывал, как однажды, во время пикника с друзьями, заблудился в Баварском лесу, и она смеялась так, что слезы выступили на глазах. Она рассказывала, как в школе на конкурсе чтецов забыла стихотворение и простояла две минуты в гробовой тишине, красная, как рак, а потом убежала со сцены, — и он хохотал, запрокидывая голову.

Никогда в жизни Амелия не была такой легкой. Такой настоящей. Такой красивой — без косметики, с развевающимися волосами, которые она утром даже не собрала в хвост, с сияющими глазами и румянцем во всю щеку. Эта легкость пьянила.

— Приехали, — сказал Ян, сворачивая на смотровую площадку.

Машина остановилась. Впереди, насколько хватало глаз, простирались холмы, залитые золотым вечерним светом. Где-то внизу блестела лента реки, темнели пятна лесов, белели домики далекой деревни. Небо было высоким и прозрачным, с первыми бледными звездами на востоке.

— Какая красота, — выдохнула Амелия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на пейзаж, а на нее, — Я часто езжу по выходным за город. Люблю открывать для себя новые места, где нет людей.

Он заглушил двигатель и повернулся к ней. В салоне вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как где-то далеко поет птица. Его рука потянулась к ее лицу, пальцы осторожно убрали прядь волос, упавшую на щеку.

— Амелия, — прошептал он. — Вы даже не представляете, что со мной делаете.

И поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на вчерашний — осторожный, украденный. Теперь в нем не было сомнений. Он целовал ее долго, глубоко, словно пытался напиться после долгой жажды. Его ладони обхватили ее лицо, большие пальцы гладили скулы. Она отвечала, уже смелее, уже понимая, что и как нужно делать. Их дыхание смешивалось, зубы сталкивались, и это было неловко и восхитительно одновременно. Колени ослабели. Внутри что-то сжималось и разжималось, горячее, как солнечный свет на весенних холмах. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. Никогда.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к ее лбу. Глаза были совсем близко — два темных омота, в которых она тонула с наслаждением.

— Вы с первой нашей встречи захватили мое сердце, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Помните, в коридоре, с этими дурацкими книжками? Вы подняли на меня глаза, и

я пропал. Я давно искал такую, как вы. Умную. Скромную. Настоящую. Без всей этой мишуры, без притворства. Чистую.

У Амелии защипало в носу. Она смотрела на него и понимала: вот оно. То, о чем пишут в книгах. То, во что она никогда не верила. Она любит его. До дрожи, до головокружения, до желания отдать всю себя без остатка. Раствориться в нем. Стать его воздухом, его тенью, его продолжением.

— Ян, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим. — Я тоже я так сильно

Она не договорила. Потому что его лицо изменилось.

Это произошло мгновенно. Улыбка погасла. В глазах, только что сиявших теплом, появилась тень — глубокая, темная, болезненная. Он отстранился, и его руки, только что обнимавшие ее, упали на руль.

— Что? — спросила она испуганно. — Что случилось?

Ян молчал. Он смотрел куда-то вперед, на холмы, на закатное небо, и на его лице застыло выражение, которое напугало ее больше, чем вчерашние нападавшие в темном дворе. Это была печаль. Огромная, древняя, безысходная печаль.

— Я должен вам кое-что рассказать, — произнес он наконец. Голос был глухой и надтреснутый. — То, что вы должны знать. Прежде чем прежде чем все зайдет слишком далеко.

Амелия почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тонкая струна, натянутая до предела, лопнула и больно хлестнула по сердцу. Заходящее солнце заливало салон тревожным багряным светом, и в этом свете его профиль казался высеченным из камня — мраморного памятника их будущему, которое может умереть, еще не родившись.

Она то и дело трогала губы — те самые губы, которых вчера касались его губы. Воспоминание о поцелуе вспыхивало в ней каждые несколько минут, и тогда сердце начинало колотиться где-то в горле, а по телу разливалось тепло. Она больше не злилась на его внезапный уход. Она понимала: он испугался. Он — преподаватель, она — студентка. Это действительно неправильно. Но разве сердце спрашивает разрешения?

Первая пара — античная литература. Она честно пыталась слушать про гомеровский эпос, но строчки расплывались перед глазами. В тетради вместо конспекта появились какие-то завитки, цветочки, а потом она поймала себя на том, что выводит его инициалы.

— Амелия, вы сегодня витаете в облаках, — заметила преподавательница, и она вздрогнула, захлопывая тетрадь.

Вторая пара. Третья. Немецкого в расписании не было. Она знала это с самого утра — и все равно высматривала его в коридорах, вздрагивала от каждого мужского силуэта. Его не было. Нигде. Словно он вообще не пришел сегодня в университет.

К концу третьей пары Амелия больше не могла терпеть. Ей требовалось увидеть его, услышать его голос, просто убедиться, что вчерашний вечер не приснился. Она судорожно придумывала предлог — и придумала.

Кафедра иностранных языков находилась в дальнем крыле. Амелия никогда там не была. Студенты без особой надобности туда не ходили: кафедра считалась территорией преподавателей, местом, куда заходят либо по серьезному вопросу, либо по вызову.

Она толкнула тяжелую дверь и вошла в узкий коридор, пропахший кофе и мелом. Сердце бухало в груди, как пойманная птица. За одной из дверей слышались голоса. Она прошла мимо, вглядываясь в таблички: «Зав. кафедрой», «Лаборантская», «Преподавательская»

Внезапно дверь преподавательской открылась, и оттуда вышел он.

Амелия замерла. В одной руке Ян держал стопку тетрадей, в другой — стаканчик с кофе. Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами, и ее взгляд невольно скользнул по сильным предплечьям, по кистям рук — на правой костяшке темнел пластырь.

Он поднял глаза и увидел ее. Остановился.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В коридоре было тихо, только откуда-то издали доносился монотонный голос лектора. Амелия чувствовала, как внутри все тает, как исчезает страх, неуверенность, вчерашняя боль — все уходит, растворяется в теплой волне, поднимающейся откуда-то из солнечного сплетения. Вот он. Настоящий. Живой. Смотрит на нее — и в его карих глазах она видит то же смятение, ту же радость, то же мучительное, невозможное счастье.

— Амелия, — произнес он. Получилось хрипло. — Вы что вы здесь делаете?

— Я — она запнулась, потому что все заготовленные предлоги вылетели из головы. — Я хотела уточнить насчет списка литературы к семинару.

Вранье было таким прозрачным, что он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Списка литературы, — повторил он, и в голосе прозвучала теплая ирония. — Конечно. Он шагнул к ней и, понизив голос, сказал:

— Погода сегодня прекрасная. Просто невероятная для марта. Может быть прогуляемся после пар? Я покажу вам одно место.

— Да, — ответила она быстрее, чем успела подумать.

Весь оставшийся день пролетел как в тумане. Она кивала однокурсникам, что-то записывала, отвечала на вопросы — но мысли ее были далеко. Тело звенело от предвкушения. Она чувствовала себя воздушным шариком, который вот-вот оторвется от земли и улетит в небо.

После последней пары она вышла из университета и увидела его машину — темно-синий внедорожник, припаркованный чуть поодаль от главного входа, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ян стоял у открытой дверцы и ждал ее. Ветер трепал его волосы, и он щурился от яркого весеннего солнца.

— Садитесь, — сказал он, распахивая перед ней дверцу.

В салоне пахло кожей и его парфюмом. Амелия утонула в сиденье, не зная, куда деть руки. Он сел за руль, бросил на нее короткий взгляд — и улыбнулся.

— Пристегнитесь.

Машина мягко тронулась с места. Город постепенно оставался позади: сначала исчезли многоэтажки, потом торговые центры, потом заправки. Начались холмы — пологие, еще по-мартовски рыжие, но уже с первыми пятнами зелени. Дорога вилась серпантинном вверх.

Они говорили обо всем. О его студенчестве в Германии, о ее детстве в этом городе, о смешных случаях на парах, о любимых фильмах и нелюбимых блюдах. Он рассказывал, как однажды, во время пикника с друзьями, заблудился в Баварском лесу, и она смеялась так, что слезы выступили на глазах. Она рассказывала, как в школе на конкурсе чтецов забыла стихотворение и простояла две минуты в гробовой тишине, красная, как рак, а потом убежала со сцены, — и он хохотал, запрокидывая голову.

Никогда в жизни Амелия не была такой легкой. Такой настоящей. Такой красивой — без косметики, с развевающимися волосами, которые она утром даже не собрала в хвост, с сияющими глазами и румянцем во всю щеку. Эта легкость пьянила.

— Приехали, — сказал Ян, сворачивая на смотровую площадку.

Машина остановилась. Впереди, насколько хватало глаз, простирались холмы, залитые золотым вечерним светом. Где-то внизу блестела лента реки, темнели пятна лесов, белели домики далекой деревни. Небо было высоким и прозрачным, с первыми бледными звездами на востоке.

— Какая красота, — выдохнула Амелия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на пейзаж, а на нее, — Я часто езжу по выходным за город. Люблю открывать для себя новые места, где нет людей.

Он заглушил двигатель и повернулся к ней. В салоне вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как где-то далеко поет птица. Его рука потянулась к ее лицу, пальцы осторожно убрали прядь волос, упавшую на щеку.

— Амелия, — прошептал он. — Вы даже не представляете, что со мной делаете.

И поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на вчерашний — осторожный, украденный. Теперь в нем не было сомнений. Он целовал ее долго, глубоко, словно пытался напиться после долгой жажды. Его ладони обхватили ее лицо, большие пальцы гладили скулы. Она отвечала, уже смелее, уже понимая, что и как нужно делать. Их дыхание смешивалось, зубы стлкнулись, и это было неловко и восхитительно одновременно. Колени ослабели. Внутри что-то сжималось и разжималось, горячее, как солнечный свет на весенних холмах. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. Никогда.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к ее лбу. Глаза были совсем близко — два темных омута, в которых она тонула с наслаждением.

— Вы с первой нашей встречи захватили мое сердце, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Помните, в коридоре, с этими дурацкими книжками? Вы подняли на меня глаза, и я пропал. Я давно искал такую, как вы. Умную. Скромную. Настоящую. Без всей этой мишуры, без притворства. Чистую.

У Амелии защипало в носу. Она смотрела на него и понимала: вот оно. То, о чем пишут в книгах. То, во что она никогда не верила. Она любит его. До дрожи, до головокружения, до желания отдать всю себя без остатка. Раствориться в нем. Стать его воздухом, его тенью, его продолжением.

— Ян, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим. — Я тоже я так сильно

Она не договорила. Потому что его лицо изменилось.

Это произошло мгновенно. Улыбка погасла. В глазах, только что сиявших теплом, появилась тень — глубокая, темная, болезненная. Он отстранился, и его руки, только что обнимавшие ее, упали на руль.

— Что? — спросила она испуганно. — Что случилось?

Ян молчал. Он смотрел куда-то вперед, на холмы, на закатное небо, и на его лице застыло выражение, которое напугало ее больше, чем вчерашние нападавшие в темном дворе. Это была печаль. Огромная, древняя, безысходная печаль.

— Я должен вам кое-что рассказать, — произнес он наконец. Голос был глухой и надтреснутый. — То, что вы должны знать. Прежде чем прежде чем все зайдет слишком далеко.

Амелия почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тонкая струна, натянутая до предела, лопнула и больно хлестнула по сердцу. Заходящее солнце заливало салон тревожным багряным светом, и в этом свете его профиль казался высеченным из камня — мраморного памятника их будущему, которое может умереть, еще не родившись.

Она то и дело трогала губы — те самые губы, которых вчера касались его губы. Воспоминание о поцелуе вспыхивало в ней каждые несколько минут, и тогда сердце начинало колотиться где-то в горле, а по телу разливалось тепло. Она больше не злилась на его внезапный уход. Она понимала: он испугался. Он — преподаватель, она — студентка. Это действительно неправильно. Но разве сердце спрашивает разрешения?

Первая пара — античная литература. Она честно пыталась слушать про гомеровский эпос, но строчки расплывались перед глазами. В тетради вместо конспекта появились какие-то завитки, цветочки, а потом она поймала себя на том, что выводит его инициалы.

— Амелия, вы сегодня витаєте в облаках, — заметила преподавательница, и она вздрогнула, захлопывая тетрадь.

Вторая пара. Третья. Немецкого в расписании не было. Она знала это с самого утра — и все равно высматривала его в коридорах, вздрагивала от каждого мужского силуэта. Его не было. Нигде. Словно он вообще не пришел сегодня в университет.

К концу третьей пары Амелия больше не могла терпеть. Ей требовалось увидеть его, услышать его голос, просто убедиться, что вчерашний вечер не приснился. Она судорожно придумывала предлог — и придумала.

Кафедра иностранных языков находилась в дальнем крыле. Амелия никогда там не была. Студенты без особой надобности туда не ходили: кафедра считалась территорией преподавателей, местом, куда заходят либо по серьезному вопросу, либо по вызову.

Она толкнула тяжелую дверь и вошла в узкий коридор, пропахший кофе и мелом. Сердце бухало в груди, как пойманная птица. За одной из дверей слышались голоса. Она прошла мимо, глядя в таблички: «Зав. кафедрой», «Лаборантская», «Преподавательская»

Внезапно дверь преподавательской открылась, и оттуда вышел он.

Амелия замерла. В одной руке Ян держал стопку тетрадей, в другой — стаканчик с кофе. Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами, и ее взгляд невольно скользнул по сильным предплечьям, по кистям рук — на правой костяшке темнел пластырь.

Он поднял глаза и увидел ее. Остановился.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В коридоре было тихо, только откуда-то издали доносился монотонный голос лектора. Амелия чувствовала, как внутри все тает, как исчезает страх, неуверенность, вчерашняя боль — все уходит, растворяется в теплой волне, поднимающейся откуда-то из солнечного сплетения. Вот он. Настоящий. Живой. Смотрит на нее — и в его карих глазах она видит то же смятение, ту же радость, то же мучительное, невозможное счастье.

— Амелия, — произнес он. Получилось хрипло. — Вы что вы здесь делаете?

— Я — она запнулась, потому что все заготовленные предлоги вылетели из головы. — Я хотела уточнить насчет списка литературы к семинару.

Вранье было таким прозрачным, что он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Списка литературы, — повторил он, и в голосе прозвучала теплая ирония. — Конечно. Он шагнул к ней и, понизив голос, сказал:

— Погода сегодня прекрасная. Просто невероятная для марта. Может быть прогуляемся после пар? Я покажу вам одно место.

— Да, — ответила она быстрее, чем успела подумать.

Весь оставшийся день пролетел как в тумане. Она кивала однокурсникам, что-то записывала, отвечала на вопросы — но мысли ее были далеко. Тело звенело от предвкушения. Она чувствовала себя воздушным шариком, который вот-вот оторвется от земли и улетит в небо.

После последней пары она вышла из университета и увидела его машину — темно-синий внедорожник, припаркованный чуть поодаль от главного входа, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ян стоял у открытой дверцы и ждал ее. Ветер трепал его волосы, и он щурился от яркого весеннего солнца.

— Садитесь, — сказал он, распахивая перед ней дверцу.

В салоне пахло кожей и его парфюмом. Амелия утонула в сиденье, не зная, куда деть руки. Он сел за руль, бросил на нее короткий взгляд — и улыбнулся.

— Пристегнитесь.

Машина мягко тронулась с места. Город постепенно оставался позади: сначала исчезли многоэтажки, потом торговые центры, потом заправки. Начались холмы — пологие, еще по-мартовски рыжие, но уже с первыми пятнами зелени. Дорога вилась серпантином вверх.

Они говорили обо всем. О его студенчестве в Германии, о ее детстве в этом городе, о смешных случаях на парах, о любимых фильмах и нелюбимых блюдах. Он рассказывал, как

однажды, во время пикника с друзьями, заблудился в Баварском лесу, и она смеялась так, что слезы выступили на глазах. Она рассказывала, как в школе на конкурсе чтецов забыла стихотворение и простояла две минуты в гробовой тишине, красная, как рак, а потом убежала со сцены, — и он хохотал, запрокидывая голову.

Никогда в жизни Амелия не была такой легкой. Такой настоящей. Такой красивой — без косметики, с развевающимися волосами, которые она утром даже не собрала в хвост, с сияющими глазами и румянцем во всю щеку. Эта легкость пьянила.

— Приехали, — сказал Ян, сворачивая на смотровую площадку.

Машина остановилась. Впереди, насколько хватало глаз, простирались холмы, залитые золотым вечерним светом. Где-то внизу блестела лента реки, темнели пятна лесов, белели домики далекой деревни. Небо было высоким и прозрачным, с первыми бледными звездами на востоке.

— Какая красота, — выдохнула Амелия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на пейзаж, а на нее, — Я часто езжу по выходным за город. Люблю открывать для себя новые места, где нет людей.

Он заглушил двигатель и повернулся к ней. В салоне вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как где-то далеко поет птица. Его рука потянулась к ее лицу, пальцы осторожно убрали прядь волос, упавшую на щеку.

— Амелия, — прошептал он. — Вы даже не представляете, что со мной делаете.

И поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на вчерашний — осторожный, украденный. Теперь в нем не было сомнений. Он целовал ее долго, глубоко, словно пытался напиться после долгой жажды. Его ладони обхватили ее лицо, большие пальцы гладили скулы. Она отвечала, уже смелее, уже понимая, что и как нужно делать. Их дыхание смешивалось, зубы сталкивались, и это было неловко и восхитительно одновременно. Колени ослабели. Внутри что-то сжималось и разжималось, горячее, как солнечный свет на весенних холмах. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. Никогда.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к ее лбу. Глаза были совсем близко — два темных омута, в которых она тонула с наслаждением.

— Вы с первой нашей встречи захватили мое сердце, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Помните, в коридоре, с этими дурацкими книжками? Вы подняли на меня глаза, и я пропал. Я давно искал такую, как вы. Умную. Скромную. Настоящую. Без всей этой мишуры, без притворства. Чистую.

У Амелии защипало в носу. Она смотрела на него и понимала: вот оно. То, о чем пишут в книгах. То, во что она никогда не верила. Она любит его. До дрожи, до головокружения, до желания отдать всю себя без остатка. Раствориться в нем. Стать его воздухом, его тенью, его продолжением.

— Ян, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим. — Я тоже я так сильно

Она не договорила. Потому что его лицо изменилось.

Это произошло мгновенно. Улыбка погасла. В глазах, только что сиявших теплом, появилась тень — глубокая, темная, болезненная. Он отстранился, и его руки, только что обнимавшие ее, упали на руль.

— Что? — спросила она испуганно. — Что случилось?

Ян молчал. Он смотрел куда-то вперед, на холмы, на закатное небо, и на его лице застыло выражение, которое напугало ее больше, чем вчерашние нападавшие в темном дворе. Это была печаль. Огромная, древняя, безысходная печаль.

— Я должен вам кое-что рассказать, — произнес он наконец. Голос был глухой и надтреснутый. — То, что вы должны знать. Прежде чем прежде чем все зайдет слишком далеко.

Амелия почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тонкая струна, натянутая до предела, лопнула и больно хлестнула по сердцу. Заходящее солнце заливало салон тревожным багряным светом, и в этом свете его профиль казался высеченным из камня — мраморного памятника их будущему, которое может умереть, еще не родившись.

Она то и дело трогала губы — те самые губы, которых вчера касались его губы. Воспоминание о поцелуе вспыхивало в ней каждые несколько минут, и тогда сердце начинало колотиться где-то в горле, а по телу разливалось тепло. Она больше не злилась на его внезапный уход. Она понимала: он испугался. Он — преподаватель, она — студентка. Это действительно неправильно. Но разве сердце спрашивает разрешения?

Первая пара — античная литература. Она честно пыталась слушать про гомеровский эпос, но строчки расплывались перед глазами. В тетради вместо конспекта появились какие-то завитки, цветочки, а потом она поймала себя на том, что выводит его инициалы.

— Амелия, вы сегодня витаете в облаках, — заметила преподавательница, и она вздрогнула, захлопывая тетрадь.

Вторая пара. Третья. Немецкого в расписании не было. Она знала это с самого утра — и все равно высматривала его в коридорах, вздрагивала от каждого мужского силуэта. Его не было. Нигде. Слово он вообще не пришел сегодня в университет.

К концу третьей пары Амелия больше не могла терпеть. Ей требовалось увидеть его, услышать его голос, просто убедиться, что вчерашний вечер не приснился. Она судорожно придумывала предлог — и придумала.

Кафедра иностранных языков находилась в дальнем крыле. Амелия никогда там не была. Студенты без особой надобности туда не ходили: кафедра считалась территорией преподавателей, местом, куда заходят либо по серьезному вопросу, либо по вызову.

Она толкнула тяжелую дверь и вошла в узкий коридор, пропахший кофе и мелом. Сердце бухало в груди, как пойманная птица. За одной из дверей слышались голоса. Она прошла мимо, взглядываясь в таблички: «Зав. кафедрой», «Лаборантская», «Преподавательская»

Внезапно дверь преподавательской открылась, и оттуда вышел он.

Амелия замерла. В одной руке Ян держал стопку тетрадей, в другой — стаканчик с кофе. Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами, и ее взгляд невольно скользнул по сильным предплечьям, по кистям рук — на правой костяшке темнел пластырь.

Он поднял глаза и увидел ее. Остановился.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В коридоре было тихо, только откуда-то издали доносился монотонный голос лектора. Амелия чувствовала, как внутри все тает, как исчезает страх, неуверенность, вчерашняя боль — все уходит, растворяется в теплой волне, поднимающейся откуда-то из солнечного сплетения. Вот он. Настоящий. Живой. Смотрит на нее — и в его карих глазах она видит то же смятение, ту же радость, то же мучительное, невозможное счастье.

— Амелия, — произнес он. Получилось хрипло. — Вы что вы здесь делаете?

— Я — она запнулась, потому что все заготовленные предлоги вылетели из головы. — Я хотела уточнить насчет списка литературы к семинару.

Вранье было таким прозрачным, что он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Списка литературы, — повторил он, и в голосе прозвучала теплая ирония. — Конечно. Он шагнул к ней и, понизив голос, сказал:

— Погода сегодня прекрасная. Просто невероятная для марта. Может быть прогуляемся после пар? Я покажу вам одно место.

— Да, — ответила она быстрее, чем успела подумать.

Весь оставшийся день пролетел как в тумане. Она кивала однокурсникам, что-то записывала, отвечала на вопросы — но мысли ее были далеко. Тело звенело от предвкушения. Она чувствовала себя воздушным шариком, который вот-вот оторвется от земли и улетит в небо.

После последней пары она вышла из университета и увидела его машину — темно-синий внедорожник, припаркованный чуть поодаль от главного входа, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ян стоял у открытой дверцы и ждал ее. Ветер трепал его волосы, и он шурился от яркого весеннего солнца.

— Садитесь, — сказал он, распахивая перед ней дверцу.

В салоне пахло кожей и его парфюмом. Амелия утонула в сиденье, не зная, куда деть руки. Он сел за руль, бросил на нее короткий взгляд — и улыбнулся.

— Пристегнитесь.

Машина мягко тронулась с места. Город постепенно оставался позади: сначала исчезли многоэтажки, потом торговые центры, потом заправки. Начались холмы — пологие, еще по-мартовски рыжие, но уже с первыми пятнами зелени. Дорога вилась серпантином вверх.

Они говорили обо всем. О его студенчестве в Германии, о ее детстве в этом городе, о смешных случаях на парах, о любимых фильмах и нелюбимых блюдах. Он рассказывал, как однажды, во время пикника с друзьями, заблудился в Баварском лесу, и она смеялась так, что слезы выступили на глазах. Она рассказывала, как в школе на конкурсе чтецов забыла стихотворение и простояла две минуты в гробовой тишине, красная, как рак, а потом убежала со сцены, — и он хохотал, запрокидывая голову.

Никогда в жизни Амелия не была такой легкой. Такой настоящей. Такой красивой — без косметики, с развевающимися волосами, которые она утром даже не собрала в хвост, с сияющими глазами и румянцем во всю щеку. Эта легкость пьянила.

— Приехали, — сказал Ян, сворачивая на смотровую площадку.

Машина остановилась. Впереди, насколько хватало глаз, простирались холмы, залитые золотым вечерним светом. Где-то внизу блестела лента реки, темнели пятна лесов, белели домики далекой деревни. Небо было высоким и прозрачным, с первыми бледными звездами на востоке.

— Какая красота, — выдохнула Амелия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на пейзаж, а на нее, — Я часто езжу по выходным за город. Люблю открывать для себя новые места, где нет людей.

Он заглушил двигатель и повернулся к ней. В салоне вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как где-то далеко поет птица. Его рука потянулась к ее лицу, пальцы осторожно убрали прядь волос, упавшую на щеку.

— Амелия, — прошептал он. — Вы даже не представляете, что со мной делаете.

И поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на вчерашний — осторожный, украденный. Теперь в нем не было сомнений. Он целовал ее долго, глубоко, словно пытался напиться после долгой жажды. Его ладони обхватили ее лицо, большие пальцы гладили скулы. Она отвечала, уже смелее, уже понимая, что и как нужно делать. Их дыхание смешивалось, зубы сталкивались, и это было неловко и восхитительно одновременно. Колени ослабели. Внутри что-то сжималось и разжималось, горячее, как солнечный свет на весенних холмах. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. Никогда.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к ее лбу. Глаза были совсем близко — два темных омота, в которых она тонула с наслаждением.

— Вы с первой нашей встречи захватили мое сердце, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Помните, в коридоре, с этими дурацкими книжками? Вы подняли на меня глаза, и я пропал. Я давно искал такую, как вы. Умную. Скромную. Настоящую. Без всей этой мишуры, без притворства. Чистую.

У Амелии защипало в носу. Она смотрела на него и понимала: вот оно. То, о чем пишут в книгах. То, во что она никогда не верила. Она любит его. До дрожи, до головокружения, до желания отдать всю себя без остатка. Раствориться в нем. Стать его воздухом, его тенью, его продолжением.

— Ян, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим. — Я тоже я так сильно

Она не договорила. Потому что его лицо изменилось.

Это произошло мгновенно. Улыбка погасла. В глазах, только что сиявших теплом, появилась тень — глубокая, темная, болезненная. Он отстранился, и его руки, только что обнимавшие ее, упали на руль.

— Что? — спросила она испуганно. — Что случилось?

Ян молчал. Он смотрел куда-то вперед, на холмы, на закатное небо, и на его лице застыло выражение, которое напугало ее больше, чем вчерашние нападавшие в темном дворе. Это была печаль. Огромная, древняя, безысходная печаль.

— Я должен вам кое-что рассказать, — произнес он наконец. Голос был глухой и надтреснутый. — То, что вы должны знать. Прежде чем прежде чем все зайдет слишком далеко.

Амелия почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тонкая струна, натянутая до предела, лопнула и больно хлестнула по сердцу. Заходящее солнце заливало салон тревожным багряным светом, и в этом свете его профиль казался высеченным из камня — мраморного памятника их будущему, которое может умереть, еще не родившись.

Она то и дело трогала губы — те самые губы, которых вчера касались его губы. Воспоминание о поцелуе вспыхивало в ней каждые несколько минут, и тогда сердце начинало колотиться где-то в горле, а по телу разливалось тепло. Она больше не злилась на его внезапный уход. Она понимала: он испугался. Он — преподаватель, она — студентка. Это действительно неправильно. Но разве сердце спрашивает разрешения?

Первая пара — античная литература. Она честно пыталась слушать про гомеровский эпос, но строчки расплывались перед глазами. В тетради вместо конспекта появились какие-то завитки, цветочки, а потом она поймала себя на том, что выводит его инициалы.

— Амелия, вы сегодня витаєте в облаках, — заметила преподавательница, и она вздрогнула, захлопывая тетрадь.

Вторая пара. Третья. Немецкого в расписании не было. Она знала это с самого утра — и все равно высматривала его в коридорах, вздрагивала от каждого мужского силуэта. Его не было. Нигде. Словно он вообще не пришел сегодня в университет.

К концу третьей пары Амелия больше не могла терпеть. Ей требовалось увидеть его, услышать его голос, просто убедиться, что вчерашний вечер не приснился. Она судорожно придумывала предлог — и придумала.

Кафедра иностранных языков находилась в дальнем крыле. Амелия никогда там не была. Студенты без особой надобности туда не ходили: кафедра считалась территорией преподавателей, местом, куда заходят либо по серьезному вопросу, либо по вызову.

Она толкнула тяжелую дверь и вошла в узкий коридор, пропахший кофе и мелом. Сердце бухало в груди, как пойманная птица. За одной из дверей слышались голоса. Она прошла мимо, взглядываясь в таблички: «Зав. кафедрой», «Лаборантская», «Преподавательская»

Внезапно дверь преподавательской открылась, и оттуда вышел он.

Амелия замерла. В одной руке Ян держал стопку тетрадей, в другой — стаканчик с кофе. Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами, и ее взгляд невольно скользнул по сильным предплечьям, по кистям рук — на правой костяшке темнел пластырь.

Он поднял глаза и увидел ее. Остановился.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В коридоре было тихо, только откуда-то издали доносился монотонный голос лектора. Амелия чувствовала, как внутри все

тает, как исчезает страх, неуверенность, вчерашняя боль — все уходит, растворяется в теплой волне, поднимающейся откуда-то из солнечного сплетения. Вот он. Настоящий. Живой. Смотрит на нее — и в его карих глазах она видит то же смятение, ту же радость, то же мучительное, невозможное счастье.

— Амелия, — произнес он. Получилось хрипло. — Вы что вы здесь делаете?

— Я — она запнулась, потому что все заготовленные предлоги вылетели из головы. — Я хотела уточнить насчет списка литературы к семинару.

Вранье было таким прозрачным, что он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Списка литературы, — повторил он, и в голосе прозвучала теплая ирония. — Конечно. Он шагнул к ней и, понизив голос, сказал:

— Погода сегодня прекрасная. Просто невероятная для марта. Может быть прогуляемся после пар? Я покажу вам одно место.

— Да, — ответила она быстрее, чем успела подумать.

Весь оставшийся день пролетел как в тумане. Она кивала однокурсникам, что-то записывала, отвечала на вопросы — но мысли ее были далеко. Тело звенело от предвкушения. Она чувствовала себя воздушным шариком, который вот-вот оторвется от земли и улетит в небо.

После последней пары она вышла из университета и увидела его машину — темно-синий внедорожник, припаркованный чуть поодаль от главного входа, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ян стоял у открытой дверцы и ждал ее. Ветер трепал его волосы, и он щурился от яркого весеннего солнца.

— Садитесь, — сказал он, распахивая перед ней дверцу.

В салоне пахло кожей и его парфюмом. Амелия утонула в сиденье, не зная, куда деть руки. Он сел за руль, бросил на нее короткий взгляд — и улыбнулся.

— Пристегнитесь.

Машина мягко тронулась с места. Город постепенно оставался позади: сначала исчезли многоэтажки, потом торговые центры, потом заправки. Начались холмы — пологие, еще по-мартовски рыжие, но уже с первыми пятнами зелени. Дорога вилась серпантинном вверх.

Они говорили обо всем. О его студенчестве в Германии, о ее детстве в этом городе, о смешных случаях на парах, о любимых фильмах и нелюбимых блюдах. Он рассказывал, как однажды, во время пикника с друзьями, заблудился в Баварском лесу, и она смеялась так, что слезы выступили на глазах. Она рассказывала, как в школе на конкурсе чтецов забыла стихотворение и простояла две минуты в гробовой тишине, красная, как рак, а потом убежала со сцены, — и он хохотал, запрокидывая голову.

Никогда в жизни Амелия не была такой легкой. Такой настоящей. Такой красивой — без косметики, с развевающимися волосами, которые она утром даже не собрала в хвост, с сияющими глазами и румянцем во всю щеку. Эта легкость пьянила.

— Приехали, — сказал Ян, сворачивая на смотровую площадку.

Машина остановилась. Впереди, насколько хватало глаз, простирались холмы, залитые золотым вечерним светом. Где-то внизу блестела лента реки, темнели пятна лесов, белели домики далекой деревни. Небо было высоким и прозрачным, с первыми бледными звездами на востоке.

— Какая красота, — выдохнула Амелия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на пейзаж, а на нее, — Я часто езжу по выходным за город. Люблю открывать для себя новые места, где нет людей.

Он заглушил двигатель и повернулся к ней. В салоне вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как где-то далеко поет птица. Его рука потянулась к ее лицу, пальцы осторожно убрали прядь волос, упавшую на щеку.

— Амелия, — прошептал он. — Вы даже не представляете, что со мной делаете.

И поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на вчерашний — осторожный, украденный. Теперь в нем не было сомнений. Он целовал ее долго, глубоко, словно пытался напиться после долгой жажды. Его ладони обхватили ее лицо, большие пальцы гладили скулы. Она отвечала, уже смелее, уже понимая, что и как нужно делать. Их дыхание смешивалось, зубы сталкивались, и это было неловко и восхитительно одновременно. Колени ослабели. Внутри что-то сжималось и разжималось, горячее, как солнечный свет на весенних холмах. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. Никогда.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к ее лбу. Глаза были совсем близко — два темных омота, в которых она тонула с наслаждением.

— Вы с первой нашей встречи захватили мое сердце, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Помните, в коридоре, с этими дурацкими книжками? Вы подняли на меня глаза, и я пропал. Я давно искал такую, как вы. Умную. Скромную. Настоящую. Без всей этой мишуры, без притворства. Чистую.

У Амелии защипало в носу. Она смотрела на него и понимала: вот оно. То, о чем пишут в книгах. То, во что она никогда не верила. Она любит его. До дрожи, до головокружения, до желания отдать всю себя без остатка. Раствориться в нем. Стать его воздухом, его тенью, его продолжением.

— Ян, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим. — Я тоже я так сильно

Она не договорила. Потому что его лицо изменилось.

Это произошло мгновенно. Улыбка погасла. В глазах, только что сиявших теплом, появилась тень — глубокая, темная, болезненная. Он отстранился, и его руки, только что обнимавшие ее, упали на руль.

— Что? — спросила она испуганно. — Что случилось?

Ян молчал. Он смотрел куда-то вперед, на холмы, на закатное небо, и на его лице застыло выражение, которое напугало ее больше, чем вчерашние нападавшие в темном дворе. Это была печаль. Огромная, древняя, безысходная печаль.

— Я должен вам кое-что рассказать, — произнес он наконец. Голос был глухой и надтреснутый. — То, что вы должны знать. Прежде чем прежде чем все зайдет слишком далеко.

Амелия почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тонкая струна, натянутая до предела, лопнула и больно хлестнула по сердцу. Заходящее солнце заливало салон тревожным багряным светом, и в этом свете его профиль казался высеченным из камня — мраморного памятника их будущему, которое может умереть, еще не родившись.

Она то и дело трогала губы — те самые губы, которых вчера касались его губы. Воспоминание о поцелуе вспыхивало в ней каждые несколько минут, и тогда сердце начинало колотиться где-то в горле, а по телу разливалось тепло. Она больше не злилась на его внезапный уход. Она понимала: он испугался. Он — преподаватель, она — студентка. Это действительно неправильно. Но разве сердце спрашивает разрешения?

Первая пара — античная литература. Она честно пыталась слушать про гомеровский эпос, но строчки расплывались перед глазами. В тетради вместо конспекта появились какие-то завитки, цветочки, а потом она поймала себя на том, что выводит его инициалы.

— Амелия, вы сегодня витаете в облаках, — заметила преподавательница, и она вздрогнула, захлопывая тетрадь.

Вторая пара. Третья. Немецкого в расписании не было. Она знала это с самого утра — и все равно высматривала его в коридорах, вздрагивала от каждого мужского силуэта. Его не было. Нигде. Словно он вообще не пришел сегодня в университет.

К концу третьей пары Амелия больше не могла терпеть. Ей требовалось увидеть его, услышать его голос, просто убедиться, что вчерашний вечер не приснился. Она судорожно придумывала предлог — и придумала.

Кафедра иностранных языков находилась в дальнем крыле. Амелия никогда там не была. Студенты без особой надобности туда не ходили: кафедра считалась территорией преподавателей, местом, куда заходят либо по серьезному вопросу, либо по вызову.

Она толкнула тяжелую дверь и вошла в узкий коридор, пропахший кофе и мелом. Сердце бухало в груди, как пойманная птица. За одной из дверей слышались голоса. Она прошла мимо, вглядываясь в таблички: «Зав. кафедрой», «Лаборантская», «Преподавательская»

Внезапно дверь преподавательской открылась, и оттуда вышел он.

Амелия замерла. В одной руке Ян держал стопку тетрадей, в другой — стаканчик с кофе. Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами, и ее взгляд невольно скользнул по сильным предплечьям, по кистям рук — на правой костяшке темнел пластырь.

Он поднял глаза и увидел ее. Остановился.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В коридоре было тихо, только откуда-то издали доносился монотонный голос лектора. Амелия чувствовала, как внутри все тает, как исчезает страх, неуверенность, вчерашняя боль — все уходит, растворяется в теплой волне, поднимающейся откуда-то из солнечного сплетения. Вот он. Настоящий. Живой. Смотрит на нее — и в его карих глазах она видит то же смятение, ту же радость, то же мучительное, невозможное счастье.

— Амелия, — произнес он. Получилось хрипло. — Вы что вы здесь делаете?

— Я — она запнулась, потому что все заготовленные предлоги вылетели из головы. — Я хотела уточнить насчет списка литературы к семинару.

Вранье было таким прозрачным, что он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Списка литературы, — повторил он, и в голосе прозвучала теплая ирония. — Конечно.

Он шагнул к ней и, понизив голос, сказал:

— Погода сегодня прекрасная. Просто невероятная для марта. Может быть прогуляемся после пар? Я покажу вам одно место.

— Да, — ответила она быстрее, чем успела подумать.

Весь оставшийся день пролетел как в тумане. Она кивала однокурсникам, что-то записывала, отвечала на вопросы — но мысли ее были далеко. Тело звенело от предвкушения. Она чувствовала себя воздушным шариком, который вот-вот оторвется от земли и улетит в небо.

После последней пары она вышла из университета и увидела его машину — темно-синий внедорожник, припаркованный чуть поодаль от главного входа, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ян стоял у открытой дверцы и ждал ее. Ветер трепал его волосы, и он щурился от яркого весеннего солнца.

— Садитесь, — сказал он, распахивая перед ней дверцу.

В салоне пахло кожей и его парфюмом. Амелия утонула в сиденье, не зная, куда деть руки. Он сел за руль, бросил на нее короткий взгляд — и улыбнулся.

— Пристегнитесь.

Машина мягко тронулась с места. Город постепенно оставался позади: сначала исчезли многоэтажки, потом торговые центры, потом заправки. Начались холмы — пологие, еще по-мартовски рыжие, но уже с первыми пятнами зелени. Дорога вилась серпантином вверх.

Они говорили обо всем. О его студенчестве в Германии, о ее детстве в этом городе, о смешных случаях на парах, о любимых фильмах и нелюбимых блюдах. Он рассказывал, как однажды, во время пикника с друзьями, заблудился в Баварском лесу, и она смеялась так, что слезы выступили на глазах. Она рассказывала, как в школе на конкурсе чтецов забыла

стихотворение и простояла две минуты в гробовой тишине, красная, как рак, а потом убежала со сцены, — и он хохотал, запрокидывая голову.

Никогда в жизни Амелия не была такой легкой. Такой настоящей. Такой красивой — без косметики, с развевающимися волосами, которые она утром даже не собрала в хвост, с сияющими глазами и румянцем во всю щеку. Эта легкость пьянила.

— Приехали, — сказал Ян, сворачивая на смотровую площадку.

Машина остановилась. Впереди, насколько хватало глаз, простирались холмы, залитые золотым вечерним светом. Где-то внизу блестела лента реки, темнели пятна лесов, белели домики далекой деревни. Небо было высоким и прозрачным, с первыми бледными звездами на востоке.

— Какая красота, — выдохнула Амелия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на пейзаж, а на нее, — Я часто езжу по выходным за город. Люблю открывать для себя новые места, где нет людей.

Он заглушил двигатель и повернулся к ней. В салоне вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как где-то далеко поет птица. Его рука потянулась к ее лицу, пальцы осторожно убрали прядь волос, упавшую на щеку.

— Амелия, — прошептал он. — Вы даже не представляете, что со мной делаете.

И поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на вчерашний — осторожный, украденный. Теперь в нем не было сомнений. Он целовал ее долго, глубоко, словно пытался напиться после долгой жажды. Его ладони обхватили ее лицо, большие пальцы гладили скулы. Она отвечала, уже смелее, уже понимая, что и как нужно делать. Их дыхание смешивалось, зубы сталкивались, и это было неловко и восхитительно одновременно. Колени ослабели. Внутри что-то сжималось и разжималось, горячее, как солнечный свет на весенних холмах. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. Никогда.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к ее лбу. Глаза были совсем близко — два темных омута, в которых она тонула с наслаждением.

— Вы с первой нашей встречи захватили мое сердце, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Помните, в коридоре, с этими дурацкими книжками? Вы подняли на меня глаза, и я пропал. Я давно искал такую, как вы. Умную. Скромную. Настоящую. Без всей этой мишуры, без притворства. Чистую.

У Амелии защипало в носу. Она смотрела на него и понимала: вот оно. То, о чем пишут в книгах. То, во что она никогда не верила. Она любит его. До дрожи, до головокружения, до желания отдать всю себя без остатка. Раствориться в нем. Стать его воздухом, его тенью, его продолжением.

— Ян, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим. — Я тоже я так сильно

Она не договорила. Потому что его лицо изменилось.

Это произошло мгновенно. Улыбка погасла. В глазах, только что сиявших теплом, появилась тень — глубокая, темная, болезненная. Он отстранился, и его руки, только что обнимавшие ее, упали на руль.

— Что? — спросила она испуганно. — Что случилось?

Ян молчал. Он смотрел куда-то вперед, на холмы, на закатное небо, и на его лице застыло выражение, которое напугало ее больше, чем вчерашние нападавшие в темном дворе. Это была печаль. Огромная, древняя, безысходная печаль.

— Я должен вам кое-что рассказать, — произнес он наконец. Голос был глухой и надтреснутый. — То, что вы должны знать. Прежде чем прежде чем все зайдет слишком далеко.

Амелия почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тонкая струна, натянутая до предела, лопнула и больно хлестнула по сердцу. Заходящее солнце заливало салон тревожным

багряным светом, и в этом свете его профиль казался высеченным из камня — мраморного памятника их будущему, которое может умереть, еще не родившись.

Она то и дело трогала губы — те самые губы, которых вчера касались его губы. Воспоминание о поцелуе вспыхивало в ней каждые несколько минут, и тогда сердце начинало колотиться где-то в горле, а по телу разливалось тепло. Она больше не злилась на его внезапный уход. Она понимала: он испугался. Он — преподаватель, она — студентка. Это действительно неправильно. Но разве сердце спрашивает разрешения?

Первая пара — античная литература. Она честно пыталась слушать про гомеровский эпос, но строчки расплывались перед глазами. В тетради вместо конспекта появились какие-то завитки, цветочки, а потом она поймала себя на том, что выводит его инициалы.

— Амелия, вы сегодня витаете в облаках, — заметила преподавательница, и она вздрогнула, захлопывая тетрадь.

Вторая пара. Третья. Немецкого в расписании не было. Она знала это с самого утра — и все равно высматривала его в коридорах, вздрагивала от каждого мужского силуэта. Его не было. Нигде. Слово он вообще не пришел сегодня в университет.

К концу третьей пары Амелия больше не могла терпеть. Ей требовалось увидеть его, услышать его голос, просто убедиться, что вчерашний вечер не приснился. Она судорожно придумывала предлог — и придумала.

Кафедра иностранных языков находилась в дальнем крыле. Амелия никогда там не была. Студенты без особой надобности туда не ходили: кафедра считалась территорией преподавателей, местом, куда заходят либо по серьезному вопросу, либо по вызову.

Она толкнула тяжелую дверь и вошла в узкий коридор, пропахший кофе и мелом. Сердце бухало в груди, как пойманная птица. За одной из дверей слышались голоса. Она прошла мимо, взглядываясь в таблички: «Зав. кафедрой», «Лаборантская», «Преподавательская»

Внезапно дверь преподавательской открылась, и оттуда вышел он.

Амелия замерла. В одной руке Ян держал стопку тетрадей, в другой — стаканчик с кофе. Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами, и ее взгляд невольно скользнул по сильным предплечьям, по кистям рук — на правой костяшке темнел пластырь.

Он поднял глаза и увидел ее. Остановился.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В коридоре было тихо, только откуда-то издали доносился монотонный голос лектора. Амелия чувствовала, как внутри все тает, как исчезает страх, неуверенность, вчерашняя боль — все уходит, растворяется в теплой волне, поднимающейся откуда-то из солнечного сплетения. Вот он. Настоящий. Живой. Смотрит на нее — и в его карих глазах она видит то же смятение, ту же радость, то же мучительное, невозможное счастье.

— Амелия, — произнес он. Получилось хрипло. — Вы что вы здесь делаете?

— Я — она запнулась, потому что все заготовленные предлоги вылетели из головы. — Я хотела уточнить насчет списка литературы к семинару.

Вранье было таким прозрачным, что он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Списка литературы, — повторил он, и в голосе прозвучала теплая ирония. — Конечно.

Он шагнул к ней и, понизив голос, сказал:

— Погода сегодня прекрасная. Просто невероятная для марта. Может быть прогуляемся после пар? Я покажу вам одно место.

— Да, — ответила она быстрее, чем успела подумать.

Весь оставшийся день пролетел как в тумане. Она кивала однокурсникам, что-то записывала, отвечала на вопросы — но мысли ее были далеко. Тело звенело от предвкушения. Она чувствовала себя воздушным шариком, который вот-вот оторвется от земли и улетит в небо.

После последней пары она вышла из университета и увидела его машину — темно-синий внедорожник, припаркованный чуть поодаль от главного входа, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ян стоял у открытой дверцы и ждал ее. Ветер трепал его волосы, и он щурился от яркого весеннего солнца.

— Садитесь, — сказал он, распахивая перед ней дверцу.

В салоне пахло кожей и его парфюмом. Амелия утонула в сиденье, не зная, куда деть руки. Он сел за руль, бросил на нее короткий взгляд — и улыбнулся.

— Пристегнитесь.

Машина мягко тронулась с места. Город постепенно оставался позади: сначала исчезли многоэтажки, потом торговые центры, потом заправки. Начались холмы — пологие, еще по-мартовски рыжие, но уже с первыми пятнами зелени. Дорога вилась серпантином вверх.

Они говорили обо всем. О его студенчестве в Германии, о ее детстве в этом городе, о смешных случаях на парах, о любимых фильмах и нелюбимых блюдах. Он рассказывал, как однажды, во время пикника с друзьями, заблудился в Баварском лесу, и она смеялась так, что слезы выступили на глазах. Она рассказывала, как в школе на конкурсе чтецов забыла стихотворение и простояла две минуты в гробовой тишине, красная, как рак, а потом убежала со сцены, — и он хохотал, запрокидывая голову.

Никогда в жизни Амелия не была такой легкой. Такой настоящей. Такой красивой — без косметики, с развевающимися волосами, которые она утром даже не собрала в хвост, с сияющими глазами и румянцем во всю щеку. Эта легкость пьянила.

— Приехали, — сказал Ян, сворачивая на смотровую площадку.

Машина остановилась. Впереди, насколько хватало глаз, простирались холмы, залитые золотым вечерним светом. Где-то внизу блестела лента реки, темнели пятна лесов, белели домики далекой деревни. Небо было высоким и прозрачным, с первыми бледными звездами на востоке.

— Какая красота, — выдохнула Амелия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на пейзаж, а на нее, — Я часто езжу по выходным за город. Люблю открывать для себя новые места, где нет людей.

Он заглушил двигатель и повернулся к ней. В салоне вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как где-то далеко поет птица. Его рука потянулась к ее лицу, пальцы осторожно убрали прядь волос, упавшую на щеку.

— Амелия, — прошептал он. — Вы даже не представляете, что со мной делаете.

И поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на вчерашний — осторожный, украденный. Теперь в нем не было сомнений. Он целовал ее долго, глубоко, словно пытался напиться после долгой жажды. Его ладони обхватили ее лицо, большие пальцы гладили скулы. Она отвечала, уже смелее, уже понимая, что и как нужно делать. Их дыхание смешивалось, зубы сталкивались, и это было неловко и восхитительно одновременно. Колени ослабели. Внутри что-то сжималось и разжималось, горячее, как солнечный свет на весенних холмах. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. Никогда.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к ее лбу. Глаза были совсем близко — два темных омота, в которых она тонула с наслаждением.

— Вы с первой нашей встречи захватили мое сердце, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Помните, в коридоре, с этими дурацкими книжками? Вы подняли на меня глаза, и я пропал. Я давно искал такую, как вы. Умную. Скромную. Настоящую. Без всей этой мишуры, без притворства. Чистую.

У Амелии защипало в носу. Она смотрела на него и понимала: вот оно. То, о чем пишут в книгах. То, во что она никогда не верила. Она любит его. До дрожи, до головокружения, до

желания отдать всю себя без остатка. Раствориться в нем. Стать его воздухом, его тенью, его продолжением.

— Ян, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим. — Я тоже я так сильно

Она не договорила. Потому что его лицо изменилось.

Это произошло мгновенно. Улыбка погасла. В глазах, только что сиявших теплом, появилась тень — глубокая, темная, болезненная. Он отстранился, и его руки, только что обнимавшие ее, упали на руль.

— Что? — спросила она испуганно. — Что случилось?

Ян молчал. Он смотрел куда-то вперед, на холмы, на закатное небо, и на его лице застыло выражение, которое напугало ее больше, чем вчерашние нападавшие в темном дворе. Это была печаль. Огромная, древняя, безысходная печаль.

— Я должен вам кое-что рассказать, — произнес он наконец. Голос был глухой и надтреснутый. — То, что вы должны знать. Прежде чем прежде чем все зайдет слишком далеко.

Амелия почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тонкая струна, натянутая до предела, лопнула и больно хлестнула по сердцу. Заходящее солнце заливало салон тревожным багряным светом, и в этом свете его профиль казался высеченным из камня — мраморного памятника их будущему, которое может умереть, еще не родившись.

Она то и дело трогала губы — те самые губы, которых вчера касались его губы. Воспоминание о поцелуе вспыхивало в ней каждые несколько минут, и тогда сердце начинало колотиться где-то в горле, а по телу разливалось тепло. Она больше не злилась на его внезапный уход. Она понимала: он испугался. Он — преподаватель, она — студентка. Это действительно неправильно. Но разве сердце спрашивает разрешения?

Первая пара — античная литература. Она честно пыталась слушать про гомеровский эпос, но строчки расплывались перед глазами. В тетради вместо конспекта появились какие-то завитки, цветочки, а потом она поймала себя на том, что выводит его инициалы.

— Амелия, вы сегодня витаєте в облаках, — заметила преподавательница, и она вздрогнула, захлопывая тетрадь.

Вторая пара. Третья. Немецкого в расписании не было. Она знала это с самого утра — и все равно высматривала его в коридорах, вздрагивала от каждого мужского силуэта. Его не было. Нигде. Слово он вообще не пришел сегодня в университет.

К концу третьей пары Амелия больше не могла терпеть. Ей требовалось увидеть его, услышать его голос, просто убедиться, что вчерашний вечер не приснился. Она судорожно придумывала предлог — и придумала.

Кафедра иностранных языков находилась в дальнем крыле. Амелия никогда там не была. Студенты без особой надобности туда не ходили: кафедра считалась территорией преподавателей, местом, куда заходят либо по серьезному вопросу, либо по вызову.

Она толкнула тяжелую дверь и вошла в узкий коридор, пропахший кофе и мелом. Сердце бухало в груди, как пойманная птица. За одной из дверей слышались голоса. Она прошла мимо, вглядываясь в таблички: «Зав. кафедрой», «Лаборантская», «Преподавательская»

Внезапно дверь преподавательской открылась, и оттуда вышел он.

Амелия замерла. В одной руке Ян держал стопку тетрадей, в другой — стаканчик с кофе. Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами, и ее взгляд невольно скользнул по сильным предплечьям, по кистям рук — на правой костяшке темнел пластырь.

Он поднял глаза и увидел ее. Остановился.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В коридоре было тихо, только откуда-то издали доносился монотонный голос лектора. Амелия чувствовала, как внутри все тает, как исчезает страх, неуверенность, вчерашняя боль — все уходит, растворяется в теплой волне, поднимающейся откуда-то из солнечного сплетения. Вот он. Настоящий. Живой. Смотрит

рит на нее — и в его карих глазах она видит то же смятение, ту же радость, то же мучительное, невозможное счастье.

— Амелия, — произнес он. Получилось хрипло. — Вы что вы здесь делаете?

— Я — она запнулась, потому что все заготовленные предлоги вылетели из головы. — Я хотела уточнить насчет списка литературы к семинару.

Вранье было таким прозрачным, что он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Списка литературы, — повторил он, и в голосе прозвучала теплая ирония. — Конечно. Он шагнул к ней и, понизив голос, сказал:

— Погода сегодня прекрасная. Просто невероятная для марта. Может быть прогуляемся после пар? Я покажу вам одно место.

— Да, — ответила она быстрее, чем успела подумать.

Весь оставшийся день пролетел как в тумане. Она кивала однокурсникам, что-то записывала, отвечала на вопросы — но мысли ее были далеко. Тело звенело от предвкушения. Она чувствовала себя воздушным шариком, который вот-вот оторвется от земли и улетит в небо.

После последней пары она вышла из университета и увидела его машину — темно-синий внедорожник, припаркованный чуть поодаль от главного входа, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ян стоял у открытой дверцы и ждал ее. Ветер трепал его волосы, и он щурился от яркого весеннего солнца.

— Садитесь, — сказал он, распахивая перед ней дверцу.

В салоне пахло кожей и его парфюмом. Амелия утонула в сиденье, не зная, куда деть руки. Он сел за руль, бросил на нее короткий взгляд — и улыбнулся.

— Пристегнитесь.

Машина мягко тронулась с места. Город постепенно оставался позади: сначала исчезли многоэтажки, потом торговые центры, потом заправки. Начались холмы — пологие, еще по-мартовски рыжие, но уже с первыми пятнами зелени. Дорога вилась серпантинном вверх.

Они говорили обо всем. О его студенчестве в Германии, о ее детстве в этом городе, о смешных случаях на парах, о любимых фильмах и нелюбимых блюдах. Он рассказывал, как однажды, во время пикника с друзьями, заблудился в Баварском лесу, и она смеялась так, что слезы выступили на глазах. Она рассказывала, как в школе на конкурсе чтецов забыла стихотворение и простояла две минуты в гробовой тишине, красная, как рак, а потом убежала со сцены, — и он хохотал, запрокидывая голову.

Никогда в жизни Амелия не была такой легкой. Такой настоящей. Такой красивой — без косметики, с развевающимися волосами, которые она утром даже не собрала в хвост, с сияющими глазами и румянцем во всю щеку. Эта легкость пьянила.

— Приехали, — сказал Ян, сворачивая на смотровую площадку.

Машина остановилась. Впереди, насколько хватало глаз, простирались холмы, залитые золотым вечерним светом. Где-то внизу блестела лента реки, темнели пятна лесов, белели домики далекой деревни. Небо было высоким и прозрачным, с первыми бледными звездами на востоке.

— Какая красота, — выдохнула Амелия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на пейзаж, а на нее, — Я часто езжу по выходным за город. Люблю открывать для себя новые места, где нет людей.

Он заглушил двигатель и повернулся к ней. В салоне вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как где-то далеко поет птица. Его рука потянулась к ее лицу, пальцы осторожно убрали прядь волос, упавшую на щеку.

— Амелия, — прошептал он. — Вы даже не представляете, что со мной делаете.

И поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на вчерашний — осторожный, украденный. Теперь в нем не было сомнений. Он целовал ее долго, глубоко, словно пытался напиться после долгой жажды. Его ладони обхватили ее лицо, большие пальцы гладили скулы. Она отвечала, уже смелее, уже понимая, что и как нужно делать. Их дыхание смешивалось, зубы сталкивались, и это было неловко и восхитительно одновременно. Колени ослабели. Внутри что-то сжималось и разжималось, горячее, как солнечный свет на весенних холмах. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. Никогда.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к ее лбу. Глаза были совсем близко — два темных омута, в которых она тонула с наслаждением.

— Вы с первой нашей встречи захватили мое сердце, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Помните, в коридоре, с этими дурацкими книжками? Вы подняли на меня глаза, и я пропал. Я давно искал такую, как вы. Умную. Скромную. Настоящую. Без всей этой мишуры, без притворства. Чистую.

У Амелии защипало в носу. Она смотрела на него и понимала: вот оно. То, о чем пишут в книгах. То, во что она никогда не верила. Она любит его. До дрожи, до головокружения, до желания отдать всю себя без остатка. Раствориться в нем. Стать его воздухом, его тенью, его продолжением.

— Ян, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим. — Я тоже я так сильно

Она не договорила. Потому что его лицо изменилось.

Это произошло мгновенно. Улыбка погасла. В глазах, только что сиявших теплом, появилась тень — глубокая, темная, болезненная. Он отстранился, и его руки, только что обнимавшие ее, упали на руль.

— Что? — спросила она испуганно. — Что случилось?

Ян молчал. Он смотрел куда-то вперед, на холмы, на закатное небо, и на его лице застыло выражение, которое напугало ее больше, чем вчерашние нападавшие в темном дворе. Это была печаль. Огромная, древняя, безысходная печаль.

— Я должен вам кое-что рассказать, — произнес он наконец. Голос был глухой и надтреснутый. — То, что вы должны знать. Прежде чем прежде чем все зайдет слишком далеко.

Амелия почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тонкая струна, натянутая до предела, лопнула и больно хлестнула по сердцу. Заходящее солнце заливало салон тревожным багряным светом, и в этом свете его профиль казался высеченным из камня — мраморного памятника их будущему, которое может умереть, еще не родившись.

Она то и дело трогала губы — те самые губы, которых вчера касались его губы. Воспоминание о поцелуе вспыхивало в ней каждые несколько минут, и тогда сердце начинало колотиться где-то в горле, а по телу разливалось тепло. Она больше не злилась на его внезапный уход. Она понимала: он испугался. Он — преподаватель, она — студентка. Это действительно неправильно. Но разве сердце спрашивает разрешения?

Первая пара — античная литература. Она честно пыталась слушать про гомеровский эпос, но строчки расплывались перед глазами. В тетради вместо конспекта появились какие-то завитки, цветочки, а потом она поймала себя на том, что выводит его инициалы.

— Амелия, вы сегодня витаєте в облаках, — заметила преподавательница, и она вздрогнула, захлопывая тетрадь.

Вторая пара. Третья. Немецкого в расписании не было. Она знала это с самого утра — и все равно высматривала его в коридорах, вздрагивала от каждого мужского силуэта. Его не было. Нигде. Словно он вообще не пришел сегодня в университет.

К концу третьей пары Амелия больше не могла терпеть. Ей требовалось увидеть его, услышать его голос, просто убедиться, что вчерашний вечер не приснился. Она судорожно придумывала предлог — и придумала.

Кафедра иностранных языков находилась в дальнем крыле. Амелия никогда там не была. Студенты без особой надобности туда не ходили: кафедра считалась территорией преподавателей, местом, куда заходят либо по серьезному вопросу, либо по вызову.

Она толкнула тяжелую дверь и вошла в узкий коридор, пропахший кофе и мелом. Сердце бухало в груди, как пойманная птица. За одной из дверей слышались голоса. Она прошла мимо, глядя в таблички: «Зав. кафедрой», «Лаборантская», «Преподавательская»

Внезапно дверь преподавательской открылась, и оттуда вышел он.

Амелия замерла. В одной руке Ян держал стопку тетрадей, в другой — стаканчик с кофе. Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами, и ее взгляд невольно скользнул по сильным предплечьям, по кистям рук — на правой костяшке темнел пластырь.

Он поднял глаза и увидел ее. Остановился.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В коридоре было тихо, только откуда-то издали доносился монотонный голос лектора. Амелия чувствовала, как внутри все тает, как исчезает страх, неуверенность, вчерашняя боль — все уходит, растворяется в теплой волне, поднимающейся откуда-то из солнечного сплетения. Вот он. Настоящий. Живой. Смотрит на нее — и в его карих глазах она видит то же смятение, ту же радость, то же мучительное, невозможное счастье.

— Амелия, — произнес он. Получилось хрипло. — Вы что вы здесь делаете?

— Я — она запнулась, потому что все заготовленные предлоги вылетели из головы. — Я хотела уточнить насчет списка литературы к семинару.

Вранье было таким прозрачным, что он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Списка литературы, — повторил он, и в голосе прозвучала теплая ирония. — Конечно. Он шагнул к ней и, понизив голос, сказал:

— Погода сегодня прекрасная. Просто невероятная для марта. Может быть прогуляемся после пар? Я покажу вам одно место.

— Да, — ответила она быстрее, чем успела подумать.

Весь оставшийся день пролетел как в тумане. Она кивала однокурсникам, что-то записывала, отвечала на вопросы — но мысли ее были далеко. Тело звенело от предвкушения. Она чувствовала себя воздушным шариком, который вот-вот оторвется от земли и улетит в небо.

После последней пары она вышла из университета и увидела его машину — темно-синий внедорожник, припаркованный чуть поодаль от главного входа, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ян стоял у открытой дверцы и ждал ее. Ветер трепал его волосы, и он щурился от яркого весеннего солнца.

— Садитесь, — сказал он, распахивая перед ней дверцу.

В салоне пахло кожей и его парфюмом. Амелия утонула в сиденье, не зная, куда деть руки. Он сел за руль, бросил на нее короткий взгляд — и улыбнулся.

— Пристегнитесь.

Машина мягко тронулась с места. Город постепенно оставался позади: сначала исчезли многоэтажки, потом торговые центры, потом заправки. Начались холмы — пологие, еще по-мартовски рыжие, но уже с первыми пятнами зелени. Дорога вилась серпантинном вверх.

Они говорили обо всем. О его студенчестве в Германии, о ее детстве в этом городе, о смешных случаях на парах, о любимых фильмах и нелюбимых блюдах. Он рассказывал, как однажды, во время пикника с друзьями, заблудился в Баварском лесу, и она смеялась так, что слезы выступили на глазах. Она рассказывала, как в школе на конкурсе чтецов забыла стихотворение и простояла две минуты в гробовой тишине, красная, как рак, а потом убежала со сцены, — и он хохотал, запрокидывая голову.

Никогда в жизни Амелия не была такой легкой. Такой настоящей. Такой красивой — без косметики, с развевающимися волосами, которые она утром даже не собрала в хвост, с сияющими глазами и румянцем во всю щеку. Эта легкость пьянила.

— Приехали, — сказал Ян, сворачивая на смотровую площадку.

Машина остановилась. Впереди, насколько хватало глаз, простирались холмы, залитые золотым вечерним светом. Где-то внизу блестела лента реки, темнели пятна лесов, белели домики далекой деревни. Небо было высоким и прозрачным, с первыми бледными звездами на востоке.

— Какая красота, — выдохнула Амелия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на пейзаж, а на нее, — Я часто езжу по выходным за город. Люблю открывать для себя новые места, где нет людей.

Он заглушил двигатель и повернулся к ней. В салоне вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как где-то далеко поет птица. Его рука потянулась к ее лицу, пальцы осторожно убрали прядь волос, упавшую на щеку.

— Амелия, — прошептал он. — Вы даже не представляете, что со мной делаете.

И поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на вчерашний — осторожный, украденный. Теперь в нем не было сомнений. Он целовал ее долго, глубоко, словно пытался напиться после долгой жажды. Его ладони обхватили ее лицо, большие пальцы гладили скулы. Она отвечала, уже смелее, уже понимая, что и как нужно делать. Их дыхание смешивалось, зубы сталкивались, и это было неловко и восхитительно одновременно. Колени ослабели. Внутри что-то сжималось и разжималось, горячее, как солнечный свет на весенних холмах. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. Никогда.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к ее лбу. Глаза были совсем близко — два темных омота, в которых она тонула с наслаждением.

— Вы с первой нашей встречи захватили мое сердце, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Помните, в коридоре, с этими дурацкими книжками? Вы подняли на меня глаза, и я пропал. Я давно искал такую, как вы. Умную. Скромную. Настоящую. Без всей этой мишуры, без притворства. Чистую.

У Амелии защипало в носу. Она смотрела на него и понимала: вот оно. То, о чем пишут в книгах. То, во что она никогда не верила. Она любит его. До дрожи, до головокружения, до желания отдать всю себя без остатка. Раствориться в нем. Стать его воздухом, его тенью, его продолжением.

— Ян, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим. — Я тоже я так сильно

Она не договорила. Потому что его лицо изменилось.

Это произошло мгновенно. Улыбка погасла. В глазах, только что сиявших теплом, появилась тень — глубокая, темная, болезненная. Он отстранился, и его руки, только что обнимавшие ее, упали на руль.

— Что? — спросила она испуганно. — Что случилось?

Ян молчал. Он смотрел куда-то вперед, на холмы, на закатное небо, и на его лице застыло выражение, которое напугало ее больше, чем вчерашние нападавшие в темном дворе. Это была печаль. Огромная, древняя, безысходная печаль.

— Я должен вам кое-что рассказать, — произнес он наконец. Голос был глухой и надтреснутый. — То, что вы должны знать. Прежде чем прежде чем все зайдет слишком далеко.

Амелия почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тонкая струна, натянутая до предела, лопнула и больно хлестнула по сердцу. Заходящее солнце заливало салон тревожным багряным светом, и в этом свете его профиль казался высеченным из камня — мраморного памятника их будущему, которое может умереть, еще не родившись.

Она то и дело трогала губы — те самые губы, которых вчера касались его губы. Воспоминание о поцелуе вспыхивало в ней каждые несколько минут, и тогда сердце начинало колотиться где-то в горле, а по телу разливалось тепло. Она больше не злилась на его внезапный уход. Она понимала: он испугался. Он — преподаватель, она — студентка. Это действительно неправильно. Но разве сердце спрашивает разрешения?

Первая пара — античная литература. Она честно пыталась слушать про гомеровский эпос, но строчки расплывались перед глазами. В тетради вместо конспекта появились какие-то завитки, цветочки, а потом она поймала себя на том, что выводит его инициалы.

— Амелия, вы сегодня витаєте в облаках, — заметила преподавательница, и она вздрогнула, захлопывая тетрадь.

Вторая пара. Третья. Немецкого в расписании не было. Она знала это с самого утра — и все равно высматривала его в коридорах, вздрагивала от каждого мужского силуэта. Его не было. Нигде. Словно он вообще не пришел сегодня в университет.

К концу третьей пары Амелия больше не могла терпеть. Ей требовалось увидеть его, услышать его голос, просто убедиться, что вчерашний вечер не приснился. Она судорожно придумывала предлог — и придумала.

Кафедра иностранных языков находилась в дальнем крыле. Амелия никогда там не была. Студенты без особой надобности туда не ходили: кафедра считалась территорией преподавателей, местом, куда заходят либо по серьезному вопросу, либо по вызову.

Она толкнула тяжелую дверь и вошла в узкий коридор, пропахший кофе и мелом. Сердце бухало в груди, как пойманная птица. За одной из дверей слышались голоса. Она прошла мимо, взглядываясь в таблички: «Зав. кафедрой», «Лаборантская», «Преподавательская»

Внезапно дверь преподавательской открылась, и оттуда вышел он.

Амелия замерла. В одной руке Ян держал стопку тетрадей, в другой — стаканчик с кофе. Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами, и ее взгляд невольно скользнул по сильным предплечьям, по кистям рук — на правой костяшке темнел пластырь.

Он поднял глаза и увидел ее. Остановился.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В коридоре было тихо, только откуда-то издали доносился монотонный голос лектора. Амелия чувствовала, как внутри все тает, как исчезает страх, неуверенность, вчерашняя боль — все уходит, растворяется в теплой волне, поднимающейся откуда-то из солнечного сплетения. Вот он. Настоящий. Живой. Смотрит на нее — и в его карих глазах она видит то же смятение, ту же радость, то же мучительное, невозможное счастье.

— Амелия, — произнес он. Получилось хрипло. — Вы что вы здесь делаете?

— Я — она запнулась, потому что все заготовленные предлоги вылетели из головы. — Я хотела уточнить насчет списка литературы к семинару.

Вранье было таким прозрачным, что он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Списка литературы, — повторил он, и в голосе прозвучала теплая ирония. — Конечно. Он шагнул к ней и, понизив голос, сказал:

— Погода сегодня прекрасная. Просто невероятная для марта. Может быть прогуляемся после пар? Я покажу вам одно место.

— Да, — ответила она быстрее, чем успела подумать.

Весь оставшийся день пролетел как в тумане. Она кивала однокурсникам, что-то записывала, отвечала на вопросы — но мысли ее были далеко. Тело звенело от предвкушения. Она чувствовала себя воздушным шариком, который вот-вот оторвется от земли и улетит в небо.

После последней пары она вышла из университета и увидела его машину — темно-синий внедорожник, припаркованный чуть поодаль от главного входа, чтобы не привлекать лишнего

внимания. Ян стоял у открытой дверцы и ждал ее. Ветер трепал его волосы, и он шурился от яркого весеннего солнца.

— Садитесь, — сказал он, распахивая перед ней дверцу.

В салоне пахло кожей и его парфюмом. Амелия утонула в сиденье, не зная, куда деть руки. Он сел за руль, бросил на нее короткий взгляд — и улыбнулся.

— Пристегнитесь.

Машина мягко тронулась с места. Город постепенно оставался позади: сначала исчезли многоэтажки, потом торговые центры, потом заправки. Начались холмы — пологие, еще по-мартовски рыжие, но уже с первыми пятнами зелени. Дорога вилась серпантином вверх.

Они говорили обо всем. О его студенчестве в Германии, о ее детстве в этом городе, о смешных случаях на парах, о любимых фильмах и нелюбимых блюдах. Он рассказывал, как однажды, во время пикника с друзьями, заблудился в Баварском лесу, и она смеялась так, что слезы выступили на глазах. Она рассказывала, как в школе на конкурсе чтецов забыла стихотворение и простояла две минуты в гробовой тишине, красная, как рак, а потом убежала со сцены, — и он хохотал, запрокидывая голову.

Никогда в жизни Амелия не была такой легкой. Такой настоящей. Такой красивой — без косметики, с развевающимися волосами, которые она утром даже не собрала в хвост, с сияющими глазами и румянцем во всю щеку. Эта легкость пьянила.

— Приехали, — сказал Ян, сворачивая на смотровую площадку.

Машина остановилась. Впереди, насколько хватало глаз, простирались холмы, залитые золотым вечерним светом. Где-то внизу блестела лента реки, темнели пятна лесов, белели домики далекой деревни. Небо было высоким и прозрачным, с первыми бледными звездами на востоке.

— Какая красота, — выдохнула Амелия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на пейзаж, а на нее, — Я часто езжу по выходным за город. Люблю открывать для себя новые места, где нет людей.

Он заглушил двигатель и повернулся к ней. В салоне вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как где-то далеко поет птица. Его рука потянулась к ее лицу, пальцы осторожно убрали прядь волос, упавшую на щеку.

— Амелия, — прошептал он. — Вы даже не представляете, что со мной делаете.

И поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на вчерашний — осторожный, украденный. Теперь в нем не было сомнений. Он целовал ее долго, глубоко, словно пытался напиться после долгой жажды. Его ладони обхватили ее лицо, большие пальцы гладили скулы. Она отвечала, уже смелее, уже понимая, что и как нужно делать. Их дыхание смешивалось, зубы сталкивались, и это было неловко и восхитительно одновременно. Колени ослабели. Внутри что-то сжималось и разжималось, горячее, как солнечный свет на весенних холмах. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. Никогда.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к ее лбу. Глаза были совсем близко — два темных омота, в которых она тонула с наслаждением.

— Вы с первой нашей встречи захватили мое сердце, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Помните, в коридоре, с этими дурацкими книжками? Вы подняли на меня глаза, и я пропал. Я давно искал такую, как вы. Умную. Скромную. Настоящую. Без всей этой мишуры, без притворства. Чистую.

У Амелии защипало в носу. Она смотрела на него и понимала: вот оно. То, о чем пишут в книгах. То, во что она никогда не верила. Она любит его. До дрожи, до головокружения, до желания отдать всю себя без остатка. Раствориться в нем. Стать его воздухом, его тенью, его продолжением.

— Ян, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим. — Я тоже я так сильно

Она не договорила. Потому что его лицо изменилось.

Это произошло мгновенно. Улыбка погасла. В глазах, только что сиявших теплом, появилась тень — глубокая, темная, болезненная. Он отстранился, и его руки, только что обнимавшие ее, упали на руль.

— Что? — спросила она испуганно. — Что случилось?

Ян молчал. Он смотрел куда-то вперед, на холмы, на закатное небо, и на его лице застыло выражение, которое напугало ее больше, чем вчерашние нападавшие в темном дворе. Это была печаль. Огромная, древняя, безысходная печаль.

— Я должен вам кое-что рассказать, — произнес он наконец. Голос был глухой и надтреснутый. — То, что вы должны знать. Прежде чем прежде чем все зайдет слишком далеко.

Амелия почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тонкая струна, натянутая до предела, лопнула и больно хлестнула по сердцу. Заходящее солнце заливало салон тревожным багряным светом, и в этом свете его профиль казался высеченным из камня — мраморного памятника их будущему, которое может умереть, еще не родившись.

Она то и дело трогала губы — те самые губы, которых вчера касались его губы. Воспоминание о поцелуе вспыхивало в ней каждые несколько минут, и тогда сердце начинало колотиться где-то в горле, а по телу разливалось тепло. Она больше не злилась на его внезапный уход. Она понимала: он испугался. Он — преподаватель, она — студентка. Это действительно неправильно. Но разве сердце спрашивает разрешения?

Первая пара — античная литература. Она честно пыталась слушать про гомеровский эпос, но строчки расплывались перед глазами. В тетради вместо конспекта появились какие-то завитки, цветочки, а потом она поймала себя на том, что выводит его инициалы.

— Амелия, вы сегодня витаєте в облаках, — заметила преподавательница, и она вздрогнула, захлопывая тетрадь.

Вторая пара. Третья. Немецкого в расписании не было. Она знала это с самого утра — и все равно высматривала его в коридорах, вздрагивала от каждого мужского силуэта. Его не было. Нигде. Слово он вообще не пришел сегодня в университет.

К концу третьей пары Амелия больше не могла терпеть. Ей требовалось увидеть его, услышать его голос, просто убедиться, что вчерашний вечер не приснился. Она судорожно придумывала предлог — и придумала.

Кафедра иностранных языков находилась в дальнем крыле. Амелия никогда там не была. Студенты без особой надобности туда не ходили: кафедра считалась территорией преподавателей, местом, куда заходят либо по серьезному вопросу, либо по вызову.

Она толкнула тяжелую дверь и вошла в узкий коридор, пропахший кофе и мелом. Сердце бухало в груди, как пойманная птица. За одной из дверей слышались голоса. Она прошла мимо, взглядываясь в таблички: «Зав. кафедрой», «Лаборантская», «Преподавательская»

Внезапно дверь преподавательской открылась, и оттуда вышел он.

Амелия замерла. В одной руке Ян держал стопку тетрадей, в другой — стаканчик с кофе. Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами, и ее взгляд невольно скользнул по сильным предплечьям, по кистям рук — на правой костяшке темнел пластырь.

Он поднял глаза и увидел ее. Остановился.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В коридоре было тихо, только откуда-то издали доносился монотонный голос лектора. Амелия чувствовала, как внутри все тает, как исчезает страх, неуверенность, вчерашняя боль — все уходит, растворяется в теплой волне, поднимающейся откуда-то из солнечного сплетения. Вот он. Настоящий. Живой. Смотрит на нее — и в его карих глазах она видит то же смятение, ту же радость, то же мучительное, невозможное счастье.

— Амелия, — произнес он. Получилось хрипло. — Вы что вы здесь делаете?

— Я — она запнулась, потому что все заготовленные предлоги вылетели из головы. — Я хотела уточнить насчет списка литературы к семинару.

Вранье было таким прозрачным, что он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Списка литературы, — повторил он, и в голосе прозвучала теплая ирония. — Конечно. Он шагнул к ней и, понизив голос, сказал:

— Погода сегодня прекрасная. Просто невероятная для марта. Может быть прогуляемся после пар? Я покажу вам одно место.

— Да, — ответила она быстрее, чем успела подумать.

Весь оставшийся день пролетел как в тумане. Она кивала однокурсникам, что-то записывала, отвечала на вопросы — но мысли ее были далеко. Тело звенело от предвкушения. Она чувствовала себя воздушным шариком, который вот-вот оторвется от земли и улетит в небо.

После последней пары она вышла из университета и увидела его машину — темно-синий внедорожник, припаркованный чуть поодаль от главного входа, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ян стоял у открытой дверцы и ждал ее. Ветер трепал его волосы, и он шурился от яркого весеннего солнца.

— Садитесь, — сказал он, распахивая перед ней дверцу.

В салоне пахло кожей и его парфюмом. Амелия утонула в сиденье, не зная, куда деть руки. Он сел за руль, бросил на нее короткий взгляд — и улыбнулся.

— Пристегнитесь.

Машина мягко тронулась с места. Город постепенно оставался позади: сначала исчезли многоэтажки, потом торговые центры, потом заправки. Начались холмы — пологие, еще помартовски рыжие, но уже с первыми пятнами зелени. Дорога вилась серпантином вверх.

Они говорили обо всем. О его студенчестве в Германии, о ее детстве в этом городе, о смешных случаях на парах, о любимых фильмах и нелюбимых блюдах. Он рассказывал, как однажды, во время пикника с друзьями, заблудился в Баварском лесу, и она смеялась так, что слезы выступили на глазах. Она рассказывала, как в школе на конкурсе чтецов забыла стихотворение и простояла две минуты в гробовой тишине, красная, как рак, а потом убежала со сцены, — и он хохотал, запрокидывая голову.

Никогда в жизни Амелия не была такой легкой. Такой настоящей. Такой красивой — без косметики, с развевающимися волосами, которые она утром даже не собрала в хвост, с сияющими глазами и румянцем во всю щеку. Эта легкость пьянила.

— Приехали, — сказал Ян, сворачивая на смотровую площадку.

Машина остановилась. Впереди, насколько хватало глаз, простирались холмы, залитые золотым вечерним светом. Где-то внизу блестела лента реки, темнели пятна лесов, белели домики далекой деревни. Небо было высоким и прозрачным, с первыми бледными звездами на востоке.

— Какая красота, — выдохнула Амелия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на пейзаж, а на нее, — Я часто езжу по выходным за город. Люблю открывать для себя новые места, где нет людей.

Он заглушил двигатель и повернулся к ней. В салоне вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как где-то далеко поет птица. Его рука потянулась к ее лицу, пальцы осторожно убрали прядь волос, упавшую на щеку.

— Амелия, — прошептал он. — Вы даже не представляете, что со мной делаете.

И поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на вчерашний — осторожный, украденный. Теперь в нем не было сомнений. Он целовал ее долго, глубоко, словно пытался напиться после долгой жажды. Его ладони обхватили ее лицо, большие пальцы гладили скулы. Она отвечала, уже смелее, уже

понимая, что и как нужно делать. Их дыхание смешивалось, зубы сталкивались, и это было неловко и восхитительно одновременно. Колени ослабели. Внутри что-то сжималось и разжималось, горячее, как солнечный свет на весенних холмах. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. Никогда.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к ее лбу. Глаза были совсем близко — два темных омота, в которых она тонула с наслаждением.

— Вы с первой нашей встречи захватили мое сердце, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Помните, в коридоре, с этими дурацкими книжками? Вы подняли на меня глаза, и я пропал. Я давно искал такую, как вы. Умную. Скромную. Настоящую. Без всей этой мишуры, без притворства. Чистую.

У Амелии защипало в носу. Она смотрела на него и понимала: вот оно. То, о чем пишут в книгах. То, во что она никогда не верила. Она любит его. До дрожи, до головокружения, до желания отдать всю себя без остатка. Раствориться в нем. Стать его воздухом, его тенью, его продолжением.

— Ян, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим. — Я тоже я так сильно

Она не договорила. Потому что его лицо изменилось.

Это произошло мгновенно. Улыбка погасла. В глазах, только что сиявших теплом, появилась тень — глубокая, темная, болезненная. Он отстранился, и его руки, только что обнимавшие ее, упали на руль.

— Что? — спросила она испуганно. — Что случилось?

Ян молчал. Он смотрел куда-то вперед, на холмы, на закатное небо, и на его лице застыло выражение, которое напугало ее больше, чем вчерашние нападавшие в темном дворе. Это была печаль. Огромная, древняя, безысходная печаль.

— Я должен вам кое-что рассказать, — произнес он наконец. Голос был глухой и надтреснутый. — То, что вы должны знать. Прежде чем прежде чем все зайдет слишком далеко.

Амелия почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тонкая струна, натянутая до предела, лопнула и больно хлестнула по сердцу. Заходящее солнце заливало салон тревожным багряным светом, и в этом свете его профиль казался высеченным из камня — мраморного памятника их будущему, которое может умереть, еще не родившись.

Она то и дело трогала губы — те самые губы, которых вчера касались его губы. Воспоминание о поцелуе вспыхивало в ней каждые несколько минут, и тогда сердце начинало колотиться где-то в горле, а по телу разливалось тепло. Она больше не злилась на его внезапный уход. Она понимала: он испугался. Он — преподаватель, она — студентка. Это действительно неправильно. Но разве сердце спрашивает разрешения?

Первая пара — античная литература. Она честно пыталась слушать про гомеровский эпос, но строчки расплывались перед глазами. В тетради вместо конспекта появились какие-то завитки, цветочки, а потом она поймала себя на том, что выводит его инициалы.

— Амелия, вы сегодня витаєте в облаках, — заметила преподавательница, и она вздрогнула, захлопывая тетрадь.

Вторая пара. Третья. Немецкого в расписании не было. Она знала это с самого утра — и все равно высматривала его в коридорах, вздрагивала от каждого мужского силуэта. Его не было. Нигде. Словно он вообще не пришел сегодня в университет.

К концу третьей пары Амелия больше не могла терпеть. Ей требовалось увидеть его, услышать его голос, просто убедиться, что вчерашний вечер не приснился. Она судорожно придумывала предлог — и придумала.

Кафедра иностранных языков находилась в дальнем крыле. Амелия никогда там не была. Студенты без особой надобности туда не ходили: кафедра считалась территорией преподавателей, местом, куда заходят либо по серьезному вопросу, либо по вызову.

Она толкнула тяжелую дверь и вошла в узкий коридор, пропахший кофе и мелом. Сердце бухало в груди, как пойманная птица. За одной из дверей слышались голоса. Она прошла мимо, вглядываясь в таблички: «Зав. кафедрой», «Лаборантская», «Преподавательская»

Внезапно дверь преподавательской открылась, и оттуда вышел он.

Амелия замерла. В одной руке Ян держал стопку тетрадей, в другой — стаканчик с кофе. Он был в светлой рубашке с закатанными рукавами, и ее взгляд невольно скользнул по сильным предплечьям, по кистям рук — на правой костяшке темнел пластырь.

Он поднял глаза и увидел ее. Остановился.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. В коридоре было тихо, только откуда-то издали доносился монотонный голос лектора. Амелия чувствовала, как внутри все тает, как исчезает страх, неуверенность, вчерашняя боль — все уходит, растворяется в теплой волне, поднимающейся откуда-то из солнечного сплетения. Вот он. Настоящий. Живой. Смотрит на нее — и в его карих глазах она видит то же смятение, ту же радость, то же мучительное, невозможное счастье.

— Амелия, — произнес он. Получилось хрипло. — Вы что вы здесь делаете?

— Я — она запнулась, потому что все заготовленные предлоги вылетели из головы. — Я хотела уточнить насчет списка литературы к семинару.

Вранье было таким прозрачным, что он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у нее подкашивались колени.

— Списка литературы, — повторил он, и в голосе прозвучала теплая ирония. — Конечно. Он шагнул к ней и, понизив голос, сказал:

— Погода сегодня прекрасная. Просто невероятная для марта. Может быть прогуляемся после пар? Я покажу вам одно место.

— Да, — ответила она быстрее, чем успела подумать.

Весь оставшийся день пролетел как в тумане. Она кивала однокурсникам, что-то записывала, отвечала на вопросы — но мысли ее были далеко. Тело звенело от предвкушения. Она чувствовала себя воздушным шариком, который вот-вот оторвется от земли и улетит в небо.

После последней пары она вышла из университета и увидела его машину — темно-синий внедорожник, припаркованный чуть поодаль от главного входа, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ян стоял у открытой дверцы и ждал ее. Ветер трепал его волосы, и он щурился от яркого весеннего солнца.

— Садитесь, — сказал он, распахивая перед ней дверцу.

В салоне пахло кожей и его парфюмом. Амелия утонула в сиденье, не зная, куда деть руки. Он сел за руль, бросил на нее короткий взгляд — и улыбнулся.

— Пристегнитесь.

Машина мягко тронулась с места. Город постепенно оставался позади: сначала исчезли многоэтажки, потом торговые центры, потом заправки. Начались холмы — пологие, еще по-мартовски рыжие, но уже с первыми пятнами зелени. Дорога вилась серпантинном вверх.

Они говорили обо всем. О его студенчестве в Германии, о ее детстве в этом городе, о смешных случаях на парах, о любимых фильмах и нелюбимых блюдах. Он рассказывал, как однажды, во время пикника с друзьями, заблудился в Баварском лесу, и она смеялась так, что слезы выступили на глазах. Она рассказывала, как в школе на конкурсе чтецов забыла стихотворение и простояла две минуты в гробовой тишине, красная, как рак, а потом убежала со сцены, — и он хохотал, запрокидывая голову.

Никогда в жизни Амелия не была такой легкой. Такой настоящей. Такой красивой — без косметики, с развевающимися волосами, которые она утром даже не собрала в хвост, с сияющими глазами и румянцем во всю щеку. Эта легкость пьянила.

— Приехали, — сказал Ян, сворачивая на смотровую площадку.

Машина остановилась. Впереди, насколько хватало глаз, простирались холмы, залитые золотым вечерним светом. Где-то внизу блестела лента реки, темнели пятна лесов, белели домики далекой деревни. Небо было высоким и прозрачным, с первыми бледными звездами на востоке.

— Какая красота, — выдохнула Амелия.

— Да, — ответил он, но смотрел не на пейзаж, а на нее, — Я часто езжу по выходным за город. Люблю открывать для себя новые места, где нет людей.

Он заглушил двигатель и повернулся к ней. В салоне вдруг стало очень тихо. Слышно было только, как где-то далеко поет птица. Его рука потянулась к ее лицу, пальцы осторожно убрали прядь волос, упавшую на щеку.

— Амелия, — прошептал он. — Вы даже не представляете, что со мной делаете.

И поцеловал.

Этот поцелуй был не похож на вчерашний — осторожный, украденный. Теперь в нем не было сомнений. Он целовал ее долго, глубоко, словно пытался напиться после долгой жажды. Его ладони обхватили ее лицо, большие пальцы гладили скулы. Она отвечала, уже смелее, уже понимая, что и как нужно делать. Их дыхание смешивалось, зубы сталкивались, и это было неловко и восхитительно одновременно. Колени ослабели. Внутри что-то сжималось и разжималось, горячее, как солнечный свет на весенних холмах. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. Никогда.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб прижался к ее лбу. Глаза были совсем близко — два темных омота, в которых она тонула с наслаждением.

— Вы с первой нашей встречи захватили мое сердце, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Помните, в коридоре, с этими дурацкими книжками? Вы подняли на меня глаза, и я пропал. Я давно искал такую, как вы. Умную. Скромную. Настоящую. Без всей этой мишуры, без притворства. Чистую.

У Амелии защипало в носу. Она смотрела на него и понимала: вот оно. То, о чем пишут в книгах. То, во что она никогда не верила. Она любит его. До дрожи, до головокружения, до желания отдать всю себя без остатка. Раствориться в нем. Стать его воздухом, его тенью, его продолжением.

— Ян, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим. — Я тоже я так сильно

Она не договорила. Потому что его лицо изменилось.

Это произошло мгновенно. Улыбка погасла. В глазах, только что сиявших теплом, появилась тень — глубокая, темная, болезненная. Он отстранился, и его руки, только что обнимавшие ее, упали на руль.

— Что? — спросила она испуганно. — Что случилось?

Ян молчал. Он смотрел куда-то вперед, на холмы, на закатное небо, и на его лице застыло выражение, которое напугало ее больше, чем вчерашние нападавшие в темном дворе. Это была печаль. Огромная, древняя, безысходная печаль.

— Я должен вам кое-что рассказать, — произнес он наконец. Голос был глухой и надтреснутый. — То, что вы должны знать. Прежде чем прежде чем все зайдет слишком далеко.

Амелия почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Тонкая струна, натянутая до предела, лопнула и больно хлестнула по сердцу. Заходящее солнце заливало салон тревожным багряным светом, и в этом свете его профиль казался высеченным из камня — мраморного памятника их будущему, которое может умереть, еще не родившись.

Глава 7. Силуэт в небе

— Ты женат? — выдохнула Амелия, и голос ее прозвучал глухо, будто из-под воды.

Накрыло сразу. Черной волной, липким ужасом. Она ведь действительно ничего о нем не знает. Ничего. Кто он? Откуда? Почему в тридцать с лишним один? Такие мужчины не бывают одинокими. Таких мужчин разбирают, как горячие пирожки, и не отпускают. Она — серая мышь, невидимка, — и она поверила, что такой человек мог просто взять и влюбиться в нее? Как глупо. Как непроходимо, чудовищно глупо.

Ян удивленно посмотрел на нее. А потом вдруг расхохотался. Смех был искренним, почти мальчишеским, и от этого смеха волна ужаса схлынула так же внезапно, как и накатила.

— Господи, нет! — выдохнул он, все еще посмеиваясь. — Нет, Амелия. Я не женат. И никогда не был.

Она выдохнула. Облегчение оказалось почти физическим — словно с груди сняли бетонную плиту. Все остальное неважно. Совершенно неважно. Что бы он ни собирался ей рассказать — это не сможет быть хуже. Между ними нет преграды. Нет кольца на его пальце. Нет другой женщины, которая имеет на него права.

— Слава богу, — прошептала она, и слезы облегчения покатались по щекам.

Он хотел что-то сказать — она видела, как шевельнулись его губы, как он набрал воздух для каких-то важных, трудных слов. Но она не дала ему договорить.

Амелия подалась вперед и поцеловала его сама. Первая. Это было смело, немислимо, совершенно на нее не похоже — и оттого еще более пьяняще. Она обхватила его лицо ладонями, притянула к себе и поцеловала — глубоко, отчаянно, вкладывая в этот поцелуй всю свою благодарность за то, что он свободен. Свободен и с ней.

Ян ответил мгновенно. Его руки скользнули по ее плечам, по спине, прижали ее к себе с такой силой, что дыхание перехватило. Поцелуй стал жадным, требовательным, голодным. Она чувствовала, как его пальцы зарываются в ее волосы, как его дыхание становится частым и горячим. Мир за окнами машины перестал существовать. Были только они двое, и холмы вокруг, и багровый закат, и эта невыносимая, сладкая близость.

— Что ты хотел сказать? — прошептала она, когда они наконец оторвались друг от друга, чтобы глотнуть воздуха. Губы горели. Голова кружилась.

— Потом, — выдохнул он. Его глаза потемнели, стали почти черными. — Все потом.

И он снова поцеловал ее.

На этот раз поцелуй был другим — медленным, тягучим, исследовательским. Его губы спустились ниже, к шее, к ямочке над ключицей, и по телу Амелии пробежала дрожь, какой она не знала никогда в жизни. Его руки путешествовали по ее телу — плечи, талия, бедра. Пальцы скользили по позвоночнику, очерчивали контуры, изучали. Она чувствовала себя инструментом, на котором играет виртуоз. Каждое прикосновение рождало новую ноту, новый оттенок этого странного, незнакомого ей прежде желания.

— Ян, — выдохнула она, не узнавая собственный голос. Он звучал низко и страстно, как звучат голоса женщин в кино.

Он оторвался от нее с видимым усилием, и она заметила, что руки его дрожат.

— Нам пора возвращаться, — сказал он хрипло. — Пока я не сделал того, о чем мы оба можем пожалеть.

Она не сказала ему, что ни о чем бы не пожалела. Не сейчас. Не с ним

Ночью Амелия не могла уснуть. Она ворочалась в постели, сбрасывала одеяло, снова натягивала. В квартире было душно, впервые за много лет. Стены, всегда дарившие ей уют и

защиту, теперь давили. Хотелось воздуха. Хотелось свободы. Она хотела его — рядом, здесь, сейчас.

Амелия встала, накинула плед и босиком прошла на балкон.

Весенняя ночь ударила в лицо прохладой и влажностью. Пахло талой водой, сырой землей и чем-то цветочным, едва уловимым. Город внизу мерцал огнями, но небо над ним было ясным и звездным. Амелия вдохнула полной грудью. Прохлада немного отрезвила, но не погасила того огня, что горел внутри с того самого мгновения в машине, когда она первой поцеловала его.

Она думала о нем. О своих чувствах. О том, что сегодняшний вечер все изменил. Страсть затмила разум — теперь она понимала это выражение. Он не шутил, не играл, не был вежливым преподавателем с дешевым флиртом. Он хотел ее. По-настоящему. И она хотела его. И она была готова. Готова потерять невинность с этим мужчиной — отдать ему то, что берегла так долго сама не зная для кого.

От этой мысли стало жарко, несмотря на ночную прохладу.

Амелия подняла глаза к небу и замерла.

Там, среди звезд, что-то сияло. Сначала ей показалось — фейерверк, или спутник, или какое-то атмосферное явление. Но сияние росло, ширилось, и вдруг обрело форму. Огромный, переливающийся серебристо-голубым светом силуэт. Крылья. Хвост. Изогнутая шея. Это было похоже на дракона? Призрачного, сотканного из звездного света дракона, парящего в вышине.

Она зажмурилась.

Небо снова стало темным. Никакого сияния, никакого дракона. Только звезды — холодные, далекие, равнодушным.

— Показалось, — прошептала Амелия, потирая глаза. — Я просто устала.Ф

Она вернулась в комнату, но лечь не стала. Укуталась в плед и села в старое мамино кресло с высокой спинкой. На коленях лежал раскрытый томик Фаулза — «Волхв», ее любимый. Она читала и перечитывала одни и те же строчки, не понимая смысла, и в груди росло что-то огромное, светлое, пугающее.

Когда за окном посерело и первые птицы запели в ветвях, Амелия взяла телефон. Пальцы дрожали, когда она набирала сообщение.

«Я жду тебя сегодня вечером у себя дома».

Ответ пришел через минуту.

«Я буду».

Она улыбнулась. Потом встала, умылась холодной водой и приняла решение. Впервые в жизни она прогуляет пары. Сегодня у нее есть дела поважнее.

Спустя пару часов Амелия шла по магазинам, выбирая то, о чем раньше даже не думала: красивое белье, шелковый халат, духи с тонким ароматом. И с каждым часом серая мышь отступала в тень, а на свет выходила другая Амелия — женщина, готовая любить и быть любимой. Женщина, чья скучная, размеренная, предсказуемая жизнь изменится этой ночью.

Навсегда.

Накрыло сразу. Черной волной, липким ужасом. Она ведь действительно ничего о нем не знает. Ничего. Кто он? Откуда? Почему в тридцать с лишним один? Такие мужчины не бывают одинокими. Таких мужчин разбирают, как горячие пирожки, и не отпускают. Она — серая мышь, невидимка, — и она поверила, что такой человек мог просто взять и влюбиться в нее? Как глупо. Как непроходимо, чудовищно глупо.

Ян удивленно посмотрел на нее. А потом вдруг расхохотался. Смех был искренним, почти мальчишеским, и от этого смеха волна ужаса схлынула так же внезапно, как и накатила.

— Господи, нет! — выдохнул он, все еще посмеиваясь. — Нет, Амелия. Я не женат. И никогда не был.

Она выдохнула. Облегчение оказалось почти физическим — словно с груди сняли бетонную плиту. Все остальное неважно. Совершенно неважно. Что бы он ни собирался ей рассказать — это не сможет быть хуже. Между ними нет преграды. Нет кольца на его пальце. Нет другой женщины, которая имеет на него права.

— Слава богу, — прошептала она, и слезы облегчения покатались по щекам.

Он хотел что-то сказать — она видела, как шевельнулись его губы, как он набрал воздух для каких-то важных, трудных слов. Но она не дала ему договорить.

Амелия подалась вперед и поцеловала его сама. Первая. Это было смело, немислимо, совершенно на нее не похоже — и оттого еще более пьяняще. Она обхватила его лицо ладонями, притянула к себе и поцеловала — глубоко, отчаянно, вкладывая в этот поцелуй всю свою благодарность за то, что он свободен. Свободен и с ней.

Ян ответил мгновенно. Его руки скользнули по ее плечам, по спине, прижали ее к себе с такой силой, что дыхание перехватило. Поцелуй стал жадным, требовательным, голодным. Она чувствовала, как его пальцы зарываются в ее волосы, как его дыхание становится частым и горячим. Мир за окнами машины перестал существовать. Были только они двое, и холмы вокруг, и багровый закат, и эта невыносимая, сладкая близость.

— Что ты хотел сказать? — прошептала она, когда они наконец оторвались друг от друга, чтобы глотнуть воздуха. Губы горели. Голова кружилась.

— Потом, — выдохнул он. Его глаза потемнели, стали почти черными. — Все потом.

И он снова поцеловал ее.

На этот раз поцелуй был другим — медленным, тягучим, исследовательским. Его губы спустились ниже, к шее, к ямочке над ключицей, и по телу Амелии пробежала дрожь, какой она не знала никогда в жизни. Его руки путешествовали по ее телу — плечи, талия, бедра. Пальцы скользили по позвоночнику, очерчивали контуры, изучали. Она чувствовала себя инструментом, на котором играет виртуоз. Каждое прикосновение рождало новую ноту, новый оттенок этого странного, незнакомого ей прежде желания.

— Ян, — выдохнула она, не узнавая собственный голос. Он звучал низко и страстно, как звучат голоса женщин в кино.

Он оторвался от нее с видимым усилием, и она заметила, что руки его дрожат.

— Нам пора возвращаться, — сказал он хрипло. — Пока я не сделал того, о чем мы оба можем пожалеть.

Она не сказала ему, что ни о чем бы не пожалела. Не сейчас. Не с ним

Ночью Амелия не могла уснуть. Она ворочалась в постели, сбрасывала одеяло, снова натягивала. В квартире было душно, впервые за много лет. Стены, всегда дарившие ей уют и защиту, теперь давили. Хотелось воздуха. Хотелось свободы. Она хотела его — рядом, здесь, сейчас.

Амелия встала, накинула плед и босиком прошла на балкон.

Весенняя ночь ударила в лицо прохладой и влажностью. Пахло талой водой, сырой землей и чем-то цветочным, едва уловимым. Город внизу мерцал огнями, но небо над ним было ясным и звездным. Амелия вдохнула полной грудью. Прохлада немного отрезвила, но не погасила того огня, что горел внутри с того самого мгновения в машине, когда она первой поцеловала его.

Она думала о нем. О своих чувствах. О том, что сегодняшний вечер все изменил. Страсть затмила разум — теперь она понимала это выражение. Он не шутил, не играл, не был вежливым преподавателем с дешевым флиртом. Он хотел ее. По-настоящему. И она хотела его. И она была готова. Готова потерять невинность с этим мужчиной — отдать ему то, что берегла так долго сама не зная для кого.

От этой мысли стало жарко, несмотря на ночную прохладу.

Амелия подняла глаза к небу и замерла.

Там, среди звезд, что-то сияло. Сначала ей показалось — фейерверк, или спутник, или какое-то атмосферное явление. Но сияние росло, ширилось, и вдруг обрело форму. Огромный, переливающийся серебристо-голубым светом силуэт. Крылья. Хвост. Изогнутая шея. Это было похоже на дракона? Призрачного, сотканного из звездного света дракона, парящего в вышине.

Она зажмурилась.

Небо снова стало темным. Никакого сияния, никакого дракона. Только звезды — холодные, далекие, равнодушным.

— Показалось, — прошептала Амелия, потирая глаза. — Я просто устала.Ф

Она вернулась в комнату, но лечь не стала. Укуталась в плед и села в старое мамино кресло с высокой спинкой. На коленях лежал раскрытый томик Фаулза — «Волхв», ее любимый. Она читала и перечитывала одни и те же строчки, не понимая смысла, и в груди росло что-то огромное, светлое, пугающее.

Когда за окном посерело и первые птицы запели в ветвях, Амелия взяла телефон. Пальцы дрожали, когда она набирала сообщение.

«Я жду тебя сегодня вечером у себя дома».

Ответ пришел через минуту.

«Я буду».

Она улыбнулась. Потом встала, умылась холодной водой и приняла решение. Впервые в жизни она прогуляет пары. Сегодня у нее есть дела поважнее.

Спустя пару часов Амелия шла по магазинам, выбирая то, о чем раньше даже не думала: красивое белье, шелковый халат, духи с тонким ароматом. И с каждым часом серая мышь отступала в тень, а на свет выходила другая Амелия — женщина, готовая любить и быть любимой. Женщина, чья скучная, размеренная, предсказуемая жизнь изменится этой ночью.

Навсегда.

Накрыло сразу. Черной волной, липким ужасом. Она ведь действительно ничего о нем не знает. Ничего. Кто он? Откуда? Почему в тридцать с лишним один? Такие мужчины не бывают одиноками. Таких мужчин разбирают, как горячие пирожки, и не отпускают. Она — серая мышь, невидимка, — и она поверила, что такой человек мог просто взять и влюбиться в нее? Как глупо. Как непроходимо, чудовищно глупо.

Ян удивленно посмотрел на нее. А потом вдруг расхохотался. Смех был искренним, почти мальчишеским, и от этого смеха волна ужаса схлынула так же внезапно, как и накатила.

— Господи, нет! — выдохнул он, все еще посмеиваясь. — Нет, Амелия. Я не женат. И никогда не был.

Она выдохнула. Облегчение оказалось почти физическим — словно с груди сняли бетонную плиту. Все остальное неважно. Совершенно неважно. Что бы он ни собирался ей рассказать — это не сможет быть хуже. Между ними нет преграды. Нет кольца на его пальце. Нет другой женщины, которая имеет на него права.

— Слава богу, — прошептала она, и слезы облегчения покатались по щекам.

Он хотел что-то сказать — она видела, как шевельнулись его губы, как он набрал воздух для каких-то важных, трудных слов. Но она не дала ему договорить.

Амелия подалась вперед и поцеловала его сама. Первая. Это было смело, немислимо, совершенно на нее не похоже — и оттого еще более пьяняще. Она обхватила его лицо ладонями, притянула к себе и поцеловала — глубоко, отчаянно, вкладывая в этот поцелуй всю свою благодарность за то, что он свободен. Свободен и с ней.

Ян ответил мгновенно. Его руки скользнули по ее плечам, по спине, прижали ее к себе с такой силой, что дыхание перехватило. Поцелуй стал жадным, требовательным, голодным. Она чувствовала, как его пальцы зарываются в ее волосы, как его дыхание становится частым

и горячим. Мир за окнами машины перестал существовать. Были только они двое, и холмы вокруг, и багровый закат, и эта невыносимая, сладкая близость.

— Что ты хотел сказать? — прошептала она, когда они наконец оторвались друг от друга, чтобы глотнуть воздуха. Губы горели. Голова кружилась.

— Потом, — выдохнул он. Его глаза потемнели, стали почти черными. — Все потом. И он снова поцеловал ее.

На этот раз поцелуй был другим — медленным, тягучим, исследовательским. Его губы спустились ниже, к шее, к ямочке над ключицей, и по телу Амелии пробежала дрожь, какой она не знала никогда в жизни. Его руки путешествовали по ее телу — плечи, талия, бедра. Пальцы скользили по позвоночнику, очерчивали контуры, изучали. Она чувствовала себя инструментом, на котором играет виртуоз. Каждое прикосновение рождало новую ноту, новый оттенок этого странного, незнакомого ей прежде желания.

— Ян, — выдохнула она, не узнавая собственный голос. Он звучал низко и страстно, как звучат голоса женщин в кино.

Он оторвался от нее с видимым усилием, и она заметила, что руки его дрожат.

— Нам пора возвращаться, — сказал он хрипло. — Пока я не сделал того, о чем мы оба можем пожалеть.

Она не сказала ему, что ни о чем бы не пожалела. Не сейчас. Не с ним

Ночью Амелия не могла уснуть. Она ворочалась в постели, сбрасывала одеяло, снова натягивала. В квартире было душно, впервые за много лет. Стены, всегда дарившие ей уют и защиту, теперь давили. Хотелось воздуха. Хотелось свободы. Она хотела его — рядом, здесь, сейчас.

Амелия встала, накинула плед и босиком прошла на балкон.

Весенняя ночь ударила в лицо прохладой и влажностью. Пахло талой водой, сырой землей и чем-то цветочным, едва уловимым. Город внизу мерцал огнями, но небо над ним было ясным и звездным. Амелия вдохнула полной грудью. Прохлада немного отрезвила, но не погасила того огня, что горел внутри с того самого мгновения в машине, когда она первой поцеловала его.

Она думала о нем. О своих чувствах. О том, что сегодняшний вечер все изменил. Страсть затмила разум — теперь она понимала это выражение. Он не шутил, не играл, не был вежливым преподавателем с дешевым флиртом. Он хотел ее. По-настоящему. И она хотела его. И она была готова. Готова потерять невинность с этим мужчиной — отдать ему то, что берегла так долго сама не зная для кого.

От этой мысли стало жарко, несмотря на ночную прохладу.

Амелия подняла глаза к небу и замерла.

Там, среди звезд, что-то сияло. Сначала ей показалось — фейерверк, или спутник, или какое-то атмосферное явление. Но сияние росло, ширилось, и вдруг обрело форму. Огромный, переливающийся серебристо-голубым светом силуэт. Крылья. Хвост. Изогнутая шея. Это было похоже на дракона? Призрачного, сотканного из звездного света дракона, парящего в вышине.

Она зажмурилась.

Небо снова стало темным. Никакого сияния, никакого дракона. Только звезды — холодные, далекие, равнодушным.

— Показалось, — прошептала Амелия, потирая глаза. — Я просто устала.Ф

Она вернулась в комнату, но лечь не стала. Укуталась в плед и села в старое мамино кресло с высокой спинкой. На коленях лежал раскрытый томик Фаулза — «Волхв», ее любимый. Она читала и перечитывала одни и те же строчки, не понимая смысла, и в груди росло что-то огромное, светлое, пугающее.

Когда за окном посерело и первые птицы запели в ветвях, Амелия взяла телефон. Пальцы дрожали, когда она набирала сообщение.

«Я жду тебя сегодня вечером у себя дома».

Ответ пришел через минуту.

«Я буду».

Она улыбнулась. Потом встала, умылась холодной водой и приняла решение. Впервые в жизни она прогуляет пары. Сегодня у нее есть дела поважнее.

Спустя пару часов Амелия шла по магазинам, выбирая то, о чем раньше даже не думала: красивое белье, шелковый халат, духи с тонким ароматом. И с каждым часом серая мышь отступала в тень, а на свет выходила другая Амелия — женщина, готовая любить и быть любимой. Женщина, чья скучная, размеренная, предсказуемая жизнь изменится этой ночью.

Навсегда.

Глава 8. Инициация

Есть вещи, которые невозможно описать словами, — и именно поэтому о них пишут книги. Тысячи книг. Тысячи лет. Тысячи авторов бьются над одной и той же задачей: поймать любовь за хвост, препарировать, разложить на составляющие. А она ускользает. Любовь — не сумма компонентов. Не формула. Не сюжет. Это стихия. Она приходит не тогда, когда ты готов, а тогда, когда ей вздумается. И ломает все твои планы, все твои защиты, все твои представления о себе.

Амелия думала об этом, стоя у окна и глядя, как вечернее солнце золотит крыши соседних домов. Через час придет он. Через час начнется то, чего она никогда не знала. И сегодня ее жизнь разделится на «до» и «после».

Любовь. Она впустила ее в себя — и та заполнила все пустоты, все трещины, все полости, о существовании которых Амелия даже не подозревала. Оказывается, она была не цельной, а поллой. Оказывается, она ждала его всю жизнь — просто не знала об этом. Каждая прочитанная книга, каждое выученное стихотворение, каждая бессонная ночь с томиком в руках — все это было подготовкой к нему. К Яну. К человеку, который вошел в ее жизнь и переписал ее заново.

Звонок в дверь раздался ровно в восемь.

Она открыла — и на мгновение замерла. Он стоял на пороге с букетом белых тюльпанов и смотрел на нее так, будто видел впервые. На ней было легкое платье — простое, но женственное, купленное сегодня в магазине вместе с тем, что скрывалось под ним. Волосы распущены. Никаких очков, никакой косметики. Только она. Настоящая.

— Ты прекрасна, — сказал он.

И переступил порог.

Они почти не говорили. Слова в этот вечер казались лишними, ненужными. Она поставила цветы в вазу и зажгла свечи — единственный источник света, отбросивший на стены дрожащие золотые тени. Ян подошел к ней медленно, давая время передумать, отступить, испугаться. Но она не боялась. Она ждала.

Первый поцелуй в этот вечер был нежным — медленным, вопросительным. Его губы едва касались ее губ, и от этой невесомости кружилась голова. А потом он стал глубже, и с каждым мгновением в нем нарастала та самая страсть, которую они оба сдерживали слишком долго.

Он подхватил ее на руки — легко, будто она ничего не весила. Пронес через коридор в спальню. Опустил на кровать. Свечи остались в гостиной, и в спальне было темно — только рассеянный золотистый свет из дверного проема мягко очерчивал контуры их тел.

— Я боюсь сделать тебе больно, — прошептал он, нависая над ней.

— Я не боюсь, — ответила она.

И это было правдой.

Он раздевал ее медленно, словно разворачивал драгоценный подарок. Каждое прикосновение отзывалось в ней электрическим разрядом — плечи, ключицы, грудь вздрагивали. Его губы следовали за пальцами, прокладывая дорожку из поцелуев. Она выгибалась навстречу, не узнавая собственного тела — оно вдруг стало живым, отзывчивым, поющим. Он что-то шептал по-немецки — она не разбирала слов, но интонация была такой, что сердце сжималось от трепета, а между ног текла влага - ее горячий сок.

Когда он вошел в нее, она вскрикнула. Боль была острой и короткой, как укол иглы. На глазах выступили слезы. Ян замер, давая ей привыкнуть, и его глаза были полны такой тревоги, такой заботы, что она улыбнулась сквозь слезы и сама притянула его к себе.

— Все хорошо, — прошептала она. — Все хорошо.

А потом боль ушла.

И пришло что-то совсем иное.

Она не знала, что тело способно на такое. Ритм, дыхание, движение — все слилось в единый поток. Она чувствовала себя рекой, прорвавшей плотину. Он вел ее за собой, и она шла, доверяясь полностью, без остатка. Его руки сжимали ее бедра, ее ногти царапали его спину, и в какой-то момент она перестала понимать, где заканчивается она и начинается он.

Мир сузился до одной точки. До одной вспышки. До одного содрогания, которое прошло сквозь них обоих одновременно. Он рухнул рядом с ней, тяжело дыша, и в наступившей тишине было слышно только два сердца — и ее, и его.

Она лежала, глядя в потолок, и тело пело. Каждая клеточка вибрировала от новизны ощущений. Он обнимал ее, перебирая пряди ее волос, и его дыхание постепенно выравнивалось. Амелия почувствовала себя женщиной - наполненной. Завершенной. Живой.

А потом пришло это чувство.

Страх.

Сначала — просто холодок в груди. Едва заметный, как сквозняк. Она отмахнулась. Но холодок рос, ширился, расплзался ледяными щупальцами по всему телу. Страх. Самый настоящий, животный, иррациональный страх.

Она резко села на кровати, прижимая простыню к груди.

— Что случилось? — Ян поднялся следом, положил руку ей на плечо.

Она не ответила. Смотрела в темноту и чувствовала, как по позвоночнику бегут мурашки. Страх был беспредметным, необъяснимым — и от этого еще более жутким. Ей вдруг показалось, что в темном углу что-то шевелится. Что в квартире они не одни. Что за ними наблюдают.

— Амелия, — голос Яна был встревоженным. — Что с тобой? Я сделал тебе больно?

— Нет, — выдохнула она. — Нет, дело не в этом. Просто мне вдруг стало очень страшно. Не знаю почему.

Она не могла объяснить. Как рассказать о том, чего сама не понимаешь? О холодной, липкой волне ужаса, которая накрыла ее в самый счастливый момент жизни? О тени в углу, которой, возможно, и не было вовсе? О внезапном, пронзительном ощущении, что случилось что-то непоправимое — не с ней, не с ними, а где-то там, за пределами видимого мира?

Ян притянул ее к себе и крепко обнял. Прижал к груди, укутал одеялом. От него исходило тепло — живое, человеческое, успокаивающее. Она прижалась к нему всем телом, пытаясь согреться, пытаясь прогнать этот непонятный страх, и постепенно волна отступила.

Но осадок остался.

Где-то там, на самой границе сознания, поселилось ощущение, что эта ночь что-то разбудила.

Но Яну она этого не сказала. Просто закрыла глаза и притворилась спящей, слушая ровный стук его сердца.

Амелия думала об этом, стоя у окна и глядя, как вечернее солнце золотит крыши соседних домов. Через час придет он. Через час начнется то, чего она никогда не знала. И сегодня ее жизнь разделится на «до» и «после».

Любовь. Она впустила ее в себя — и та заполнила все пустоты, все трещины, все полости, о существовании которых Амелия даже не подозревала. Оказывается, она была не цельной, а поллой. Оказывается, она ждала его всю жизнь — просто не знала об этом. Каждая прочитанная книга, каждое выученное стихотворение, каждая бессонная ночь с томиком в руках — все это было подготовкой к нему. К Яну. К человеку, который вошел в ее жизнь и переписал ее заново.

Звонок в дверь раздался ровно в восемь.

Она открыла — и на мгновение замерла. Он стоял на пороге с букетом белых тюльпанов и смотрел на нее так, будто видел впервые. На ней было легкое платье — простое, но женственное, купленное сегодня в магазине вместе с тем, что скрывалось под ним. Волосы распущены. Никаких очков, никакой косметики. Только она. Настоящая.

— Ты прекрасна, — сказал он.

И переступил порог.

Они почти не говорили. Слова в этот вечер казались лишними, ненужными. Она поставила цветы в вазу и зажгла свечи — единственный источник света, отбросивший на стены дрожащие золотые тени. Ян подошел к ней медленно, давая время передумать, отступить, испугаться. Но она не боялась. Она ждала.

Первый поцелуй в этот вечер был нежным — медленным, вопросительным. Его губы едва касались ее губ, и от этой невесомости кружилась голова. А потом он стал глубже, и с каждым мгновением в нем нарастала та самая страсть, которую они оба сдерживали слишком долго.

Он подхватил ее на руки — легко, будто она ничего не весила. Пронес через коридор в спальню. Опустил на кровать. Свечи остались в гостиной, и в спальне было темно — только рассеянный золотистый свет из дверного проема мягко очерчивал контуры их тел.

— Я боюсь сделать тебе больно, — прошептал он, нависая над ней.

— Я не боюсь, — ответила она.

И это было правдой.

Он раздевал ее медленно, словно разворачивал драгоценный подарок. Каждое прикосновение отзывалось в ней электрическим разрядом — плечи, ключицы, грудь вздрагивали. Его губы следовали за пальцами, прокладывая дорожку из поцелуев. Она выгибалась навстречу, не узнавая собственного тела — оно вдруг стало живым, отзывчивым, поющим. Он что-то шептал по-немецки — она не разбирала слов, но интонация была такой, что сердце сжималось от трепета, а между ног текла влага - ее горячий сок.

Когда он вошел в нее, она вскрикнула. Боль была острой и короткой, как укол иглы. На глазах выступили слезы. Ян замер, давая ей привыкнуть, и его глаза были полны такой тревоги, такой заботы, что она улыбнулась сквозь слезы и сама притянула его к себе.

— Все хорошо, — прошептала она. — Все хорошо.

А потом боль ушла.

И пришло что-то совсем иное.

Она не знала, что тело способно на такое. Ритм, дыхание, движение — все слилось в единый поток. Она чувствовала себя рекой, прорвавшей плотину. Он вел ее за собой, и она шла, доверяясь полностью, без остатка. Его руки сжимали ее бедра, ее ногти царапали его спину, и в какой-то момент она перестала понимать, где заканчивается она и начинается он.

Мир сузился до одной точки. До одной вспышки. До одного содрогания, которое прошло сквозь них обоим одновременно. Он рухнул рядом с ней, тяжело дыша, и в наступившей тишине было слышно только два сердца — и ее, и его.

Она лежала, глядя в потолок, и тело пело. Каждая клеточка вибрировала от новизны ощущений. Он обнимал ее, перебирая пряди ее волос, и его дыхание постепенно выравнивалось. Амелия почувствовала себя женщиной - наполненной. Завершенной. Живой.

А потом пришло это чувство.

Страх.

Сначала — просто холодок в груди. Едва заметный, как сквозняк. Она отмахнулась. Но холодок рос, ширился, расплзался ледяными щупальцами по всему телу. Страх. Самый настоящий, животный, иррациональный страх.

Она резко села на кровати, прижимая простыню к груди.

— Что случилось? — Ян поднялся следом, положил руку ей на плечо.

Она не ответила. Смотрела в темноту и чувствовала, как по позвоночнику бегут мурашки. Страх был беспредметным, необъяснимым — и от этого еще более жутким. Ей вдруг показалось, что в темном углу что-то шевелится. Что в квартире они не одни. Что за ними наблюдают.

— Амелия, — голос Яна был встревоженным. — Что с тобой? Я сделал тебе больно?

— Нет, — выдохнула она. — Нет, дело не в этом. Просто мне вдруг стало очень страшно. Не знаю почему.

Она не могла объяснить. Как рассказать о том, чего сама не понимаешь? О холодной, липкой волне ужаса, которая накрыла ее в самый счастливый момент жизни? О тени в углу, которой, возможно, и не было вовсе? О внезапном, пронзительном ощущении, что случилось что-то непоправимое — не с ней, не с ними, а где-то там, за пределами видимого мира?

Ян притянул ее к себе и крепко обнял. Прижал к груди, укутал одеялом. От него исходило тепло — живое, человеческое, успокаивающее. Она прижалась к нему всем телом, пытаясь согреться, пытаясь прогнать этот непонятный страх, и постепенно волна отступила.

Но осадок остался.

Где-то там, на самой границе сознания, поселилось ощущение, что эта ночь что-то разбудила.

Но Яну она этого не сказала. Просто закрыла глаза и притворилась спящей, слушая ровный стук его сердца.

Амелия думала об этом, стоя у окна и глядя, как вечернее солнце золотит крыши соседних домов. Через час придет он. Через час начнется то, чего она никогда не знала. И сегодня ее жизнь разделится на «до» и «после».

Любовь. Она впустила ее в себя — и та заполнила все пустоты, все трещины, все полости, о существовании которых Амелия даже не подозревала. Оказывается, она была не цельной, а поллой. Оказывается, она ждала его всю жизнь — просто не знала об этом. Каждая прочитанная книга, каждое выученное стихотворение, каждая бессонная ночь с томиком в руках — все это было подготовкой к нему. К Яну. К человеку, который вошел в ее жизнь и переписал ее заново.

Звонок в дверь раздался ровно в восемь.

Она открыла — и на мгновение замерла. Он стоял на пороге с букетом белых тюльпанов и смотрел на нее так, будто видел впервые. На ней было легкое платье — простое, но женственное, купленное сегодня в магазине вместе с тем, что скрывалось под ним. Волосы распущены. Никаких очков, никакой косметики. Только она. Настоящая.

— Ты прекрасна, — сказал он.

И переступил порог.

Они почти не говорили. Слова в этот вечер казались лишними, ненужными. Она поставил цветы в вазу и зажгла свечи — единственный источник света, отбросивший на стены дрожащие золотые тени. Ян подошел к ней медленно, давая время передумать, отступить, испугаться. Но она не боялась. Она ждала.

Первый поцелуй в этот вечер был нежным — медленным, вопросительным. Его губы едва касались ее губ, и от этой невесомости кружилась голова. А потом он стал глубже, и с каждым мгновением в нем нарастала та самая страсть, которую они оба сдерживали слишком долго.

Он подхватил ее на руки — легко, будто она ничего не весила. Пронес через коридор в спальню. Опустил на кровать. Свечи остались в гостиной, и в спальне было темно — только рассеянный золотистый свет из дверного проема мягко очерчивал контуры их тел.

— Я боюсь сделать тебе больно, — прошептал он, нависая над ней.

— Я не боюсь, — ответила она.

И это было правдой.

Он раздевал ее медленно, словно разворачивал драгоценный подарок. Каждое прикосновение отзывалось в ней электрическим разрядом — плечи, ключицы, грудь вздрагивали. Его губы следовали за пальцами, прокладывая дорожку из поцелуев. Она выгибалась навстречу, не узнавая собственного тела — оно вдруг стало живым, отзывчивым, поющим. Он что-то шептал по-немецки — она не разбирала слов, но интонация была такой, что сердце сжималось от трепета, а между ног текла влага - ее горячий сок.

Когда он вошел в нее, она вскрикнула. Боль была острой и короткой, как укол иглы. На глазах выступили слезы. Ян замер, давая ей привыкнуть, и его глаза были полны такой тревоги, такой заботы, что она улыбнулась сквозь слезы и сама притянула его к себе.

— Все хорошо, — прошептала она. — Все хорошо.

А потом боль ушла.

И пришло что-то совсем иное.

Она не знала, что тело способно на такое. Ритм, дыхание, движение — все слилось в единый поток. Она чувствовала себя рекой, прорвавшей плотину. Он вел ее за собой, и она шла, доверяясь полностью, без остатка. Его руки сжимали ее бедра, ее ногти царапали его спину, и в какой-то момент она перестала понимать, где заканчивается она и начинается он.

Мир сузился до одной точки. До одной вспышки. До одного содрогания, которое прошло сквозь них обоих одновременно. Он рухнул рядом с ней, тяжело дыша, и в наступившей тишине было слышно только два сердца — и ее, и его.

Она лежала, глядя в потолок, и тело пело. Каждая клеточка вибрировала от новизны ощущений. Он обнимал ее, перебирая пряди ее волос, и его дыхание постепенно выравнивалось. Амелия почувствовала себя женщиной - наполненной. Завершенной. Живой.

А потом пришло это чувство.

Страх.

Сначала — просто холодок в груди. Едва заметный, как сквозняк. Она отмахнулась. Но холодок рос, ширился, расплзался ледяными щупальцами по всему телу. Страх. Самый настоящий, животный, иррациональный страх.

Она резко села на кровати, прижимая простыню к груди.

— Что случилось? — Ян поднялся следом, положил руку ей на плечо.

Она не ответила. Смотрела в темноту и чувствовала, как по позвоночнику бегут мурашки. Страх был беспредметным, необъяснимым — и от этого еще более жутким. Ей вдруг показалось, что в темном углу что-то шевелится. Что в квартире они не одни. Что за ними наблюдают.

— Амелия, — голос Яна был встревоженным. — Что с тобой? Я сделал тебе больно?

— Нет, — выдохнула она. — Нет, дело не в этом. Просто мне вдруг стало очень страшно.

Не знаю почему.

Она не могла объяснить. Как рассказать о том, чего сама не понимаешь? О холодной, липкой волне ужаса, которая накрыла ее в самый счастливый момент жизни? О тени в углу, которой, возможно, и не было вовсе? О внезапном, пронзительном ощущении, что случилось что-то непоправимое — не с ней, не с ними, а где-то там, за пределами видимого мира?

Ян притянул ее к себе и крепко обнял. Прижал к груди, укутал одеялом. От него исходило тепло — живое, человеческое, успокаивающее. Она прижалась к нему всем телом, пытаясь согреться, пытаясь прогнать этот непонятный страх, и постепенно волна отступила.

Но осадок остался.

Где-то там, на самой границе сознания, поселилось ощущение, что эта ночь что-то разбудила.

Но Яну она этого не сказала. Просто закрыла глаза и притворилась спящей, слушая ровный стук его сердца.

Амелия думала об этом, стоя у окна и глядя, как вечернее солнце золотит крыши соседних домов. Через час придет он. Через час начнется то, чего она никогда не знала. И сегодня ее жизнь разделится на «до» и «после».

Любовь. Она впустила ее в себя — и та заполнила все пустоты, все трещины, все полости, о существовании которых Амелия даже не подозревала. Оказывается, она была не цельной, а поллой. Оказывается, она ждала его всю жизнь — просто не знала об этом. Каждая прочитанная

книга, каждое выученное стихотворение, каждая бессонная ночь с томиком в руках — все это было подготовкой к нему. К Яну. К человеку, который вошел в ее жизнь и переписал ее заново.

Звонок в дверь раздался ровно в восемь.

Она открыла — и на мгновение замерла. Он стоял на пороге с букетом белых тюльпанов и смотрел на нее так, будто видел впервые. На ней было легкое платье — простое, но женственное, купленное сегодня в магазине вместе с тем, что скрывалось под ним. Волосы распущены. Никаких очков, никакой косметики. Только она. Настоящая.

— Ты прекрасна, — сказал он.

И переступил порог.

Они почти не говорили. Слова в этот вечер казались лишними, ненужными. Она поставил цветы в вазу и зажгла свечи — единственный источник света, отбросивший на стены дрожащие золотые тени. Ян подошел к ней медленно, давая время передумать, отступить, испугаться. Но она не боялась. Она ждала.

Первый поцелуй в этот вечер был нежным — медленным, вопросительным. Его губы едва касались ее губ, и от этой невесомости кружилась голова. А потом он стал глубже, и с каждым мгновением в нем нарастала та самая страсть, которую они оба сдерживали слишком долго.

Он подхватил ее на руки — легко, будто она ничего не весила. Пронес через коридор в спальню. Опустил на кровать. Свечи остались в гостиной, и в спальне было темно — только рассеянный золотистый свет из дверного проема мягко очерчивал контуры их тел.

— Я боюсь сделать тебе больно, — прошептал он, нависая над ней.

— Я не боюсь, — ответила она.

И это было правдой.

Он раздевал ее медленно, словно разворачивал драгоценный подарок. Каждое прикосновение отзывалось в ней электрическим разрядом — плечи, ключицы, грудь вздрагивали. Его губы следовали за пальцами, прокладывая дорожку из поцелуев. Она выгибалась навстречу, не узнавая собственного тела — оно вдруг стало живым, отзывчивым, поющим. Он что-то шептал по-немецки — она не разбирала слов, но интонация была такой, что сердце сжималось от трепета, а между ног текла влага - ее горячий сок.

Когда он вошел в нее, она вскрикнула. Боль была острой и короткой, как укол иглы. На глазах выступили слезы. Ян замер, давая ей привыкнуть, и его глаза были полны такой тревоги, такой заботы, что она улыбнулась сквозь слезы и сама притянула его к себе.

— Все хорошо, — прошептала она. — Все хорошо.

А потом боль ушла.

И пришло что-то совсем иное.

Она не знала, что тело способно на такое. Ритм, дыхание, движение — все слилось в единый поток. Она чувствовала себя рекой, прорвавшей плотину. Он вел ее за собой, и она шла, доверяясь полностью, без остатка. Его руки сжимали ее бедра, ее ногти царапали его спину, и в какой-то момент она перестала понимать, где заканчивается она и начинается он.

Мир сузился до одной точки. До одной вспышки. До одного содрогания, которое прошло сквозь них обоих одновременно. Он рухнул рядом с ней, тяжело дыша, и в наступившей тишине было слышно только два сердца — и ее, и его.

Она лежала, глядя в потолок, и тело пело. Каждая клеточка вибрировала от новизны ощущений. Он обнимал ее, перебирая пряди ее волос, и его дыхание постепенно выравнивалось. Амелия почувствовала себя женщиной - наполненной. Завершенной. Живой.

А потом пришло это чувство.

Страх.

Сначала — просто холодок в груди. Едва заметный, как сквозняк. Она отмахнулась. Но холодок рос, ширился, расплзался ледяными щупальцами по всему телу. Страх. Самый настоящий, животный, иррациональный страх.

Она резко села на кровати, прижимая простыню к груди.

— Что случилось? — Ян поднялся следом, положил руку ей на плечо.

Она не ответила. Смотрела в темноту и чувствовала, как по позвоночнику бегут мурашки. Страх был беспредметным, необъяснимым — и от этого еще более жутким. Ей вдруг показалось, что в темном углу что-то шевелится. Что в квартире они не одни. Что за ними наблюдают.

— Амелия, — голос Яна был встревоженным. — Что с тобой? Я сделал тебе больно?

— Нет, — выдохнула она. — Нет, дело не в этом. Просто мне вдруг стало очень страшно. Не знаю почему.

Она не могла объяснить. Как рассказать о том, чего сама не понимаешь? О холодной, липкой волне ужаса, которая накрыла ее в самый счастливый момент жизни? О тени в углу, которой, возможно, и не было вовсе? О внезапном, пронзительном ощущении, что случилось что-то непоправимое — не с ней, не с ними, а где-то там, за пределами видимого мира?

Ян притянул ее к себе и крепко обнял. Прижал к груди, укутал одеялом. От него исходило тепло — живое, человеческое, успокаивающее. Она прижалась к нему всем телом, пытаясь согреться, пытаясь прогнать этот непонятный страх, и постепенно волна отступила.

Но осадок остался.

Где-то там, на самой границе сознания, поселилось ощущение, что эта ночь что-то разбудила.

Но Яну она этого не сказала. Просто закрыла глаза и притворилась спящей, слушая ровный стук его сердца.

Амелия думала об этом, стоя у окна и глядя, как вечернее солнце золотит крыши соседних домов. Через час придет он. Через час начнется то, чего она никогда не знала. И сегодня ее жизнь разделится на «до» и «после».

Любовь. Она впустила ее в себя — и та заполнила все пустоты, все трещины, все полости, о существовании которых Амелия даже не подозревала. Оказывается, она была не цельной, а поллой. Оказывается, она ждала его всю жизнь — просто не знала об этом. Каждая прочитанная книга, каждое выученное стихотворение, каждая бессонная ночь с томиком в руках — все это было подготовкой к нему. К Яну. К человеку, который вошел в ее жизнь и переписал ее заново.

Звонок в дверь раздался ровно в восемь.

Она открыла — и на мгновение замерла. Он стоял на пороге с букетом белых тюльпанов и смотрел на нее так, будто видел впервые. На ней было легкое платье — простое, но женственное, купленное сегодня в магазине вместе с тем, что скрывалось под ним. Волосы распущены. Никаких очков, никакой косметики. Только она. Настоящая.

— Ты прекрасна, — сказал он.

И переступил порог.

Они почти не говорили. Слова в этот вечер казались лишними, ненужными. Она поставил цветы в вазу и зажгла свечи — единственный источник света, отбросивший на стены дрожащие золотые тени. Ян подошел к ней медленно, давая время передумать, отступить, испугаться. Но она не боялась. Она ждала.

Первый поцелуй в этот вечер был нежным — медленным, вопросительным. Его губы едва касались ее губ, и от этой невесомости кружилась голова. А потом он стал глубже, и с каждым мгновением в нем нарастала та самая страсть, которую они оба сдерживали слишком долго.

Он подхватил ее на руки — легко, будто она ничего не весила. Пронес через коридор в спальню. Опустил на кровать. Свечи остались в гостиной, и в спальне было темно — только рассеянный золотистый свет из дверного проема мягко очерчивал контуры их тел.

— Я боюсь сделать тебе больно, — прошептал он, нависая над ней.

— Я не боюсь, — ответила она.

И это было правдой.

Он раздевал ее медленно, словно разворачивал драгоценный подарок. Каждое прикосновение отзывалось в ней электрическим разрядом — плечи, ключицы, грудь вздрагивали. Его губы следовали за пальцами, прокладывая дорожку из поцелуев. Она выгибалась навстречу, не узнавая собственного тела — оно вдруг стало живым, отзывчивым, поющим. Он что-то шептал по-немецки — она не разбирала слов, но интонация была такой, что сердце сжималось от трепета, а между ног текла влага - ее горячий сок.

Когда он вошел в нее, она вскрикнула. Боль была острой и короткой, как укол иглы. На глазах выступили слезы. Ян замер, давая ей привыкнуть, и его глаза были полны такой тревоги, такой заботы, что она улыбнулась сквозь слезы и сама притянула его к себе.

— Все хорошо, — прошептала она. — Все хорошо.

А потом боль ушла.

И пришло что-то совсем иное.

Она не знала, что тело способно на такое. Ритм, дыхание, движение — все слилось в единый поток. Она чувствовала себя рекой, прорвавшей плотину. Он вел ее за собой, и она шла, доверяясь полностью, без остатка. Его руки сжимали ее бедра, ее ногти царапали его спину, и в какой-то момент она перестала понимать, где заканчивается она и начинается он.

Мир сузился до одной точки. До одной вспышки. До одного содрогания, которое прошло сквозь них обоих одновременно. Он рухнул рядом с ней, тяжело дыша, и в наступившей тишине было слышно только два сердца — и ее, и его.

Она лежала, глядя в потолок, и тело пело. Каждая клеточка вибрировала от новизны ощущений. Он обнимал ее, перебирая пряди ее волос, и его дыхание постепенно выравнивалось. Амелия почувствовала себя женщиной - наполненной. Завершенной. Живой.

А потом пришло это чувство.

Страх.

Сначала — просто холодок в груди. Едва заметный, как сквозняк. Она отмахнулась. Но холодок рос, ширился, расплзался ледяными щупальцами по всему телу. Страх. Самый настоящий, животный, иррациональный страх.

Она резко села на кровати, прижимая простыню к груди.

— Что случилось? — Ян поднялся следом, положил руку ей на плечо.

Она не ответила. Смотрела в темноту и чувствовала, как по позвоночнику бегут мурашки. Страх был беспредметным, необъяснимым — и от этого еще более жутким. Ей вдруг показалось, что в темном углу что-то шевелится. Что в квартире они не одни. Что за ними наблюдают.

— Амелия, — голос Яна был встревоженным. — Что с тобой? Я сделал тебе больно?

— Нет, — выдохнула она. — Нет, дело не в этом. Просто мне вдруг стало очень страшно. Не знаю почему.

Она не могла объяснить. Как рассказать о том, чего сама не понимаешь? О холодной, липкой волне ужаса, которая накрыла ее в самый счастливый момент жизни? О тени в углу, которой, возможно, и не было вовсе? О внезапном, пронзительном ощущении, что случилось что-то непоправимое — не с ней, не с ними, а где-то там, за пределами видимого мира?

Ян притянул ее к себе и крепко обнял. Прижал к груди, укутал одеялом. От него исходило тепло — живое, человеческое, успокаивающее. Она прижалась к нему всем телом, пытаясь согреться, пытаясь прогнать этот непонятный страх, и постепенно волна отступила.

Но осадок остался.

Где-то там, на самой границе сознания, поселилось ощущение, что эта ночь что-то разбудила.

Но Яну она этого не сказала. Просто закрыла глаза и притворилась спящей, слушая ровный стук его сердца.

Амелия думала об этом, стоя у окна и глядя, как вечернее солнце золотит крыши соседних домов. Через час придет он. Через час начнется то, чего она никогда не знала. И сегодня ее жизнь разделится на «до» и «после».

Любовь. Она впустила ее в себя — и та заполнила все пустоты, все трещины, все полости, о существовании которых Амелия даже не подозревала. Оказывается, она была не цельной, а поллой. Оказывается, она ждала его всю жизнь — просто не знала об этом. Каждая прочитанная книга, каждое выученное стихотворение, каждая бессонная ночь с томиком в руках — все это было подготовкой к нему. К Яну. К человеку, который вошел в ее жизнь и переписал ее заново.

Звонок в дверь раздался ровно в восемь.

Она открыла — и на мгновение замерла. Он стоял на пороге с букетом белых тюльпанов и смотрел на нее так, будто видел впервые. На ней было легкое платье — простое, но женственное, купленное сегодня в магазине вместе с тем, что скрывалось под ним. Волосы распущены. Никаких очков, никакой косметики. Только она. Настоящая.

— Ты прекрасна, — сказал он.

И переступил порог.

Они почти не говорили. Слова в этот вечер казались лишними, ненужными. Она поставил цветы в вазу и зажгла свечи — единственный источник света, отбросивший на стены дрожащие золотые тени. Ян подошел к ней медленно, давая время передумать, отступить, испугаться. Но она не боялась. Она ждала.

Первый поцелуй в этот вечер был нежным — медленным, вопросительным. Его губы едва касались ее губ, и от этой невесомости кружилась голова. А потом он стал глубже, и с каждым мгновением в нем нарастала та самая страсть, которую они оба сдерживали слишком долго.

Он подхватил ее на руки — легко, будто она ничего не весила. Пронес через коридор в спальню. Опустил на кровать. Свечи остались в гостиной, и в спальне было темно — только рассеянный золотистый свет из дверного проема мягко очерчивал контуры их тел.

— Я боюсь сделать тебе больно, — прошептал он, нависая над ней.

— Я не боюсь, — ответила она.

И это было правдой.

Он раздевал ее медленно, словно разворачивал драгоценный подарок. Каждое прикосновение отзывалось в ней электрическим разрядом — плечи, ключицы, грудь вздрагивали. Его губы следовали за пальцами, прокладывая дорожку из поцелуев. Она выгибалась навстречу, не узнавая собственного тела — оно вдруг стало живым, отзывчивым, поющим. Он что-то шептал по-немецки — она не разбирала слов, но интонация была такой, что сердце сжималось от трепета, а между ног текла влага - ее горячий сок.

Когда он вошел в нее, она вскрикнула. Боль была острой и короткой, как укол иглы. На глазах выступили слезы. Ян замер, давая ей привыкнуть, и его глаза были полны такой тревоги, такой заботы, что она улыбнулась сквозь слезы и сама притянула его к себе.

— Все хорошо, — прошептала она. — Все хорошо.

А потом боль ушла.

И пришло что-то совсем иное.

Она не знала, что тело способно на такое. Ритм, дыхание, движение — все слилось в единый поток. Она чувствовала себя рекой, прорвавшей плотину. Он вел ее за собой, и она шла, доверяясь полностью, без остатка. Его руки сжимали ее бедра, ее ногти царапали его спину, и в какой-то момент она перестала понимать, где заканчивается она и начинается он.

Мир сузился до одной точки. До одной вспышки. До одного содрогания, которое прошло сквозь них обоих одновременно. Он рухнул рядом с ней, тяжело дыша, и в наступившей тишине было слышно только два сердца — и ее, и его.

Она лежала, глядя в потолок, и тело пело. Каждая клеточка вибрировала от новизны ощущений. Он обнимал ее, перебирая пряди ее волос, и его дыхание постепенно выравнивалось. Амелия почувствовала себя женщиной - наполненной. Завершенной. Живой.

А потом пришло это чувство.

Страх.

Сначала — просто холодок в груди. Едва заметный, как сквозняк. Она отмахнулась. Но холодок рос, ширился, расплзался ледяными шупальцами по всему телу. Страх. Самый настоящий, животный, иррациональный страх.

Она резко села на кровати, прижимая простыню к груди.

— Что случилось? — Ян поднялся следом, положил руку ей на плечо.

Она не ответила. Смотрела в темноту и чувствовала, как по позвоночнику бегут мурашки. Страх был беспредметным, необъяснимым — и от этого еще более жутким. Ей вдруг показалось, что в темном углу что-то шевелится. Что в квартире они не одни. Что за ними наблюдают.

— Амелия, — голос Яна был встревоженным. — Что с тобой? Я сделал тебе больно?

— Нет, — выдохнула она. — Нет, дело не в этом. Просто мне вдруг стало очень страшно. Не знаю почему.

Она не могла объяснить. Как рассказать о том, чего сама не понимаешь? О холодной, липкой волне ужаса, которая накрыла ее в самый счастливый момент жизни? О тени в углу, которой, возможно, и не было вовсе? О внезапном, пронзительном ощущении, что случилось что-то непоправимое — не с ней, не с ними, а где-то там, за пределами видимого мира?

Ян притянул ее к себе и крепко обнял. Прижал к груди, укутал одеялом. От него исходило тепло — живое, человеческое, успокаивающее. Она прижалась к нему всем телом, пытаясь согреться, пытаясь прогнать этот непонятный страх, и постепенно волна отступила.

Но осадок остался.

Где-то там, на самой границе сознания, поселилось ощущение, что эта ночь что-то разбудила.

Но Яну она этого не сказала. Просто закрыла глаза и притворилась спящей, слушая ровный стук его сердца.

Глава 9. Завтрак, которого не было

Она проснулась первой.

Солнце только-только начало просачиваться сквозь неплотно задернутые шторы, рисуя на стене золотистые полосы. Рядом, уткнувшись лицом в подушку, спал Ян. Его дыхание было ровным и глубоким, темные волосы разметались, ресницы чуть подрагивали во сне. Амелия замерла, боясь пошевелиться. Она лежала и смотрела на него, и внутри разливалось тепло — густое, тягучее, совершенно новое. Теперь она понимала, о чем писали поэты. Оказывается, можно быть счастливой просто от того, что кто-то спит рядом с тобой.

Осторожно, чтобы не разбудить его, она выбралась из постели. Накинула легкий халат — тот самый, купленный вчера, — и на цыпочках прокралась на кухню.

Маленькая кухня встретила ее привычным уютом. Старый буфет с маминым фарфором, который доставали только по праздникам. Выцветшие занавески в мелкий цветочек. Герань на подоконнике — неприхотливая, скромная, как и сама Амелия. Она включила старенькое радио, и кухня наполнилась музыкой.

Она заварила кофе. Достала сковороду, яйца, зелень. Принялась готовить омлет — самый пышный, самый воздушный, какой только умела. Руки двигались сами собой, а губы шептали слова песни. Амелия поймала себя на том, что напевает вслух, и не стала себя одергивать. А потом и вовсе прибавила звук и закружилась по тесной кухне в каком-то нелепом, счастливом танце. Босиком, в легком халате, с венчиком для омлета в руке — она танцевала, и ей было все равно, как это выглядит.

Она не сразу заметила, что больше не одна.

Ян стоял в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на нее. Его рубашка была расстегнута, волосы взерошены после сна, на губах играла та самая улыбка — теплая, чуть насмешливая, но не обидная. Он смотрел на нее так, словно видел нечто удивительное. Словно она была не обычной девушкой, жарящей омлет, а по меньшей мере нимфой, случайно залетевшей в эту крошечную кухню.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе! — отозвалась она, чуть запыхавшись. — Садись. Завтрак почти готов.

Он послушно сел за маленький стол, накрытый льняной скатертью. Она поставила перед ним тарелку с омлетом, чашку черного кофе, тарелку с тостами. Все такое домашнее, такое простое, такое правильное. Он взял вилку, улыбнулся ей — и вдруг улыбка погасла.

Амелия заметила это не сразу. Она все еще порхала по кухне, наливая кофе себе, поправляя цветы на подоконнике. А когда обернулась, Ян сидел, опустив глаза, и в его лице не было ни следа утреннего тепла.

— Что-то не так? — спросила она, чувствуя, как екает сердце. — Омлет не получился?

— Омлет прекрасный, — ответил он глухо. — Дело не в омлете.

Он поднял глаза, и она увидела в них такую глубокую, такую безысходную грусть, что у нее перехватило дыхание.

— Амелия, — начал он, и голос его звучал тяжело, словно каждое слово давалось с боем. — Ты замечательная девушка. Ты умная, тонкая, нежная. Ты ты самая чистая душа, которую я когда-либо встречал. Именно поэтому я должен сказать тебе правду.

Она стояла, вцепившись в спинку стула. Кофе стыл в чашках. Радио все еще пело — теперь это казалось издевательски неуместным.

— Мы не можем быть вместе, — произнес Ян.

Тишина.

— Я причиню тебе много боли, — продолжил он, и голос его дрогнул. — Гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Я не хочу этого. Ты этого не заслуживаешь. Я думал, что смогу но нет. Не могу. Прости меня.

Амелия слышала слова, но они не складывались в смысл. Это было как дурной сон, как страница из чужого романа, случайно вложенная в ее жизнь. Как это — «не можем быть вместе»? После всего, что было? После вчерашней ночи, после поцелуев на холмах, после того, как он говорил, что она захватила его сердце?

— Ты шутишь? — прошептала она.

— Нет.

— Ты ты просто использовал меня?

— Нет! — он резко поднялся, сделал шаг к ней. — Нет, Амелия, все было по-настоящему. Именно поэтому я уйду сейчас. Пока не стало слишком поздно. Пока я не разрушил тебя окончательно.

Она отшатнулась. Внутри что-то лопнуло — туго натянутая струна, которая держала ее последние дни в состоянии эйфории.

— Уходи, — сказала она тихо.

— Амелия

— Пошел вон! — закричала она. — Убирайся из моего дома! Сейчас же! Уходи! Уходи!

Она кричала так, как никогда в жизни не кричала. Сорванным голосом, срываясь на визг, не узнавая саму себя.

Ян попытался что-то сказать, но она схватила со стола чашку с остывшим кофе и швырнула в него. Чашка разбилась о дверной косяк в миллиметре от его плеча. Темные капли расползлись по светлой рубашке.

Ян не стал спорить. Он просто посмотрел на Амелию — долгим, мучительным взглядом, в котором читалось все, чего он не мог или не хотел сказать. А потом развернулся и вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Амелия осталась одна.

Несколько секунд она стояла неподвижно, глядя на закрытую дверь. А потом ее прорвало. Она крушила свою маленькую квартирку с какой-то животной яростью. Сорвала со стола скатерть — посуда полетела на пол, разбиваясь вдребезги. Смахнула книги с полки. Перевернула стул. Разбила вазу с белыми тюльпанами — букет, который он принес ей вчера вечером. Воду никто не удосужился налить, цветы так и стояли сухими, и теперь лепестки разлетелись по полу, как обрывки чьих-то несостоявшихся жизней.

Она кричала. Она плакала. Она колотила кулаками по стене, пока костяшки не покраснели. Дура. Какая же она дура. Он просто посмеялся над ней. Использовал — может быть, на спор, может быть, ради развлечения, может быть, от скуки. А она поверила. Растаяла, как дура, от первого же ласкового слова. Открылась, отдалась, разрешила себе быть счастливой.

Как же больно. Как невыносимо, чудовищно больно.

Она рухнула на пол прямо среди осколков и зарыдала, обхватив колени руками. Радио все еще играло — глупые жизнерадостные песенки. Она не выключила его. Не было сил.

В университете Амелия не появлялась три дня. Отправила старосте сообщение: «Заболела, справку предоставлю позже». Врала. Никакой справки не было. Было три дня в постели, с выключенным телефоном, с плотно задернутыми шторами. Три дня без еды, без сна, без мыслей — только глухая, ноющая боль в груди.

На четвертый день она заставила себя встать. Умылась. Собрала волосы в тугий хвост. Надела самый строгий, самый скучный костюм. Посмотрела в зеркало. Оттуда на нее глянула та самая серая мышь — только теперь с темными кругами под глазами и потухшим взглядом. Что ж, урок усвоен. Больше она не повторит эту ошибку.

Она пришла к третьей паре, надеясь проскользнуть в аудиторию незамеченной. И почти получилось.

Почти.

Проходя по коридору мимо аудитории двенадцать, она услышала знакомый низкий смех. Замедлила шаг. Повернула голову.

Ян Андреевич стоял у подоконника, облокотившись на него с той самой небрежной грацией хищника. А рядом с ним стояла очередная студентка. Не блондинка с журфака. Другая. Кажется, с факультета иностранных языков. Миниатюрная брюнетка с алыми губами и короткой юбкой. Она что-то щебетала, и Ян улыбался ей. Смотрел на нее своим фирменным взглядом — теплым, внимательным, обволакивающим.

Точно так же, как смотрел на Амелию

Внутри у нее все оборвалось — холодно, сухо, без слез. Она просто стояла и смотрела на них несколько секунд, а потом пошла дальше, не ускоряя шага. Ей казалось, что ее ударили под дых и она до сих пор не может вздохнуть. Значит, всё, что было между ними — это не любовь, не судьба, не особая связь. Это просто его стиль общения. Одна студентка, вторая, десятая. Интересно, скольким он уже говорил, что они «захватили его сердце»? Скольких возил на холмы и целовал в машине на закате?

Амелия вошла в аудиторию, села за свою парту у окна, раскрыла тетрадь. Лицо ее было спокойным. Ни слезинки. Ни единой эмоции.

Но внутри все кричало.

Солнце только-только начало просачиваться сквозь неплотно задернутые шторы, рисуя на стене золотистые полосы. Рядом, уткнувшись лицом в подушку, спал Ян. Его дыхание было ровным и глубоким, темные волосы разметались, ресницы чуть подрагивали во сне. Амелия замерла, боясь пошевелиться. Она лежала и смотрела на него, и внутри разливалось тепло — густое, тягучее, совершенно новое. Теперь она понимала, о чем писали поэты. Оказывается, можно быть счастливой просто от того, что кто-то спит рядом с тобой.

Осторожно, чтобы не разбудить его, она выбралась из постели. Накинула легкий халат — тот самый, купленный вчера, — и на цыпочках прокралась на кухню.

Маленькая кухня встретила ее привычным уютом. Старый буфет с маминым фарфором, который доставали только по праздникам. Выцветшие занавески в мелкий цветочек. Герань на подоконнике — неприхотливая, скромная, как и сама Амелия. Она включила старенькое радио, и кухня наполнилась музыкой.

Она заварила кофе. Достала сковороду, яйца, зелень. Принялась готовить омлет — самый пышный, самый воздушный, какой только умела. Руки двигались сами собой, а губы шептали слова песни. Амелия поймала себя на том, что напевает вслух, и не стала себя одергивать. А потом и вовсе прибавила звук и закружилась по тесной кухне в каком-то нелепом, счастливом танце. Босиком, в легком халате, с венчиком для омлета в руке — она танцевала, и ей было все равно, как это выглядит.

Она не сразу заметила, что больше не одна.

Ян стоял в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на нее. Его рубашка была расстегнута, волосы взъерошены после сна, на губах играла та самая улыбка — теплая, чуть насмешливая, но не обидная. Он смотрел на нее так, словно видел нечто удивительное. Словно она была не обычной девушкой, жарящей омлет, а по меньшей мере нимфой, случайно залетевшей в эту крошечную кухню.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе! — отозвалась она, чуть запыхавшись. — Садись. Завтрак почти готов.

Он послушно сел за маленький стол, накрытый льняной скатертью. Она поставила перед ним тарелку с омлетом, чашку черного кофе, тарелку с тостами. Все такое домашнее, такое простое, такое правильное. Он взял вилку, улыбнулся ей — и вдруг улыбка погасла.

Амелия заметила это не сразу. Она все еще порхала по кухне, наливая кофе себе, поправляя цветы на подоконнике. А когда обернулась, Ян сидел, опустив глаза, и в его лице не было ни следа утреннего тепла.

— Что-то не так? — спросила она, чувствуя, как екает сердце. — Омлет не получился?

— Омлет прекрасный, — ответил он глухо. — Дело не в омлете.

Он поднял глаза, и она увидела в них такую глубокую, такую безысходную грусть, что у нее перехватило дыхание.

— Амелия, — начал он, и голос его звучал тяжело, словно каждое слово давалось с боем. — Ты замечательная девушка. Ты умная, тонкая, нежная. Ты ты самая чистая душа, которую я когда-либо встречал. Именно поэтому я должен сказать тебе правду.

Она стояла, вцепившись в спинку стула. Кофе стыл в чашках. Радио все еще пело — теперь это казалось издевательски неуместным.

— Мы не можем быть вместе, — произнес Ян.

Тишина.

— Я причиню тебе много боли, — продолжил он, и голос его дрогнул. — Гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Я не хочу этого. Ты этого не заслуживаешь. Я думал, что смогу но нет. Не могу. Прости меня.

Амелия слышала слова, но они не складывались в смысл. Это было как дурной сон, как страница из чужого романа, случайно вложенная в ее жизнь. Как это — «не можем быть вместе»? После всего, что было? После вчерашней ночи, после поцелуев на холмах, после того, как он говорил, что она захватила его сердце?

— Ты шутишь? — прошептала она.

— Нет.

— Ты ты просто использовал меня?

— Нет! — он резко поднялся, сделал шаг к ней. — Нет, Амелия, все было по-настоящему. Именно поэтому я ухожу сейчас. Пока не стало слишком поздно. Пока я не разрушил тебя окончательно.

Она отшатнулась. Внутри что-то лопнуло — туго натянутая струна, которая держала ее последние дни в состоянии эйфории.

— Уходи, — сказала она тихо.

— Амелия

— Пошел вон! — закричала она. — Убирайся из моего дома! Сейчас же! Уходи! Уходи!

Она кричала так, как никогда в жизни не кричала. Сорванным голосом, срываясь на визг, не узнавая саму себя.

Ян попытался что-то сказать, но она схватила со стола чашку с остывшим кофе и швырнула в него. Чашка разбилась о дверной косяк в миллиметре от его плеча. Темные капли расплзлись по светлой рубашке.

Ян не стал спорить. Он просто посмотрел на Амелию — долгим, мучительным взглядом, в котором читалось все, чего он не мог или не хотел сказать. А потом развернулся и вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Амелия осталась одна.

Несколько секунд она стояла неподвижно, глядя на закрытую дверь. А потом ее прорвало. Она крушила свою маленькую квартирку с какой-то животной яростью. Сорвала со стола скатерть — посуда полетела на пол, разбиваясь вдребезги. Смахнула книги с полки. Перевернула стул. Разбила вазу с белыми тюльпанами — букет, который он принес ей вчера вечером. Воду никто не удосужился налить, цветы так и стояли сухими, и теперь лепестки разлетелись по полу, как обрывки чьих-то несостоявшихся жизней.

Она кричала. Она плакала. Она колотила кулаками по стене, пока костяшки не покраснели. Дура. Какая же она дура. Он просто посмеялся над ней. Использовал — может быть, на

спор, может быть, ради развлечения, может быть, от скуки. А она поверила. Растаяла, как дура, от первого же ласкового слова. Открылась, отдалась, разрешила себе быть счастливой.

Как же больно. Как невыносимо, чудовищно больно.

Она рухнула на пол прямо среди осколков и зарыдала, обхватив колени руками. Радио все еще играло — глупые жизнерадостные песенки. Она не выключила его. Не было сил.

В университете Амелия не появлялась три дня. Отправила старосте сообщение: «Заболела, справку предоставлю позже». Врала. Никакой справки не было. Было три дня в постели, с выключенным телефоном, с плотно задернутыми шторами. Три дня без еды, без сна, без мыслей — только глухая, ноющая боль в груди.

На четвертый день она заставила себя встать. Умылась. Собрала волосы в тугий хвост. Надела самый строгий, самый скучный костюм. Посмотрела в зеркало. Оттуда на нее глянула та самая серая мышь — только теперь с темными кругами под глазами и потухшим взглядом. Что ж, урок усвоен. Больше она не повторит эту ошибку.

Она пришла к третьей паре, надеясь проскользнуть в аудиторию незамеченной. И почти получилось.

Почти.эх

Проходя по коридору мимо аудитории двенадцать, она услышала знакомый низкий смех. Замедлила шаг. Повернула голову.

Ян Андреевич стоял у подоконника, облокотившись на него с той самой небрежной грацией хищника. А рядом с ним стояла очередная студентка. Не блондинка с журфака. Другая. Кажется, с факультета иностранных языков. Миниатюрная брюнетка с алыми губами и короткой юбкой. Она что-то щебетала, и Ян улыбался ей. Смотрел на нее своим фирменным взглядом — теплым, внимательным, обволакивающим.

Точно так же, как смотрел на Амелию

Внутри у нее все оборвалось — холодно, сухо, без слез. Она просто стояла и смотрела на них несколько секунд, а потом пошла дальше, не ускоряя шага. Ей казалось, что ее ударили под дых и она до сих пор не может вздохнуть. Значит, всё, что было между ними — это не любовь, не судьба, не особая связь. Это просто его стиль общения. Одна студентка, вторая, десятая. Интересно, скольким он уже говорил, что они «захватили его сердце»? Скольких возил на холмы и целовал в машине на закате?

Амелия вошла в аудиторию, села за свою парту у окна, раскрыла тетрадь. Лицо ее было спокойным. Ни слезинки. Ни единой эмоции.

Но внутри все кричало.

Солнце только-только начало просачиваться сквозь неплотно задернутые шторы, рисуя на стене золотистые полосы. Рядом, уткнувшись лицом в подушку, спал Ян. Его дыхание было ровным и глубоким, темные волосы разметались, ресницы чуть подрагивали во сне. Амелия замерла, боясь пошевелиться. Она лежала и смотрела на него, и внутри разливалось тепло — густое, тягучее, совершенно новое. Теперь она понимала, о чем писали поэты. Оказывается, можно быть счастливой просто от того, что кто-то спит рядом с тобой.

Осторожно, чтобы не разбудить его, она выбралась из постели. Накинула легкий халат — тот самый, купленный вчера, — и на цыпочках прокралась на кухню.

Маленькая кухня встретила ее привычным уютом. Старый буфет с маминым фарфором, который доставали только по праздникам. Выцветшие занавески в мелкий цветочек. Герань на подоконнике — неприхотливая, скромная, как и сама Амелия. Она включила старенькое радио, и кухня наполнилась музыкой.

Она заварила кофе. Достала сковороду, яйца, зелень. Принялась готовить омлет — самый пышный, самый воздушный, какой только умела. Руки двигались сами собой, а губы шептали слова песни. Амелия поймала себя на том, что напевает вслух, и не стала себя одергивать. А

потом и вовсе прибавила звук и закружилась по тесной кухне в каком-то нелепом, счастливом танце. Босиком, в легком халате, с венчиком для омлета в руке — она танцевала, и ей было все равно, как это выглядит.

Она не сразу заметила, что больше не одна.

Ян стоял в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на нее. Его рубашка была расстегнута, волосы взъерошены после сна, на губах играла та самая улыбка — теплая, чуть насмешливая, но не обидная. Он смотрел на нее так, словно видел нечто удивительное. Словно она была не обычной девушкой, жарящей омлет, а по меньшей мере нимфой, случайно залетевшей в эту крошечную кухню.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе! — отозвалась она, чуть запыхавшись. — Садись. Завтрак почти готов.

Он послушно сел за маленький стол, накрытый льняной скатертью. Она поставила перед ним тарелку с омлетом, чашку черного кофе, тарелку с тостами. Все такое домашнее, такое простое, такое правильное. Он взял вилку, улыбнулся ей — и вдруг улыбка погасла.

Амелия заметила это не сразу. Она все еще порхала по кухне, наливая кофе себе, поправляя цветы на подоконнике. А когда обернулась, Ян сидел, опустив глаза, и в его лице не было ни следа утреннего тепла.

— Что-то не так? — спросила она, чувствуя, как екает сердце. — Омлет не получился?

— Омлет прекрасный, — ответил он глухо. — Дело не в омлете.

Он поднял глаза, и она увидела в них такую глубокую, такую безысходную грусть, что у нее перехватило дыхание.

— Амелия, — начал он, и голос его звучал тяжело, словно каждое слово давалось с боем. — Ты замечательная девушка. Ты умная, тонкая, нежная. Ты ты самая чистая душа, которую я когда-либо встречал. Именно поэтому я должен сказать тебе правду.

Она стояла, вцепившись в спинку стула. Кофе стыл в чашках. Радио все еще пело — теперь это казалось издевательски неуместным.

— Мы не можем быть вместе, — произнес Ян.

Тишина.

— Я причиню тебе много боли, — продолжил он, и голос его дрогнул. — Гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Я не хочу этого. Ты этого не заслуживаешь. Я думал, что смогу но нет. Не могу. Прости меня.

Амелия слышала слова, но они не складывались в смысл. Это было как дурной сон, как страница из чужого романа, случайно вложенная в ее жизнь. Как это — «не можем быть вместе»? После всего, что было? После вчерашней ночи, после поцелуев на холмах, после того, как он говорил, что она захватила его сердце?

— Ты шутишь? — прошептала она.

— Нет.

— Ты ты просто использовал меня?

— Нет! — он резко поднялся, сделал шаг к ней. — Нет, Амелия, все было по-настоящему. Именно поэтому я ухожу сейчас. Пока не стало слишком поздно. Пока я не разрушил тебя окончательно.

Она отшатнулась. Внутри что-то лопнуло — туго натянутая струна, которая держала ее последние дни в состоянии эйфории.

— Уходи, — сказала она тихо.

— Амелия

— Пошел вон! — закричала она. — Убирайся из моего дома! Сейчас же! Уходи! Уходи!

Она кричала так, как никогда в жизни не кричала. Сорванным голосом, срываясь на визг, не узнавая саму себя.

Ян попытался что-то сказать, но она схватила со стола чашку с остывшим кофе и швырнула в него. Чашка разбилась о дверной косяк в миллиметре от его плеча. Темные капли расползлись по светлой рубашке.

Ян не стал спорить. Он просто посмотрел на Амелию — долгим, мучительным взглядом, в котором читалось все, чего он не мог или не хотел сказать. А потом развернулся и вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Амелия осталась одна.

Несколько секунд она стояла неподвижно, глядя на закрытую дверь. А потом ее прорвало. Она крушила свою маленькую квартирку с какой-то животной яростью. Сорвала со стола скатерть — посуда полетела на пол, разбиваясь вдребезги. Смахнула книги с полки. Перевернула стул. Разбила вазу с белыми тюльпанами — букет, который он принес ей вчера вечером. Воду никто не удосужился налить, цветы так и стояли сухими, и теперь лепестки разлетелись по полу, как обрывки чьих-то несостоявшихся жизней.

Она кричала. Она плакала. Она колотила кулаками по стене, пока костяшки не покраснели. Дура. Какая же она дура. Он просто посмеялся над ней. Использовал — может быть, на спор, может быть, ради развлечения, может быть, от скуки. А она поверила. Растаяла, как дура, от первого же ласкового слова. Открылась, отдалась, разрешила себе быть счастливой.

Как же больно. Как невыносимо, чудовищно больно.

Она рухнула на пол прямо среди осколков и зарыдала, обхватив колени руками. Радио все еще играло — глупые жизнерадостные песенки. Она не выключила его. Не было сил.

В университете Амелия не появлялась три дня. Отправила старосте сообщение: «Заболела, справку предоставлю позже». Врала. Никакой справки не было. Было три дня в постели, с выключенным телефоном, с плотно задернутыми шторами. Три дня без еды, без сна, без мыслей — только глухая, ноющая боль в груди.

На четвертый день она заставила себя встать. Умылась. Собрала волосы в тугий хвост. Надела самый строгий, самый скучный костюм. Посмотрела в зеркало. Оттуда на нее глянула та самая серая мышь — только теперь с темными кругами под глазами и потухшим взглядом. Что ж, урок усвоен. Больше она не повторит эту ошибку.

Она пришла к третьей паре, надеясь проскользнуть в аудиторию незамеченной. И почти получилось.

Почти.эх

Проходя по коридору мимо аудитории двенадцать, она услышала знакомый низкий смех. Замедлила шаг. Повернула голову.

Ян Андреевич стоял у подоконника, облокотившись на него с той самой небрежной грацией хищника. А рядом с ним стояла очередная студентка. Не блондинка с журфака. Другая. Кажется, с факультета иностранных языков. Миниатюрная брюнетка с алыми губами и короткой юбкой. Она что-то щебетала, и Ян улыбался ей. Смотрел на нее своим фирменным взглядом — теплым, внимательным, обволакивающим.

Точно так же, как смотрел на Амелию

Внутри у нее все оборвалось — холодно, сухо, без слез. Она просто стояла и смотрела на них несколько секунд, а потом пошла дальше, не ускоряя шага. Ей казалось, что ее ударили под дых и она до сих пор не может вздохнуть. Значит, всё, что было между ними — это не любовь, не судьба, не особая связь. Это просто его стиль общения. Одна студентка, вторая, десятая. Интересно, скольким он уже говорил, что они «захватили его сердце»? Скольких возил на холмы и целовал в машине на закате?

Амелия вошла в аудиторию, села за свою парту у окна, раскрыла тетрадь. Лицо ее было спокойным. Ни слезинки. Ни единой эмоции.

Но внутри все кричало.

Глава 10. На краю

Говорят, время лечит. Ложь! Время не лечит — оно просто притупляет, как старый нож, который уже не режет, а рвет. Боль не уходит. Она меняет форму, просачивается в каждую клетку тела, становится фоном, на котором разворачивается твоя жизнь. Ты просыпаешься — боль. Ты завтракаешь — боль. Ты смотришь в окно, читаешь книгу, моешь посуду — и за каждым движением, за каждой мыслью стоит она. Глухая, ноющая, безысходная.

Амелия больше не плакала. Слезы кончились на четвертый день. Теперь она просто существовала — механически, как заводная кукла. Вставала по будильнику, чистила зубы, пила пустой чай без сахара, шла в университет, конспектировала лекции, возвращалась домой. Ела что-то, не чувствуя вкуса. Ложилась в постель и часами смотрела в потолок. Иногда забывала поесть. Иногда забывала умыться. Какая разница? Кому она нужна — неумытая, непричесанная, никакая?

Дни слились в один бесконечный день. Она перестала различать понедельник и пятницу. Пары, коридоры, лица однокурсников — все это было где-то далеко, словно она смотрела на мир сквозь толстое мутное стекло. Ян больше не попадался ей на глаза. Может быть, избегал ее. Может быть, уехал. Может быть, был занят очередной студенткой с длинными ногами и алыми губами. Какая разница?

В их группе сменился преподаватель немецкого. Девушки горестно вздыхали по этому поводу — все, кроме Амелии. Она была этому рада.

Но легче почему-то не становилось.

Однажды ночью, лежа без сна, Амелия вдруг начала вспоминать.

Детство. Школа. Вечное одиночество, тянущееся за ней как хвост с самого первого класса. Она всегда была белой вороной. Слишком высокая. Слишком худая. Слишком умная. Пока другие девчонки играли в куклы и обсуждали мальчиков, она читала книги и мечтала о чем-то большем. Ее не понимали. С ней не дружили. Ее терпели — иногда, из жалости, — но никогда не звали с собой.

В старших классах она лежала ночами и фантазировала. Что однажды у нее появится сестра — не кровная, так хоть двоюродная, хоть какая-нибудь. Они будут сидеть на кухне, пить чай и разговаривать обо всем на свете. Или лучшая подруга — та, которой можно позвонить и сказать: «Мне плохо», и она придет, просто чтобы обнять. Или парень — не красавец с обложки, нет, обычный, с хорошими глазами и тихим голосом, который скажет: «Ты у меня одна такая, ты особенная». Амелии так хотелось быть нужной хоть кому-то в этой жизни!

Мама умерла, когда Амелии было семнадцать. Родственников у нее не осталось. Подруги так и не появились. Парни по-прежнему обходили ее стороной. Она смирилась. Приняла свое одиночество как данность, как горб на спине — нести его всю жизнь, не жалуясь, не надеясь.

А потом пришел ОН. И сказал все те слова, которые она так мечтала услышать. И посмотрел на нее так, как никто никогда не смотрел. И она поверила. Дура! Разрешила себе поверить. Сто раз дура!!!

И вот, он ушел. Использовал ее, как наивную дурочку, и смылся. Счастье лопнуло, как мыльный пузырь. Так и есть. Она дура. Дура. Просто дура! Что и требовалось доказать.

Предательство Яна не просто разбило сердце Амелии. Оно сломало в ней что-то глубинное, фундаментальное. Ту невидимую опору, которая, хоть и неустойчиво, но держала ее все эти годы.

Раньше она хотя бы знала свое место. Была серой мышью, невидимкой, одиночкой — но это была ее роль, ее правда, ее понятный мир. Теперь и этот мир рухнул. Оказалось, что она не просто одинока. Она — пустое место. Игрушка. Вещь, которую можно использовать и выбросить.

В ту ночь она не могла оставаться дома. Стены давили. Воздух был спертый и тяжелым. Она накинула пальто, вышла из квартиры и просто пошла, не разбирая дороги. Улицы были пусты. Фонари горели тускло и уныло. Город спал, и в этом сне ей не было места.

Она не заметила, как ноги принесли ее обратно к собственному дому. Только на этот раз она не остановилась на своей лестничной клетке, не подошла к обшарпанной двери.

Амелия поднялась наверх, на девятый этаж. Люк на крышу был приоткрыт — кто-то из жильцов, наверное, забыл закрыть. Она толкнула железную створку и выбралась наружу.

Крыша встретила ее холодным весенним ветром и мерцанием ночного города. Внизу, насколько хватало глаз, светились окна домов, горели фонарные цепочки, где-то вдалеке шумела трасса. Мир был огромным и равнодушным к ее тоске. Амелия подошла к самому краю, остановилась у парапета.

Она не хотела прыгать.

Нет. У нее и в мыслях такого не было. Просто захотелось увидеть город с высоты. Почувствовать масштаб. Вдохнуть полной грудью этот ночной воздух — холодный, чистый, пахнущий весной и дождем. Она стояла на самом краю и смотрела вдаль, и впервые за много дней внутри что-то чуть-чуть отпустило.

А потом налетел ветер.

Он был неестественным, диким, мощным — словно огромные невидимые крылья ударили по воздуху. Порыв был таким сильным, что Амелия пошатнулась. Нога скользнула по мокрому от недавнего дождя бетону. Она вскрикнула, взмахнула руками, попыталась ухватиться за парапет, но пальцы схватили пустоту. Тело накренилось. Мир перевернулся. Она падала.

Девять этажей вниз.

Страх был таким сильным, что она не могла даже закричать. Только распахнула глаза и увидела стремительно приближающийся асфальт. Время растянулось в резину. Мысли пронеслись в голове одновременно — о маме, о книгах, о белых тюльпанах, о его глазах. «Господи, я не хочу умирать. Господи, пожалуйста»

А потом что-то подхватило ее.

Удар был сильным, но не смертельным. Ее тело обо что-то ударилось — о что-то твердое, шероховатое, холодное. Падение замедлилось. Амелия больше не падала. Она лежала на чем-то, что двигалось, — ритмично, мощно, словно гигантское сердце. Под ладонями девушка ощутила холодную чешую. Пальцы скользнули по твердым пластинам, по их острым краям.

Огромные крылья рассекали воздух с таким звуком, с каким рассекает небо гроза. Взмах — и тело поднимается выше. Еще взмах — и они уже над крышами. Ветер свистел в ушах, ледяной, пронизывающий, но она не чувствовала холода. Только ужас. И странное, невозможное понимание.

Она знала, кто это.

Она знала — и боялась открыть глаза. Потому что если она их откроет, мир, который она знала двадцать два года, исчезнет навсегда. Потому что если она их откроет, ей придется признать: все, что она считала сказками, — правда. Все, что она считала любовью, — ложь. И существо, которое сейчас несет ее над спящим городом, — это он.

Дракон.

Амелия лежала, вцепившись пальцами в холодную чешую, и по щекам ее текли слезы. Только теперь это были не слезы обиды. Это были слезы освобождения — страшного, невозможного, открывающего дверь в новую реальность. Туда, где любовь и предательство — всего лишь часть большого замысла. Часть древней магии, проснувшейся в ту самую ночь, когда ОН впервые ее поцеловал.

Амелия больше не плакала. Слезы кончились на четвертый день. Теперь она просто существовала — механически, как заводная кукла. Вставала по будильнику, чистила зубы, пила

пустой чай без сахара, шла в университет, конспектировала лекции, возвращалась домой. Ела что-то, не чувствуя вкуса. Ложилась в постель и часами смотрела в потолок. Иногда забывала поесть. Иногда забывала умыться. Какая разница? Кому она нужна — неумытая, непричесанная, никакая?

Дни слились в один бесконечный день. Она перестала различать понедельник и пятницу. Пары, коридоры, лица однокурсников — все это было где-то далеко, словно она смотрела на мир сквозь толстое мутное стекло. Ян больше не попадался ей на глаза. Может быть, избегал ее. Может быть, уехал. Может быть, был занят очередной студенткой с длинными ногами и алыми губами. Какая разница?

В их группе сменился преподаватель немецкого. Девушки горестно вздыхали по этому поводу — все, кроме Амелии. Она была этому рада.

Но легче почему-то не становилось.

Однажды ночью, лежа без сна, Амелия вдруг начала вспоминать.

Детство. Школа. Вечное одиночество, тянущееся за ней как хвост с самого первого класса. Она всегда была белой вороной. Слишком высокая. Слишком худая. Слишком умная. Пока другие девчонки играли в куклы и обсуждали мальчиков, она читала книги и мечтала о чем-то большем. Ее не понимали. С ней не дружили. Ее терпели — иногда, из жалости, — но никогда не звали с собой.

В старших классах она лежала ночами и фантазировала. Что однажды у нее появится сестра — не кровная, так хоть двоюродная, хоть какая-нибудь. Они будут сидеть на кухне, пить чай и разговаривать обо всем на свете. Или лучшая подруга — та, которой можно позвонить и сказать: «Мне плохо», и она придет, просто чтобы обнять. Или парень — не красавец с обложки, нет, обычный, с хорошими глазами и тихим голосом, который скажет: «Ты у меня одна такая, ты особенная». Амелии так хотелось быть нужной хоть кому-то в этой жизни!

Мама умерла, когда Амелии было семнадцать. Родственников у нее не осталось. Подруги так и не появились. Парни по-прежнему обходили ее стороной. Она смирилась. Приняла свое одиночество как данность, как горб на спине — нести его всю жизнь, не жалуясь, не надеясь.

А потом пришел ОН. И сказал все те слова, которые она так мечтала услышать. И посмотрел на нее так, как никто никогда не смотрел. И она поверила. Дура! Разрешила себе поверить. Сто раз дура!!!

И вот, он ушел. Использовал ее, как наивную дурочку, и смылся. Счастье лопнуло, как мыльный пузырь. Так и есть. Она дура. Дура. Просто дура! Что и требовалось доказать.

Предательство Яна не просто разбило сердце Амелии. Оно сломало в ней что-то глубинное, фундаментальное. Ту невидимую опору, которая, хоть и неустойчиво, но держала ее все эти годы.

Раньше она хотя бы знала свое место. Была серой мышью, невидимкой, одиночкой — но это была ее роль, ее правда, ее понятный мир. Теперь и этот мир рухнул. Оказалось, что она не просто одинока. Она — пустое место. Игрушка. Вещь, которую можно использовать и выбросить.

В ту ночь она не могла оставаться дома. Стены давили. Воздух был спертый и тяжелым. Она накинула пальто, вышла из квартиры и просто пошла, не разбирая дороги. Улицы были пусты. Фонари горели тускло и уныло. Город спал, и в этом сне ей не было места.

Она не заметила, как ноги принесли ее обратно к собственному дому. Только на этот раз она не остановилась на своей лестничной клетке, не подошла к обшарпанной двери.

Амелия поднялась наверх, на девятый этаж. Люк на крышу был приоткрыт — кто-то из жильцов, наверное, забыл закрыть. Она толкнула железную створку и выбралась наружу.

Крыша встретила ее холодным весенним ветром и мерцанием ночного города. Внизу, насколько хватало глаз, светились окна домов, горели фонарные цепочки, где-то вдалеке

шумела трасса. Мир был огромным и равнодушным к ее тоске. Амелия подошла к самому краю, остановилась у парапета.

Она не хотела прыгать.

Нет. У нее и в мыслях такого не было. Просто захотелось увидеть город с высоты. Почувствовать масштаб. Вдохнуть полной грудью этот ночной воздух — холодный, чистый, пахнущий весной и дождем. Она стояла на самом краю и смотрела вдаль, и впервые за много дней внутри что-то чуть-чуть отпустило.

А потом налетел ветер.

Он был неестественным, диким, мощным — словно огромные невидимые крылья ударили по воздуху. Порыв был таким сильным, что Амелия пошатнулась. Нога скользнула по мокрому от недавнего дождя бетону. Она вскрикнула, взмахнула руками, попыталась ухватиться за парапет, но пальцы схватили пустоту. Тело накренилось. Мир перевернулся. Она падала.

Девять этажей вниз.

Страх был таким сильным, что она не могла даже закричать. Только распахнула глаза и увидела стремительно приближающийся асфальт. Время растянулось в резину. Мысли пронеслись в голове одновременно — о маме, о книгах, о белых тюльпанах, о его глазах. «Господи, я не хочу умирать. Господи, пожалуйста»

А потом что-то подхватило ее.

Удар был сильным, но не смертельным. Ее тело обо что-то ударилось — о что-то твердое, шероховатое, холодное. Падение замедлилось. Амелия больше не падала. Она лежала на чем-то, что двигалось, — ритмично, мощно, словно гигантское сердце. Под ладонями девушка ощутила холодную чешую. Пальцы скользнули по твердым пластинам, по их острым краям.

Огромные крылья рассекали воздух с таким звуком, с каким рассекает небо гроза. Взмах — и тело поднимается выше. Еще взмах — и они уже над крышами. Ветер свистел в ушах, ледяной, пронизывающий, но она не чувствовала холода. Только ужас. И странное, невозможное понимание.

Она знала, кто это.

Она знала — и боялась открыть глаза. Потому что если она их откроет, мир, который она знала двадцать два года, исчезнет навсегда. Потому что если она их откроет, ей придется признать: все, что она считала сказками, — правда. Все, что она считала любовью, — ложь. И существо, которое сейчас несет ее над спящим городом, — это он.

Дракон.

Амелия лежала, вцепившись пальцами в холодную чешую, и по щекам ее текли слезы. Только теперь это были не слезы обиды. Это были слезы освобождения — страшного, невозможного, открывающего дверь в новую реальность. Туда, где любовь и предательство — всего лишь часть большого замысла. Часть древней магии, проснувшейся в ту самую ночь, когда ОН впервые ее поцеловал.

Амелия больше не плакала. Слезы кончились на четвертый день. Теперь она просто существовала — механически, как заводная кукла. Вставала по будильнику, чистила зубы, пила пустой чай без сахара, шла в университет, конспектировала лекции, возвращалась домой. Ела что-то, не чувствуя вкуса. Ложилась в постель и часами смотрела в потолок. Иногда забывала поесть. Иногда забывала умыться. Какая разница? Кому она нужна — неумытая, непричесанная, никакая?

Дни слились в один бесконечный день. Она перестала различать понедельник и пятницу. Пары, коридоры, лица однокурсников — все это было где-то далеко, словно она смотрела на мир сквозь толстое мутное стекло. Ян больше не попадался ей на глаза. Может быть, избегал ее. Может быть, уехал. Может быть, был занят очередной студенткой с длинными ногами и алыми губами. Какая разница?

В их группе сменился преподаватель немецкого. Девушки горестно вздыхали по этому поводу — все, кроме Амелии. Она была этому рада.

Но легче почему-то не становилось.

Однажды ночью, лежа без сна, Амелия вдруг начала вспоминать.

Детство. Школа. Вечное одиночество, тянущееся за ней как хвост с самого первого класса. Она всегда была белой вороной. Слишком высокая. Слишком худая. Слишком умная. Пока другие девчонки играли в куклы и обсуждали мальчиков, она читала книги и мечтала о чем-то большем. Ее не понимали. С ней не дружили. Ее терпели — иногда, из жалости, — но никогда не звали с собой.

В старших классах она лежала ночами и фантазировала. Что однажды у нее появится сестра — не кровная, так хоть двоюродная, хоть какая-нибудь. Они будут сидеть на кухне, пить чай и разговаривать обо всем на свете. Или лучшая подруга — та, которой можно позвонить и сказать: «Мне плохо», и она придет, просто чтобы обнять. Или парень — не красавец с обложки, нет, обычный, с хорошими глазами и тихим голосом, который скажет: «Ты у меня одна такая, ты особенная». Амелии так хотелось быть нужной хоть кому-то в этой жизни!

Мама умерла, когда Амелии было семнадцать. Родственников у нее не осталось. Подруги так и не появились. Парни по-прежнему обходили ее стороной. Она смирилась. Приняла свое одиночество как данность, как горб на спине — нести его всю жизнь, не жалуясь, не надеясь.

А потом пришел ОН. И сказал все те слова, которые она так мечтала услышать. И посмотрел на нее так, как никто никогда не смотрел. И она поверила. Дура! Разрешила себе поверить. Сто раз дура!!!

И вот, он ушел. Использовал ее, как наивную дурочку, и смылся. Счастье лопнуло, как мыльный пузырь. Так и есть. Она дура. Дура. Просто дура! Что и требовалось доказать.

Предательство Яна не просто разбило сердце Амелии. Оно сломало в ней что-то глубинное, фундаментальное. Ту невидимую опору, которая, хоть и неустойчиво, но держала ее все эти годы.

Раньше она хотя бы знала свое место. Была серой мышью, невидимкой, одиночкой — но это была ее роль, ее правда, ее понятный мир. Теперь и этот мир рухнул. Оказалось, что она не просто одинока. Она — пустое место. Игрушка. Вещь, которую можно использовать и выбросить.

В ту ночь она не могла оставаться дома. Стены давили. Воздух был спертым и тяжелым. Она накинула пальто, вышла из квартиры и просто пошла, не разбирая дороги. Улицы были пусты. Фонари горели тускло и уныло. Город спал, и в этом сне ей не было места.

Она не заметила, как ноги принесли ее обратно к собственному дому. Только на этот раз она не остановилась на своей лестничной клетке, не подошла к обшарпанной двери.

Амелия поднялась наверх, на девятый этаж. Люк на крышу был приоткрыт — кто-то из жильцов, наверное, забыл закрыть. Она толкнула железную створку и выбралась наружу.

Крыша встретила ее холодным весенним ветром и мерцанием ночного города. Внизу, насколько хватало глаз, светились окна домов, горели фонарные цепочки, где-то вдалеке шумела трасса. Мир был огромным и равнодушным к ее тоске. Амелия подошла к самому краю, остановилась у парапета.

Она не хотела прыгать.

Нет. У нее и в мыслях такого не было. Просто захотелось увидеть город с высоты. Почувствовать масштаб. Вдохнуть полной грудью этот ночной воздух — холодный, чистый, пахнущий весной и дождем. Она стояла на самом краю и смотрела вдаль, и впервые за много дней внутри что-то чуть-чуть отпустило.

А потом налетел ветер.

Он был неестественным, диким, мощным — словно огромные невидимые крылья ударили по воздуху. Порыв был таким сильным, что Амелия пошатнулась. Нога скользнула по

мокрому от недавнего дождя бетону. Она вскрикнула, взмахнула руками, попыталась ухватиться за парашют, но пальцы схватили пустоту. Тело накренилось. Мир перевернулся. Она падала.

Девять этажей вниз.

Страх был таким сильным, что она не могла даже закричать. Только распахнула глаза и увидела стремительно приближающийся асфальт. Время растянулось в резину. Мысли пронеслись в голове одновременно — о маме, о книгах, о белых тюльпанах, о его глазах. «Господи, я не хочу умирать. Господи, пожалуйста»

А потом что-то подхватило ее.

Удар был сильным, но не смертельным. Ее тело обо что-то ударилось — о что-то твердое, шероховатое, холодное. Падение замедлилось. Амелия больше не падала. Она лежала на чем-то, что двигалось, — ритмично, мощно, словно гигантское сердце. Под ладонями девушка ощутила холодную чешую. Пальцы скользнули по твердым пластинам, по их острым краям.

Огромные крылья рассекали воздух с таким звуком, с каким рассекает небо гроза. Взмах — и тело поднимается выше. Еще взмах — и они уже над крышами. Ветер свистел в ушах, ледяной, пронизывающий, но она не чувствовала холода. Только ужас. И странное, невозможное понимание.

Она знала, кто это.

Она знала — и боялась открыть глаза. Потому что если она их откроет, мир, который она знала двадцать два года, исчезнет навсегда. Потому что если она их откроет, ей придется признать: все, что она считала сказками, — правда. Все, что она считала любовью, — ложь. И существо, которое сейчас несет ее над спящим городом, — это он.

Дракон.

Амелия лежала, вцепившись пальцами в холодную чешую, и по щекам ее текли слезы. Только теперь это были не слезы обиды. Это были слезы освобождения — страшного, невозможного, открывающего дверь в новую реальность. Туда, где любовь и предательство — всего лишь часть большого замысла. Часть древней магии, проснувшейся в ту самую ночь, когда ОН впервые ее поцеловал.

Глава 11. Под звездами на снегу

Дракон опустился на вершину холма, заросшего старым лесом.

Земля здесь еще была покрыта снегом — мартовским, ноздреватым, но все еще глубоким. В городе снег почти сошел, а здесь, на высоте, весна только робко заявляла о своих правах. Сосны и ели стояли темными стражами вокруг, ветви их были припорошены белым, и в лунном свете все это казалось декорацией к какой-то древней, дочеловеческой пьесе. Той, что разыгрывается с начала времен и будет разыгрываться до конца.

Амелия соскользнула с драконьей спины на землю. Ноги подкосились, и она упала в снег. Холод обжег ладони, пробрался под пальто, отрезвил. Она подняла голову и наконец осмелилась посмотреть.

Он возвышался над ней — огромный, заслоняющий полнеба. Тело его было покрыто чешуей, которая в лунном свете отливала серебром и темной синью. Длинная шея изгибалась; хвост с костяными шипами нервно хлестал по снегу, вздымая облака ледяной пыли. Крылья — полупрозрачные, перепончатые, с сеткой темных вен, — раскинулись на многие метры в обе стороны, и ветер все еще гулял в их складках. Он был прекрасен. Он был ужасен. Он был невозможен.

Амелия смотрела на него — и не могла отвести взгляд. В ней смешались ужас и восторг, как две реки, сливающиеся в один бурный поток. Вот, значит, какова правда. Вот что он скрывал. Вот что означали все его недомолвки, предупреждения, печальные взгляды. Он не человек. Никогда не был человеком.

Дракон медленно повернул голову к ней. И Амелия увидела его глаза.

Это были глаза Яна. Те самые — темные, глубокие, цвета горького кофе. Сейчас в них горел вертикальный зрачок, сужающийся и расширяющийся в такт дыханию, но взгляд был его. Человеческий. Слишком человеческий для такого существа. В этом взгляде читалось все сразу: тоска, мука, нежность и что-то еще, что Амелия не могла — или боялась назвать. Что-то темное, древнее, голодное.

— Ян, — прошептала она.

Звук собственного голоса показался ей чужим и тонким. Но дракон услышал. Его зрачки дрогнули. По огромному телу прошла судорога. И он начал меняться.

Это не было похоже на кино. Никакого плавного перетекания, никакой магии с искрами и свечением. Тело дракона ломалось, сжималось, перестраивалось с хрустом костей и сухим шелестом исчезающей чешуи. Крылья втягивались в спину, хвост сокращался, огромная грудь становилась человеческой. Это было жутко и завораживающе — смотреть, как древняя магия переписывает саму природу материи.

Через несколько мгновений перед ней стоял Ян.

Обнаженный, босой — на снегу. Человеческая кожа, человеческие мышцы, человеческие пропорции. И только в глазах, когда лунный свет падал под определенным углом, все еще можно было разглядеть отблеск вертикального зрачка. Он смотрел на нее — с тоской и той самой темной страстью, которую она почувствовала еще тогда, в машине на холмах. Только теперь к ней примешивалось что-то еще. Страх? Да. Он боялся ее реакции. Боялся, что она закричит, побежит, проклянет его.

Амелия не закричала. Не побежала.

Она смотрела на него — на мужчину, который предал ее. На дракона, который только что спас ее от смерти. И внутри нее, вопреки всему — вопреки здравому смыслу, вопреки обиде, вопреки гордости, — поднималось желание. Жаркое, темное, необъяснимое. Его сила, его мощь, его нечеловеческая природа не отталкивали ее. Наоборот — притягивали, как притягивает огонь мотылька.

Они не сказали друг другу ни слова.

Просто одновременно шагнули вперед — и столкнулись в центре снежной поляны. Его руки обхватили ее, прижали к горячей груди. Его тело, только что бывшее холодной чешуей, горело — жар исходил от него волнами, и снег под их ногами начал таять. Его губы нашли ее губы. Поцелуй был яростным, голодным, почти животным. Он целовал ее так, словно она была его единственным источником жизни, и Амелия отвечала с той же силой.

Они опустились на снег. Но снег больше не был холодным — жар его тела превратил его в теплую, почти горячую постель. Пальто Амелии распахнулось, платье задралось, кожа к коже. Его руки блуждали по ее телу — жадно, требовательно, словно он пытался запомнить каждый изгиб, каждый миллиметр. Она выгибалась навстречу, впиваясь ногтями в его плечи. Где-то на границе сознания мелькнула мысль: это безумие. Это невозможно. Он только что был драконом. Он обманул ее.

Но тело не слушало разум. Тело жило своей жизнью — и эта жизнь была огнем, пульсирующим в такт его движениям.

Он овладел ею прямо там, на тающем снегу, под звездами, которые равнодушно взирали на них с высоты. И в этот раз не было нежности их первой ночи. Была страсть — грубая, первобытная, очищающая. Была жажда — такая же древняя, как его драконья сущность. Амелия принимала его всего, без остатка, без страха, без сожалений. И когда мир взорвался на тысячи осколков, она закричала — но это был крик не боли, а освобождения.

Потом они лежали на снегу, который все еще был теплым. Его дыхание выравнивалось, и он смотрел на нее — молча, вопросительно, словно ждал приговора. А она смотрела на звезды и думала о том, что жизнь ее больше никогда не будет серой и скучной. Что бы ни случилось дальше. Правда оказалась страшнее, чем она могла вообразить, — но почему-то ей было все равно.

— Расскажи мне все, — сказала она наконец, не поворачивая головы. — С самого начала. Я хочу знать правду. Всю правду.

И он рассказал.

Земля здесь еще была покрыта снегом — мартовским, ноздреватым, но все еще глубоким. В городе снег почти сошел, а здесь, на высоте, весна только робко заявляла о своих правах. Сосны и ели стояли темными стражами вокруг, ветви их были припорошены белым, и в лунном свете все это казалось декорацией к какой-то древней, дочеловеческой пьесе. Той, что разыгрывается с начала времен и будет разыгрываться до конца.

Амелия соскользнула с драконьей спины на землю. Ноги подкосились, и она упала в снег. Холод обжег ладони, пробрался под пальто, отрезвил. Она подняла голову и наконец осмелилась посмотреть.

Он возвышался над ней — огромный, заслоняющий полнеба. Тело его было покрыто чешуей, которая в лунном свете отливала серебром и темной синью. Длинная шея изгибалась; хвост с костяными шипами нервно хлестал по снегу, вздымая облака ледяной пыли. Крылья — полупрозрачные, перепончатые, с сеткой темных вен, — раскинулись на многие метры в обе стороны, и ветер все еще гулял в их складках. Он был прекрасен. Он был ужасен. Он был невозможен.

Амелия смотрела на него — и не могла отвести взгляд. В ней смешались ужас и восторг, как две реки, сливающиеся в один бурный поток. Вот, значит, какова правда. Вот что он скрывал. Вот что означали все его недомолвки, предупреждения, печальные взгляды. Он не человек. Никогда не был человеком.

Дракон медленно повернул голову к ней. И Амелия увидела его глаза.

Это были глаза Яна. Те самые — темные, глубокие, цвета горького кофе. Сейчас в них горел вертикальный зрачок, сужающийся и расширяющийся в такт дыханию, но взгляд был его. Человеческий. Слишком человеческий для такого существа. В этом взгляде читалось все

сразу: тоска, мука, нежность и что-то еще, что Амелия не могла — или боялась назвать. Что-то темное, древнее, голодное.

— Ян, — прошептала она.

Звук собственного голоса показался ей чужим и тонким. Но дракон услышал. Его зрачки дрогнули. По огромному телу прошла судорога. И он начал меняться.

Это не было похоже на кино. Никакого плавного перетекания, никакой магии с искрами и свечением. Тело дракона ломалось, сжималось, перестраивалось с хрустом костей и сухим шелестом исчезающей чешуи. Крылья втягивались в спину, хвост сокращался, огромная грудь становилась человеческой. Это было жутко и завораживающе — смотреть, как древняя магия переписывает саму природу материи.

Через несколько мгновений перед ней стоял Ян.

Обнаженный, босой — на снегу. Человеческая кожа, человеческие мышцы, человеческие пропорции. И только в глазах, когда лунный свет падал под определенным углом, все еще можно было разглядеть отблеск вертикального зрачка. Он смотрел на нее — с тоской и той самой темной страстью, которую она почувствовала еще тогда, в машине на холмах. Только теперь к ней примешивалось что-то еще. Страх? Да. Он боялся ее реакции. Боялся, что она закричит, побежит, проклянет его.

Амелия не закричала. Не побежала.

Она смотрела на него — на мужчину, который предал ее. На дракона, который только что спас ее от смерти. И внутри нее, вопреки всему — вопреки здравому смыслу, вопреки обиде, вопреки гордости, — поднималось желание. Жаркое, темное, необъяснимое. Его сила, его мощь, его нечеловеческая природа не отталкивали ее. Наоборот — притягивали, как притягивает огонь мотылька.

Они не сказали друг другу ни слова.

Просто одновременно шагнули вперед — и столкнулись в центре снежной поляны. Его руки обхватили ее, прижали к горячей груди. Его тело, только что бывшее холодной чешуей, горело — жар исходил от него волнами, и снег под их ногами начал таять. Его губы нашли ее губы. Поцелуй был яростным, голодным, почти животным. Он целовал ее так, словно она была его единственным источником жизни, и Амелия отвечала с той же силой.

Они опустились на снег. Но снег больше не был холодным — жар его тела превратил его в теплую, почти горячую постель. Пальто Амелии распахнулось, платье задралось, кожа к коже. Его руки блуждали по ее телу — жадно, требовательно, словно он пытался запомнить каждый изгиб, каждый миллиметр. Она выгибалась навстречу, впиваясь ногтями в его плечи. Где-то на границе сознания мелькнула мысль: это безумие. Это невозможно. Он только что был драконом. Он обманул ее.

Но тело не слушало разум. Тело жило своей жизнью — и эта жизнь была огнем, пульсирующим в такт его движениям.

Он овладел ею прямо там, на тающем снегу, под звездами, которые равнодушно взирали на них с высоты. И в этот раз не было нежности их первой ночи. Была страсть — грубая, первобытная, очищающая. Была жажда — такая же древняя, как его драконья сущность. Амелия принимала его всего, без остатка, без страха, без сожалений. И когда мир взорвался на тысячи осколков, она закричала — но это был крик не боли, а освобождения.

Потом они лежали на снегу, который все еще был теплым. Его дыхание выравнивалось, и он смотрел на нее — молча, вопросительно, словно ждал приговора. А она смотрела на звезды и думала о том, что жизнь ее больше никогда не будет серой и скучной. Что бы ни случилось дальше. Правда оказалась страшнее, чем она могла вообразить, — но почему-то ей было все равно.

— Расскажи мне все, — сказала она наконец, не поворачивая головы. — С самого начала. Я хочу знать правду. Всю правду.

И он рассказал.

Земля здесь еще была покрыта снегом — мартовским, ноздреватым, но все еще глубоким. В городе снег почти сошел, а здесь, на высоте, весна только робко заявляла о своих правах. Сосны и ели стояли темными стражами вокруг, ветви их были припорошены белым, и в лунном свете все это казалось декорацией к какой-то древней, дочеловеческой пьесе. Той, что разыгрывается с начала времен и будет разыгрываться до конца.

Амелия соскользнула с драконьей спины на землю. Ноги подкосились, и она упала в снег. Холод обжег ладони, пробрался под пальто, отрезвил. Она подняла голову и наконец осмелилась посмотреть.

Он возвышался над ней — огромный, заслоняющий полнеба. Тело его было покрыто чешуей, которая в лунном свете отливала серебром и темной синью. Длинная шея изгибалась; хвост с костяными шипами нервно хлестал по снегу, вздымая облака ледяной пыли. Крылья — полупрозрачные, перепончатые, с сеткой темных вен, — раскинулись на многие метры в обе стороны, и ветер все еще гулял в их складках. Он был прекрасен. Он был ужасен. Он был невозможен.

Амелия смотрела на него — и не могла отвести взгляд. В ней смешались ужас и восторг, как две реки, сливающиеся в один бурный поток. Вот, значит, какова правда. Вот что он скрывал. Вот что означали все его недомолвки, предупреждения, печальные взгляды. Он не человек. Никогда не был человеком.

Дракон медленно повернул голову к ней. И Амелия увидела его глаза.

Это были глаза Яна. Те самые — темные, глубокие, цвета горького кофе. Сейчас в них горел вертикальный зрачок, сужающийся и расширяющийся в такт дыханию, но взгляд был его. Человеческий. Слишком человеческий для такого существа. В этом взгляде читалось все сразу: тоска, мука, нежность и что-то еще, что Амелия не могла — или боялась назвать. Что-то темное, древнее, голодное.

— Ян, — прошептала она.

Звук собственного голоса показался ей чужим и тонким. Но дракон услышал. Его зрачки дрогнули. По огромному телу прошла судорога. И он начал меняться.

Это не было похоже на кино. Никакого плавного перетекания, никакой магии с искрами и свечением. Тело дракона ломалось, сжималось, перестраивалось с хрустом костей и сухим шелестом исчезающей чешуи. Крылья втягивались в спину, хвост сокращался, огромная грудь становилась человеческой. Это было жутко и завораживающе — смотреть, как древняя магия переписывает саму природу материи.

Через несколько мгновений перед ней стоял Ян.

Обнаженный, босой — на снегу. Человеческая кожа, человеческие мышцы, человеческие пропорции. И только в глазах, когда лунный свет падал под определенным углом, все еще можно было разглядеть отблеск вертикального зрачка. Он смотрел на нее — с тоской и той самой темной страстью, которую она почувствовала еще тогда, в машине на холмах. Только теперь к ней примешивалось что-то еще. Страх? Да. Он боялся ее реакции. Боялся, что она закричит, побежит, проклянет его.

Амелия не закричала. Не побежала.

Она смотрела на него — на мужчину, который предал ее. На дракона, который только что спас ее от смерти. И внутри нее, вопреки всему — вопреки здравому смыслу, вопреки обиде, вопреки гордости, — поднималось желание. Жаркое, темное, необъяснимое. Его сила, его мощь, его нечеловеческая природа не отталкивали ее. Наоборот — притягивали, как притягивает огонь мотылька.

Они не сказали друг другу ни слова.

Просто одновременно шагнули вперед — и столкнулись в центре снежной поляны. Его руки обхватили ее, прижали к горячей груди. Его тело, только что бывшее холодной чешуей,

горело — жар исходил от него волнами, и снег под их ногами начал таять. Его губы нашли ее губы. Поцелуй был яростным, голодным, почти животным. Он целовал ее так, словно она была его единственным источником жизни, и Амелия отвечала с той же силой.

Они опустились на снег. Но снег больше не был холодным — жар его тела превратил его в теплую, почти горячую постель. Пальто Амелии распахнулось, платье задралось, кожа к коже. Его руки блуждали по ее телу — жадно, требовательно, словно он пытался запомнить каждый изгиб, каждый миллиметр. Она выгибалась навстречу, впиваясь ногтями в его плечи. Где-то на границе сознания мелькнула мысль: это безумие. Это невозможно. Он только что был драконом. Он обманул ее.

Но тело не слушало разум. Тело жило своей жизнью — и эта жизнь была огнем, пульсирующим в такт его движениям.

Он овладел ею прямо там, на тающем снегу, под звездами, которые равнодушно взирали на них с высоты. И в этот раз не было нежности их первой ночи. Была страсть — грубая, первобытная, очищающая. Была жажда — такая же древняя, как его драконья сущность. Амелия принимала его всего, без остатка, без страха, без сожалений. И когда мир взорвался на тысячи осколков, она закричала — но это был крик не боли, а освобождения.

Потом они лежали на снегу, который все еще был теплым. Его дыхание выравнивалось, и он смотрел на нее — молча, вопросительно, словно ждал приговора. А она смотрела на звезды и думала о том, что жизнь ее больше никогда не будет серой и скучной. Что бы ни случилось дальше. Правда оказалась страшнее, чем она могла вообразить, — но почему-то ей было все равно.

— Расскажи мне все, — сказала она наконец, не поворачивая головы. — С самого начала. Я хочу знать правду. Всю правду.

И он рассказал.

Глава 12. Исповедь дракона

Они сидели на вершине холма, на тающем снегу, и звезды смотрели на них сверху — равнодушные свидетели того, что случилось. Амелия куталась в свое пальто, которое он набросил ей на плечи. Она не боялась простудиться, сильный огонь грел ее изнутри. Ян сидел рядом, обнаженный до пояса, и холод, казалось, тоже совершенно его не беспокоил.

— С самого начала, — повторила она. — Я хочу знать все.

Он долго молчал, глядя на огни далекого города внизу. Потом заговорил — глухо, тяжело, словно каждое слово приходилось вырывать из себя силой.

— Мой род — один из древнейших в этом мире. Мы жили здесь задолго до того, как люди построили первый город. Нас было много. Целые кланы, целые династии. Мы не были злыми — какими нас рисуют в сказках. Мы не крали принцесс и не жгли деревни ради забавы. Мы были хранителями. Хранителями равновесия, стражами границы между мирами. Но времена менялись. Люди плодились, расплзались по земле, вытесняли нас. Начались войны. Нас убивали — рыцари, охотники, инквизиция. Мы сопротивлялись, но нас было слишком мало, а их — слишком много.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Амелия не перебивала. Она слушала, затаив дыхание, чувствуя, как рушится привычная картина мира и на ее месте вырастает новая — огромная, пугающая, величественная.

— К двадцатому веку нас осталось всего несколько семей. Мы научились скрываться. Принимать человеческий облик. Жить среди людей, не привлекая внимания. Но была одна проблема. Проклятие нашего рода. Дракон может иметь потомство только от земной женщины. Не от драконицы — их больше нет, последняя умерла много веков назад. Только от человеческой женщины. Вот только человеческое тело не приспособлено для того, чтобы вынашивать драконье дитя. Это это тяжело. Очень тяжело. И почти всегда заканчивается смертью матери.

Амелия вздрогнула. Вот оно. То, о чем он предупреждал. То, что он называл «болью».

— Моя мать была человеком, — продолжил Ян глухо. — Она умерла через несколько часов после моего рождения. Отец так и не простил себе этого. Он прожил еще двести лет — в одиночестве, в тоске, в чувстве вины, которое сжирало его изнутри. Он никогда больше не говорил о ней. Я знаю ее только по единственной фотографии, которую отец носил с собой до самой смерти.

Он повернулся к Амелии и взял ее руки в свои. Его ладони были горячими, почти обжигающими, но она не отдернула их.

— Когда отец умер, я остался один. Последний. Понимаешь? Последний дракон на всей земле. Если у меня не будет наследника — наш род прервется. Тысячи лет истории, магии, памяти — все исчезнет. Я искал. Долго искал. Не просто женщину, способную выносить дитя, — таких немного, но они есть. Я искал ту, которую смогу полюбить. Потому что мысль о том, чтобы использовать человека как инкубатор, была мне отвратительна. Я не хотел быть чудовищем. Я хотел быть мужчиной, который любит женщину. И тогда появилась ты.

Он поднял глаза, и в них стояла такая мука, что у Амелии перехватило дыхание.

— Я пришел в университет не случайно. Я знал, что ты там учишься. Знал о тебе задолго до того, как мы столкнулись в коридоре. Твоя мать была из тех, кто способен выносить драконье дитя, — но она выбрала обычного человека. А ты унаследовала ее дар. Я собирался просто познакомиться. Посмотреть. Оценить. Но когда ты подняла на меня глаза в том коридоре — растерянная, в очках, с этими дурацкими книжками, — я пропал. Ты захватила мое сердце. По-настоящему. Я влюбился в тебя, Амелия. Не как дракон в носительницу. Как мужчина в женщину.

Он сжал ее руки крепче, и голос его дрогнул.

— Ты должна знать правду. Я не могу подвергать тебя такой опасности. Я скорее позволю своему роду умереть, чем потеряю тебя. Ты слишком дорога мне. Я не хочу, чтобы ты умерла, как моя мать. Я не хочу быть причиной твоей гибели. Лучше я исчезну из твоей жизни сейчас, чем буду стоять над твоей могилой, зная, что это я убил тебя.

Тишина.

Звезды молчали. Лес молчал. Где-то далеко, в долине, таял снег, предвещая скорую весну.

Амелия сидела неподвижно. В голове ее роились тысячи мыслей. Драконы. Древний род. Смертельная беременность. Он знал о ней еще до встречи. Он следил за ней. Все это должно было вызвать ужас, отвращение, гнев. Она должна была вскочить, убежать, проклясть его.

Но она не чувствовала ничего из этого.

Она смотрела на него — на его измученное лицо, на его глаза, полные тоски и любви, — и понимала: вот он. Тот самый человек, которого она ждала всю жизнь. Не идеальный принц из сказки. Не обычный парень с хорошей улыбкой. Дракон. Древний, могучий, опасный. Но он любит ее. По-настоящему любит.

— Я согласна, — сказала она тихо.

Ян вздрогнул. Поднял глаза. В них мелькнула надежда — робкая, почти детская, а потом снова погасла.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь. Это будет стоить тебе жизни.

— Понимаю, — ответила она. — Я все понимаю. Но я уже не смогу жить без тебя.

— Амелия

— Ты говоришь, что скорее позволишь своему роду умереть. А я скорее умру, чем вернусь в ту жизнь, которую жила до тебя, — она поднялась на ноги. Голос ее дрожал, но был тверд. — Ты не понимаешь, Ян. До тебя я была пустотой. Ходячей пустотой в свитере не по размеру. Я не жила. Я существовала. Серая мышь, невидимка, одиночка. Ты дал мне любовь. Ты дал мне чувство, что я существую. Что я кому-то нужна. Что я — особенная. И ты — дракон. Настоящий, живой, древний. Ты — чудо, которое я искала во всех книгах и не находила. Ты — моя судьба. И если для того, чтобы быть с тобой, мне придется рискнуть жизнью, — я готова. Я согласна. Я хочу этого. Хочу тебя. Хочу твоего ребенка.

Он смотрел на нее, и по его лицу текли слезы. Он поднялся, шагнул к ней и заключил ее в объятия с такой силой, что дыхание перехватило.

— Я люблю тебя, — прошептал он. — Люблю. Клянусь всеми звездами, всеми предками, всем, что у меня есть.

— И я тебя люблю, — ответила она, утыкаясь лицом в его горячую грудь. — Вопреки всему. Вопреки страху. Вопреки смерти. Люблю.

Он целовал ее — долго, страстно, иступленно, словно пытался вложить в поцелуй все, что не мог выразить словами. Она отвечала с той же силой, чувствуя, как по телу разливается жар, как страх уступает место решимости, как любовь заполняет каждую клеточку, каждую впадину, каждую трещину ее израненной души.

— Ты уверена? — спросил он, оторвавшись от ее губ. Голос был хриплым, дыхание — прерывистым. — Обратного пути не будет.

— Я никогда не была ни в чем так уверена, — ответила она.

Он отступил на шаг. Закрыв глаза. И начал меняться.

На этот раз превращение было быстрее — или ей просто так показалось. Тело вытянулось, налилось мощью, кожа пошла чешуей, за спиной развернулись огромные крылья. Когда он закончил, перед ней снова стоял дракон — серебристо-синий, с глазами, в которых горела любовь.

Он опустился на землю, подставляя ей спину. Амелия, не колеблясь, забралась на него. Чешуя под ладонями была теплой и шершавой. Она прижалась всем телом, обхватила его шею руками.

— Домой, — сказала она. — Отнеси меня домой.

Он взмыл в небо.

Полет был недолгим — несколько минут, и он опустил ее на крышу ее девятиэтажки, у самого люка. Попрощался взглядом — и улетел, растворяясь в ночном небе.

Амелия спустилась в квартиру. Не зажигая света, подошла к окну. Отдернула штору. В просвете между домами, на фоне звездного неба, она увидела силуэт дракона. Он сделал круг над городом — так низко, что, наверное, кто-то еще мог его заметить, — и исчез. Его огромная тень скользнула по крышам и растаяла.

Она еще долго стояла у окна, прижимая ладони к стеклу, и по ее лицу текли слезы. Это были не слезы горя. Это были слезы очищения, слезы облегчения, слезы любви — такой огромной, что она едва умещалась в ее худеньком теле.

Она не знала, что будет дальше. Не знала, выживет ли, когда придет время родить. Не знала, сколько им отмерено — им, межвидовой паре, которой не должно было существовать.

Но она знала одно: больше она никогда не будет серой мышью. И больше никогда не будет одна.

Она будет счастлива. Пусть это счастье продлится недолго, но оно будет настоящим.

— С самого начала, — повторила она. — Я хочу знать все.

Он долго молчал, глядя на огни далекого города внизу. Потом заговорил — глухо, тяжело, словно каждое слово приходилось вырывать из себя силой.

— Мой род — один из древнейших в этом мире. Мы жили здесь задолго до того, как люди построили первый город. Нас было много. Целые кланы, целые династии. Мы не были злыми — какими нас рисуют в сказках. Мы не крали принцесс и не жгли деревни ради забавы. Мы были хранителями. Хранителями равновесия, стражами границы между мирами. Но времена менялись. Люди плодились, расплозились по земле, вытесняли нас. Начались войны. Нас убивали — рыцари, охотники, инквизиция. Мы сопротивлялись, но нас было слишком мало, а их — слишком много.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Амелия не перебивала. Она слушала, затаив дыхание, чувствуя, как рушится привычная картина мира и на ее месте вырастает новая — огромная, пугающая, величественная.

— К двадцатому веку нас осталось всего несколько семей. Мы научились скрываться. Принимать человеческий облик. Жить среди людей, не привлекая внимания. Но была одна проблема. Проклятие нашего рода. Дракон может иметь потомство только от земной женщины. Не от драконицы — их больше нет, последняя умерла много веков назад. Только от человеческой женщины. Вот только человеческое тело не приспособлено для того, чтобы вынашивать драконье дитя. Это это тяжело. Очень тяжело. И почти всегда заканчивается смертью матери.

Амелия вздрогнула. Вот оно. То, о чем он предупреждал. То, что он называл «болью».

— Моя мать была человеком, — продолжил Ян глухо. — Она умерла через несколько часов после моего рождения. Отец так и не простил себе этого. Он прожил еще двести лет — в одиночестве, в тоске, в чувстве вины, которое сжирало его изнутри. Он никогда больше не говорил о ней. Я знаю ее только по единственной фотографии, которую отец носил с собой до самой смерти.

Он повернулся к Амелии и взял ее руки в свои. Его ладони были горячими, почти обжигающими, но она не отдернула их.

— Когда отец умер, я остался один. Последний. Понимаешь? Последний дракон на всей земле. Если у меня не будет наследника — наш род прервется. Тысячи лет истории, магии, памяти — все исчезнет. Я искал. Долго искал. Не просто женщину, способную выносить дитя,

— таких немного, но они есть. Я искал ту, которую смогу полюбить. Потому что мысль о том, чтобы использовать человека как инкубатор, была мне отвратительна. Я не хотел быть чудовищем. Я хотел быть мужчиной, который любит женщину. И тогда появилась ты.

Он поднял глаза, и в них стояла такая мука, что у Амелии перехватило дыхание.

— Я пришел в университет не случайно. Я знал, что ты там учишься. Знал о тебе задолго до того, как мы столкнулись в коридоре. Твоя мать была из тех, кто способен выносить драконье дитя, — но она выбрала обычного человека. А ты унаследовала ее дар. Я собирался просто познакомиться. Посмотреть. Оценить. Но когда ты подняла на меня глаза в том коридоре — растерянная, в очках, с этими дурацкими книжками, — я пропал. Ты захватила мое сердце. По-настоящему. Я влюбился в тебя, Амелия. Не как дракон в носительницу. Как мужчина в женщину.

Он сжал ее руки крепче, и голос его дрогнул.

— Ты должна знать правду. Я не могу подвергать тебя такой опасности. Я скорее позволю своему роду умереть, чем потеряю тебя. Ты слишком дорога мне. Я не хочу, чтобы ты умерла, как моя мать. Я не хочу быть причиной твоей гибели. Лучше я исчезну из твоей жизни сейчас, чем буду стоять над твоей могилой, зная, что это я убил тебя.

Тишина.

Звезды молчали. Лес молчал. Где-то далеко, в долине, таял снег, предвещая скорую весну.

Амелия сидела неподвижно. В голове ее роились тысячи мыслей. Драконы. Древний род. Смертельная беременность. Он знал о ней еще до встречи. Он следил за ней. Все это должно было вызвать ужас, отвращение, гнев. Она должна была вскочить, убежать, проклясть его.

Но она не чувствовала ничего из этого.

Она смотрела на него — на его измученное лицо, на его глаза, полные тоски и любви, — и понимала: вот он. Тот самый человек, которого она ждала всю жизнь. Не идеальный принц из сказки. Не обычный парень с хорошей улыбкой. Дракон. Древний, могучий, опасный. Но он любит ее. По-настоящему любит.

— Я согласна, — сказала она тихо.

Ян вздрогнул. Поднял глаза. В них мелькнула надежда — робкая, почти детская, а потом снова погасла.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь. Это будет стоить тебе жизни.

— Понимаю, — ответила она. — Я все понимаю. Но я уже не смогу жить без тебя.

— Амелия

— Ты говоришь, что скорее позволишь своему роду умереть. А я скорее умру, чем вернусь в ту жизнь, которую жила до тебя, — она поднялась на ноги. Голос ее дрожал, но был тверд. — Ты не понимаешь, Ян. До тебя я была пустотой. Ходячей пустотой в свитере не по размеру. Я не жила. Я существовала. Серая мышь, невидимка, одиночка. Ты дал мне любовь. Ты дал мне чувство, что я существую. Что я кому-то нужна. Что я — особенная. И ты — дракон. Настоящий, живой, древний. Ты — чудо, которое я искала во всех книгах и не находила. Ты — моя судьба. И если для того, чтобы быть с тобой, мне придется рискнуть жизнью, — я готова. Я согласна. Я хочу этого. Хочу тебя. Хочу твоего ребенка.

Он смотрел на нее, и по его лицу текли слезы. Он поднялся, шагнул к ней и заключил ее в объятия с такой силой, что дыхание перехватило.

— Я люблю тебя, — прошептал он. — Люблю. Клянусь всеми звездами, всеми предками, всем, что у меня есть.

— И я тебя люблю, — ответила она, утыкаясь лицом в его горячую грудь. — Вопреки всему. Вопреки страху. Вопреки смерти. Люблю.

Он целовал ее — долго, страстно, исступленно, словно пытался вложить в поцелуй все, что не мог выразить словами. Она отвечала с той же силой, чувствуя, как по телу разливается

жар, как страх уступает место решимости, как любовь заполняет каждую клеточку, каждую впадину, каждую трещину ее израненной души.

— Ты уверена? — спросил он, оторвавшись от ее губ. Голос был хриплым, дыхание — прерывистым. — Обратного пути не будет.

— Я никогда не была ни в чем так уверена, — ответила она.

Он отступил на шаг. Закрыв глаза. И начал меняться.

На этот раз превращение было быстрее — или ей просто так показалось. Тело вытянулось, налилось мощью, кожа пошла чешуей, за спиной развернулись огромные крылья. Когда он закончил, перед ней снова стоял дракон — серебристо-синий, с глазами, в которых горела любовь.

Он опустился на землю, подставляя ей спину. Амелия, не колеблясь, забралась на него. Чешуя под ладонями была теплой и шершавой. Она прижалась всем телом, обхватила его шею руками.

— Домой, — сказала она. — Отнеси меня домой.

Он взмыл в небо.

Полет был недолгим — несколько минут, и он опустил ее на крышу ее девятиэтажки, у самого люка. Попрощался взглядом — и улетел, растворяясь в ночном небе.

Амелия спустилась в квартиру. Не зажигая света, подошла к окну. Отдернула штору. В просвете между домами, на фоне звездного неба, она увидела силуэт дракона. Он сделал круг над городом — так низко, что, наверное, кто-то еще мог его заметить, — и исчез. Его огромная тень скользнула по крышам и растаяла.

Она еще долго стояла у окна, прижимая ладони к стеклу, и по ее лицу текли слезы. Это были не слезы горя. Это были слезы очищения, слезы облегчения, слезы любви — такой огромной, что она едва умещалась в ее худеньком теле.

Она не знала, что будет дальше. Не знала, выживет ли, когда придет время родить. Не знала, сколько им отмерено — им, межвидовой паре, которой не должно было существовать.

Но она знала одно: больше она никогда не будет серой мышью. И больше никогда не будет одна.

Она будет счастлива. Пусть это счастье продлится недолго, но оно будет настоящим.

— С самого начала, — повторила она. — Я хочу знать все.

Он долго молчал, глядя на огни далекого города внизу. Потом заговорил — глухо, тяжело, словно каждое слово приходилось вырывать из себя силой.

— Мой род — один из древнейших в этом мире. Мы жили здесь задолго до того, как люди построили первый город. Нас было много. Целые кланы, целые династии. Мы не были злыми — какими нас рисуют в сказках. Мы не крали принцесс и не жгли деревни ради забавы. Мы были хранителями. Хранителями равновесия, стражами границы между мирами. Но времена менялись. Люди плодились, расплозились по земле, вытесняли нас. Начались войны. Нас убивали — рыцари, охотники, инквизиция. Мы сопротивлялись, но нас было слишком мало, а их — слишком много.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Амелия не перебивала. Она слушала, затаив дыхание, чувствуя, как рушится привычная картина мира и на ее месте вырастает новая — огромная, пугающая, величественная.

— К двадцатому веку нас осталось всего несколько семей. Мы научились скрываться. Принимать человеческий облик. Жить среди людей, не привлекая внимания. Но была одна проблема. Проклятие нашего рода. Дракон может иметь потомство только от земной женщины. Не от драконицы — их больше нет, последняя умерла много веков назад. Только от человеческой женщины. Вот только человеческое тело не приспособлено для того, чтобы вынашивать драконье дитя. Это это тяжело. Очень тяжело. И почти всегда заканчивается смертью матери.

Амелия вздрогнула. Вот оно. То, о чем он предупреждал. То, что он называл «болью».

— Моя мать была человеком, — продолжил Ян глухо. — Она умерла через несколько часов после моего рождения. Отец так и не простил себе этого. Он прожил еще двести лет — в одиночестве, в тоске, в чувстве вины, которое сжирало его изнутри. Он никогда больше не говорил о ней. Я знаю ее только по единственной фотографии, которую отец носил с собой до самой смерти.

Он повернулся к Амелии и взял ее руки в свои. Его ладони были горячими, почти обжигающими, но она не отдернула их.

— Когда отец умер, я остался один. Последний. Понимаешь? Последний дракон на всей земле. Если у меня не будет наследника — наш род прервется. Тысячи лет истории, магии, памяти — все исчезнет. Я искал. Долго искал. Не просто женщину, способную выносить дитя, — таких немного, но они есть. Я искал ту, которую смогу полюбить. Потому что мысль о том, чтобы использовать человека как инкубатор, была мне отвратительна. Я не хотел быть чудовищем. Я хотел быть мужчиной, который любит женщину. И тогда появилась ты.

Он поднял глаза, и в них стояла такая мука, что у Амелии перехватило дыхание.

— Я пришел в университет не случайно. Я знал, что ты там учишься. Знал о тебе задолго до того, как мы столкнулись в коридоре. Твоя мать была из тех, кто способен выносить драконье дитя, — но она выбрала обычного человека. А ты унаследовала ее дар. Я собирался просто познакомиться. Посмотреть. Оценить. Но когда ты подняла на меня глаза в том коридоре — растерянная, в очках, с этими дурацкими книжками, — я пропал. Ты захватила мое сердце. По-настоящему. Я влюбился в тебя, Амелия. Не как дракон в носительницу. Как мужчина в женщину.

Он сжал ее руки крепче, и голос его дрогнул.

— Ты должна знать правду. Я не могу подвергать тебя такой опасности. Я скорее позволю своему роду умереть, чем потеряю тебя. Ты слишком дорога мне. Я не хочу, чтобы ты умерла, как моя мать. Я не хочу быть причиной твоей гибели. Лучше я исчезну из твоей жизни сейчас, чем буду стоять над твоей могилой, зная, что это я убил тебя.

Тишина.

Звезды молчали. Лес молчал. Где-то далеко, в долине, таял снег, предвещая скорую весну.

Амелия сидела неподвижно. В голове ее роились тысячи мыслей. Драконы. Древний род. Смертельная беременность. Он знал о ней еще до встречи. Он следил за ней. Все это должно было вызвать ужас, отвращение, гнев. Она должна была вскочить, убежать, проклясть его.

Но она не чувствовала ничего из этого.

Она смотрела на него — на его измученное лицо, на его глаза, полные тоски и любви, — и понимала: вот он. Тот самый человек, которого она ждала всю жизнь. Не идеальный принц из сказки. Не обычный парень с хорошей улыбкой. Дракон. Древний, могучий, опасный. Но он любит ее. По-настоящему любит.

— Я согласна, — сказала она тихо.

Ян вздрогнул. Поднял глаза. В них мелькнула надежда — робкая, почти детская, а потом снова погасла.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь. Это будет стоить тебе жизни.

— Понимаю, — ответила она. — Я все понимаю. Но я уже не смогу жить без тебя.

— Амелия

— Ты говоришь, что скорее позволишь своему роду умереть. А я скорее умру, чем вернусь в ту жизнь, которую жила до тебя, — она поднялась на ноги. Голос ее дрожал, но был тверд. — Ты не понимаешь, Ян. До тебя я была пустотой. Ходячей пустотой в свитере не по размеру. Я не жила. Я существовала. Серая мышь, невидимка, одиночка. Ты дал мне любовь. Ты дал мне чувство, что я существую. Что я кому-то нужна. Что я — особенная. И ты — дракон. Настоящий, живой, древний. Ты — чудо, которое я искала во всех книгах и не находила.

Ты — моя судьба. И если для того, чтобы быть с тобой, мне придется рискнуть жизнью, — я готова. Я согласна. Я хочу этого. Хочу тебя. Хочу твоего ребенка.

Он смотрел на нее, и по его лицу текли слезы. Он поднялся, шагнул к ней и заключил ее в объятия с такой силой, что дыхание перехватило.

— Я люблю тебя, — прошептал он. — Люблю. Клянусь всеми звездами, всеми предками, всем, что у меня есть.

— И я тебя люблю, — ответила она, утыкаясь лицом в его горячую грудь. — Вопреки всему. Вопреки страху. Вопреки смерти. Люблю.

Он целовал ее — долго, страстно, иступленно, словно пытался вложить в поцелуй все, что не мог выразить словами. Она отвечала с той же силой, чувствуя, как по телу разливается жар, как страх уступает место решимости, как любовь заполняет каждую клеточку, каждую впадину, каждую трещину ее израненной души.

— Ты уверена? — спросил он, оторвавшись от ее губ. Голос был хриплым, дыхание — прерывистым. — Обратного пути не будет.

— Я никогда не была ни в чем так уверена, — ответила она.

Он отступил на шаг. Закрыв глаза. И начал меняться.

На этот раз превращение было быстрее — или ей просто так показалось. Тело вытянулось, налилось мощью, кожа пошла чешуей, за спиной развернулись огромные крылья. Когда он закончил, перед ней снова стоял дракон — серебристо-синий, с глазами, в которых горела любовь.

Он опустился на землю, подставляя ей спину. Амелия, не колеблясь, забралась на него. Чешуя под ладонями была теплой и шершавой. Она прижалась всем телом, обхватила его шею руками.

— Домой, — сказала она. — Отнеси меня домой.

Он взмыл в небо.

Полет был недолгим — несколько минут, и он опустил ее на крышу ее девятиэтажки, у самого люка. Попрощался взглядом — и улетел, растворяясь в ночном небе.

Амелия спустилась в квартиру. Не зажигая света, подошла к окну. Отдернула штору. В просвете между домами, на фоне звездного неба, она увидела силуэт дракона. Он сделал круг над городом — так низко, что, наверное, кто-то еще мог его заметить, — и исчез. Его огромная тень скользнула по крышам и растаяла.

Она еще долго стояла у окна, прижимая ладони к стеклу, и по ее лицу текли слезы. Это были не слезы горя. Это были слезы очищения, слезы облегчения, слезы любви — такой огромной, что она едва умещалась в ее худеньком теле.

Она не знала, что будет дальше. Не знала, выживет ли, когда придет время родить. Не знала, сколько им отмерено — им, межвидовой паре, которой не должно было существовать.

Но она знала одно: больше она никогда не будет серой мышью. И больше никогда не будет одна.

Она будет счастлива. Пусть это счастье продлится недолго, но оно будет настоящим.

Глава 13. Кольцо

Они больше не прятались. Это решение пришло само собой — простое и естественное, как дыхание. После всего, что между ними было, после признания на заснеженном холме, после полета над ночным городом, — прятаться казалось глупым и недостойным. Они прошли через страх, через боль, через раскрытие немыслимой тайны. Мнение окружающих больше не имело значения.

И все же оно обрушилось на них, как лавина.

Первой ласточкой стала Лера — та самая однокурсница, что хихикала над попыткой Амелии накраситься. Она увидела их вместе в коридоре: Ян держал Амелию за руку и говорил что-то тихо, наклонившись к самому ее уху, а она смеялась — не скованно, не нервно, а открыто и счастливо, запрокидывая голову. Лера замерла на полпути, вытаращив глаза. Ее рот приоткрылся. Она развернулась на каблуках и почти бегом бросилась к подругам.

К вечеру того же дня в университете не осталось ни одного человека, который не знал бы новость: Ян Андреевич, тот самый препод-красавчик, встречается с Амелией! С той самой серой мышью с филфака. С дылдой в очках. С невидимкой, на которую раньше никто не обращал внимания.

Реакция была разной. Кто-то сплетничал зло, с завистью, обсуждая «бесстыдство» и «нарушение этики». Кто-то пытался шутить — мол, нашла себе папика, или он на нее поспорил, или она его приворожила. Кто-то просто недоумевал: что он в ней нашел?

Но Амелии было все равно.

Она шла по коридору — с высокой прической, в новом платье, которое купила вместе с Яном в прошедшие выходные, — и не обращала внимания на шепотки за спиной. Она больше не была серой мышью. Она была женщиной, которую любит дракон. И это знание делало ее неуязвимой.

После пар Ян всегда ждал ее у выхода. Иногда с цветами — белыми тюльпанами, как в их первый вечер. Иногда с книгой, которую хотел обсудить. Иногда просто с улыбкой, от которой у нее до сих пор подкашивались колени. Они гуляли по городу, держась за руки, и прохожие оборачивались им вслед — красивая пара, он и она, никаких сомнений.

Они не могли насытиться друг другом. Их встречи были полны страсти — той самой, что вспыхнула между ними с первой минуты и не угасала, а только разгоралась ярче.

Он целовал ее в темных углах библиотеки, как тогда, в первый раз, — но теперь эти поцелуи были не украденными, а законными, принадлежащими им по праву. Она прижималась к нему в лифте, забывая нажать кнопку. Они запирались в ее маленькой квартирке на целые выходные, отключали телефоны и не замечали времени.

Но была и нежность. Бесконечная, глубокая, пронизывающая каждое их прикосновение. Он мыл ей голову, стоя за ее спиной в тесной ванной, и его сильные пальцы путались в длинных волосах. Она варила ему кофе — ровно так, как он любил, — и подавала в постель, и он смотрел на нее сонными глазами и называл на немецком словами, от которых у нее мурашки бежали по коже. Они читали друг другу вслух, сидя на старом диване под пледом. Они говорили обо всем — о литературе, о магии, о его прошлом и их общем будущем. И с каждым днем она узнавала его все лучше — и любила все сильнее.

Однажды вечером он пришел к ней неожиданно. Она не ждала его — сидела в кресле с томиком Фаулза на коленях, в том самом кресле, где провела бессонную ночь перед их первым разом. Услышала звонок, открыла дверь и увидела его на пороге — с букетом алых роз, в строгом черном костюме, при галстуке. Такого торжественного Яна она еще не видела.

— Что-то случилось? — спросила она с тревогой.

— Случилось, — ответил он.

Он прошел в гостиную, остановился посреди комнаты и повернулся к ней. В его темных глазах плескалось что-то необычное — волнение пополам с решимостью. Такого Яна она тоже еще не видела.

— Амелия, — начал он, и голос его чуть дрогнул. — Я прожил на этом свете очень долго. Я был одинок — долго, бесконечно долго. И я думал, что так будет всегда.

Он опустился на одно колено.

У Амелии перехватило дыхание. Книга выскользнула из ее пальцев и упала на ковер. Она смотрела на него — на мужчину, который был драконом, на древнее могущественное существо, стоящее перед ней на коленях, — и не могла вымолвить ни слова.

— Но потом я встретил тебя, — продолжил он. — Девушку, которая рассыпала книги в коридоре. Девушку, которая не верила, что кто-то может ее полюбить. Девушку с огромным сердцем, острым умом и душой поэта. Ты перевернула мой мир. Ты заставила меня почувствовать то, что я считал навсегда утраченным. Ты подарила мне надежду — на будущее, на семью, на счастье.

Он достал из кармана маленькую бархатную коробочку и открыл ее. Внутри сияло кольцо — тонкое, изящное, с камнем глубокого синего цвета, переливающимся в свете торшера как драконья чешуя под луной.

— Амелия, — сказал он. — Ты — моя пара. Моя женщина. Моя любовь. Ты согласна стать моей женой?

Она стояла, зажав рот ладонью, и слезы текли по ее щекам. Это были даже не слезы радости — это было что-то большее. Все ее мечты, все ее наивные девичьи фантазии, в которые она сама не верила, — все они сбывались сейчас, здесь, посреди ее маленькой гостиной. Человек, которого она любила больше жизни, стоял перед ней на коленях и просил ее руки.

— Да, — прошептала она. А потом громче, срывающимся от счастья голосом: — Да! Да, я согласна!

Он надел кольцо на ее дрожащий палец — оно село идеально, словно всегда там было. Поднялся, подхватил ее на руки и закружил по комнате. Она смеялась, плакала, целовала его — в губы, в щеки, в лоб, куда попадала. Они оба были счастливы — так, как бывают счастливы только те, кто прошел через боль и тьму и вышел на свет.

Вдалеке, за окном, в темном весеннем небе звезды сошлись, образовав между собой контур огромных крыльев. Но Амелия этого не видела. Она была слишком занята — целовала своего будущего мужа и не могла остановиться.

Глава 14. Жена

Утро началось с солнца. Настоящего, теплого, почти летнего — май вступал в свои права, и за окном маленькой квартиры Амелии всюду щебетали птицы. Лучи пробивались сквозь неплотно задернутые шторы и рисовали на смятой простыне золотые узоры.

Она проснулась от того, что кто-то легонько касался губами ее плеча. Улыбнулась, не открывая глаз, и потянулась, как кошка, чувствуя, как внутри разливается счастье.

— Доброе утро, — прошептал Ян ей на ухо.

— Доброе, — ответила она, поворачиваясь к нему.

Он лежал на боку, подперев голову рукой, и смотрел на нее. В его темных глазах плясали золотые искры. Волосы были растрепаны после сна, на щеке — след от подушки, и от этого он казался не древним могущественным драконом, а обычным мужчиной, сонным и счастливым.

— Который час? — спросила она.

— Еще рано. Спи.

— Не хочу. Хочу завтрак.

Он рассмеялся и притянул ее к себе. Она прижалась щекой к его горячей груди, слушая ровный стук сердца — человеческого сердца, которое билось только для нее. Его пальцы перебирали ее распущенные волосы. В комнате было тихо и покойно. Где-то на кухне мерно тикали старые настенные часы. Пахло кофе — Ян, видимо, успел сварить его, пока она спала.

— Знаешь, о чем я мечтаю? — спросила она, не поднимая головы.

— О чем?

— Чтобы у нас было сто тысяч таких вот утр. Чтобы каждое начиналось с тебя.

Он поцеловал ее в макушку.

— Будет. Обещаю.

Они еще долго лежали в постели, разговаривая ни о чем и обо всем сразу. О погоде, о том, куда поедут летом. О том, что старая герань на подоконнике снова зацвела — хороший знак.

Потом Амелия готовила блинчики, а Ян сидел за маленьким кухонным столом и читал ей вслух отрывки из «Мастера и Маргариты», и она смеялась, когда он изображал голос кота Бегемота. Это было то самое счастье — простое, тихое, настоящее. То, о котором она даже не мечтала, потому что не верила, что заслуживает его.

Днем Амелия отправилась в свадебный салон.

Ян хотел поехать с ней, но она отказалась — решила устроить сюрприз. К тому же, честно признаться, ей хотелось побыть одной, насладиться этим моментом, прочувствовать его до конца. Она, серая мышь Амелия, идет выбирать свадебное платье. Кто бы мог подумать?

Салон назывался «Белый сад» и располагался в старинном особнячке в центре города. Витрины были украшены кружевом и живыми цветами. Внутри пахло розами и дорогими духами. Консультантка — элегантная женщина лет сорока — встретила ее приветливой улыбкой и провела в просторный зал с зеркалами во всю стену.

Платья висели на плечиках длинным белоснежным рядом — пышные, прямые, кружевные, атласные, с длинными шлейфами и короткие, строгие и романтические. У Амелии разбежались глаза.

— Может, начнем с классического силуэта? — предложила консультантка. — А-силуэт подходит практически всем.

Она примерила первое — пышное, как у принцессы, с корсетом и юбкой-облаком. Покрутилась перед зеркалом. Красиво, но не то. Она чувствовала себя в нем немного нелепо, как девочка, нарядившаяся в мамино платье.

Второе — облегающее, из гипюра, с открытой спиной. Слишком смело. Она представила реакцию декана, если бы пригласила его на свадьбу, и усмехнулась.

Третье — простое, без украшений, строгого кроя. Хорошо, но скучно. Она и так всю жизнь была скучной.

А потом она увидела его.

Оно висело в углу, чуть в стороне от остальных, словно дожидалось именно ее. Атласное, цвета слоновой кости, с тонкими бретельками и струящейся юбкой, которая мягкими складками ниспадала до самого пола. Никакой пышности, никаких лишних деталей — только чистый, благородный шелк, переливающийся в свете хрустальных люстр.

— Вот это, — сказала она. — Я хочу примерить это.

Платье село идеально. Она стояла перед огромным зеркалом и не узнавала себя. Из отражения на нее смотрела высокая стройная невеста с сияющими глазами, с румянцем на щеках, с рассыпанными по плечам длинными волосами.

Атлас обнимал фигуру, как вторая кожа, подчеркивая все то, что она раньше прятала под бесформенными свитерами. Она выглядела не просто красивой. Она выглядела счастливой. И это счастье делало ее прекрасной.

— Вы великолепны, — выдохнула консультантка.

Амелия улыбнулась своему отражению. На душе было легко и радостно. Вот оно — платье, в котором она станет женой. Платье, в котором она скажет «да» своему дракону.

— Я беру

Она не договорила.

В зеркале, за ее спиной, возникла женщина. Худая, бледная, в темном бесформенном плаще, который странно смотрелся среди белоснежных облаков свадебных нарядов. Волосы ее были небрежно собраны в хвост, на лице — ни грамма косметики, а под глазами залегли глубокие тени. Она напоминала тень — иссиня-бледную, измученную, почти прозрачную. Ее руки дрожали, когда она подошла ближе.

— Вы Амелия? — спросила она тихо. Голос был слабым, надтреснутым, словно она долго плакала или болела.

— Да, — ответила Амелия, настороженно оборачиваясь. — Мы знакомы?

Женщина покачала головой. Ее глаза — светло-серые, почти бесцветные — наполнились слезами.

— Нет. Но я знаю вас. Я видела вас с ним. С Яном. Я должна вам кое-что сказать. Пожалуйста, выслушайте меня. Умоляю.

Амелия почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось. Консультантка испарилась — то ли вышла за аксессуарами, то ли тактично удалилась, почувствовав напряжение момента.

— Что случилось? — спросила она. — Кто вы?

Женщина нервно оглянулась, словно боялась, что их подслушивают. Потом перевела взгляд на Амелию — и в этом взгляде было столько боли, что у Амелии перехватило дыхание.

— Меня зовут Марина, — сказала она. — И я знаю, о чем вы сейчас думаете. Вы думаете, что встретили мужчину своей мечты. Что он любит вас. Что он — особенный. Возможно, он уже рассказал вам свою невероятную историю. О драконах, о древней магии, о наследнике. Да?

Амелия побледнела. Откуда эта женщина знает?

— Откуда вы

— Я знаю, потому что он рассказывал то же самое мне, — перебила ее Марина. — Слово в слово. Что он — последний дракон. Что я — избранная. Что именно я должна родить ему наследника. Что мы будем вместе навсегда. — Она горько усмехнулась. — Знаете, сколько таких историй он рассказал до меня?

Она замолчала, достала из кармана плаща сложенный вчетверо лист бумаги и протянула его Амелии. Та взяла его непослушными пальцами. Развернула. Это было свидетельство

о браке. Настоящее, с гербовой печатью, с датами и подписями. И в графе «жена» стояло имя «Марина Викторовна Соболева», а в графе «муж» — «Ян Андреевич Соболев».

Сердце Амелии остановилось.

— Этого не может быть, — прошептала она.

— Может, — сказала Марина. — Мы тоже были женаты! Я родила ему сына. Скоро ему исполнится год.

Она запнулась и прижала дрожащую ладонь к губам.

— Но он говорит это каждой, — продолжила она сквозь слезы. — Каждой новой девушке, которую находит. Он ищет вас — подходящих, способных выносить драконье дитя. Их мало. Очень мало. Но они есть. И каждая из них думает, что она — единственная. Что она — его судьба. А на самом деле мы — просто сосуды. Инкубаторы для его потомства. Я наивно думала, что смогу его изменить. Что любовь победит. Но я ошибалась. Я стала просто еще одним инкубатором.

Она взяла Амелию за руку. Ее пальцы были ледяными.

— Я пришла предупредить вас. Не потому, что я злая или ревнивая. Я просто не хочу, чтобы еще одна женщина прошла через этот ад. Не выходите за него замуж. Все его слова — ложь. Он не любит вас. Он не любит никого. Он использует вас — так же, как использовал меня.

В салоне повисла тишина.

Амелия стояла, не в силах пошевелиться. Атласное платье вдруг показалось ей ледяным — словно сшитым из снега. Она смотрела на свидетельство о браке, на дрожащие губы Марины, на слезы, текущие по ее бледным щекам, — и чувствовала, как внутри что-то рушится. Что-то огромное, светлое, хрупкое.

Она вспомнила все. Случайное столкновение в коридоре. Разлетевшиеся книги. Библиотеку. Холмы. Признания под звездами. Драконьи крылья на фоне луны. «Ты захватила мое сердце». «Я люблю тебя». «Ты — моя пара». Все это было ложью? Спектаклем, разыгранным для того, чтобы получить наследника?

Нет! Нет может быть! Ян не такой, он любит ее, она читает это каждый день в его глазах.

— Я я вам не верю, — прошептала Амелия.

У женщины на лбу появилась скорбная морщина.

— Тогда вы скоро сами убедитесь в том, что я говорю правду!

Она запахнула плащ и отступила на шаг. А потом резко развернулась и быстро пошла к выходу. Ее худая фигура мелькнула среди белых платьев и исчезла за дверью.

Амелия осталась стоять перед зеркалом. В атласном платье. С кольцом на пальце. С чужим свидетельством о браке в дрожащих руках.

В отражении она видела красивую невесту — ту самую, которой мечтала стать. Но теперь это отражение казалось ей насмешкой. Жесточкой, безжалостной насмешкой.

Она поспешно сняла платье, оделась и выбежала из салона, не слыша окликов растерянной консультантки. Ей нужно было найти Яна. Посмотреть ему в глаза. И задать вопрос, ответ на который она уже боялась услышать.

Глава 15. Верить

Амелия бежала через весь город — от свадебного салона до университета. Она не помнила, как ловила такси, как расплачивалась, как влетела в знакомые двери филфака. В голове пульсировало только одно: найти его. Увидеть. Задать вопрос. Сердце колотилось так, что заглушало шаги. Свидетельство о браке жгло пальцы даже сквозь ткань сумки.

Она знала его расписание. Сейчас у четвертого курса немецкий. Ее собственные пары давно кончились, но какая разница? Она пронеслась по коридору, не отвечая на удивленные взгляды, и рывком распахнула дверь аудитории.

Ян стоял у доски с мелом в руке. Десятки пар глаз обернулись к вошедшей. Дверь аудитории хлопнула, как нож гильотины.

— Можно вас на минуту? — голос Амелии прозвучал хрипло и чуждо.

Ян удивленно поднял бровь. Увидел ее лицо — бледное, с лихорадочным румянцем, с безумными глазами. Отложил мел.

— Ольга, попрошу вас выйти к доске. Продолжайте без меня, — сухо сказал он, взял со стула пиджак и вышел в коридор.

Дверь закрылась.

Они стояли в пустом пролете у окна. За стеклом золотился теплый вечер.

— Что случилось? — спросил он, и в его голосе слышалась тревога.

Вместо ответа Амелия выхватила из сумки смятый лист и швырнула ему в лицо.

— Что это?!

Бумага ударилась о его грудь и упала на пол. Он наклонился, поднял. Развернул. Она видела, как он читает — строка за строкой, — и лицо его меняется. Сначала недоумение, потом узнавание, потом что-то темное, похожее на гнев. Или боль?

— Где ты это взяла? — спросил он глухо.

Амелия не поняла его эмоций по голосу.

— Не важно где! Это правда?! Ты женат?! У тебя есть жена?! Живая, настоящая, по имени Марина?! Которая родила тебе ребенка?

Она почти кричала. Слова выплескивались из нее, как кипяток. Она не замечала, что по щекам текут слезы. Не замечала, что дрожит всем телом.

— Амелия, успокойся

— Не смей меня успокаивать! Ты говорил, что никогда не был женат! Ты говорил, что я — единственная! Что я — твоя пара! Что мы будем вместе! А на самом деле у тебя уже есть семья! Есть жена! Есть ребенок! Ты врал мне! Зачем, Ян??

Он схватил ее за плечи, заставил посмотреть в глаза. Его пальцы были горячими и твердыми, и от этого прикосновения она затряслась еще сильнее.

Он для нее был самым родным, а сейчас

— Послушай меня, — сказал Ян тихо, но с нажимом. — Это ложь. Это неправда. Я не знаю, кто дал тебе эту бумагу и зачем. Но я не женат. У меня нет детей. Я клянусь тебе.

— А это? — она ткнула пальцем в свидетельство, которое он все еще держал в руке. — Это выглядит очень убедительно! Печать, подписи, даты! Два года назад ты женился на женщине по имени Марина! И она до сих пор жива!

Он опустил глаза. Молчание затянулось. В этом молчании Амелия услышала ответ, которого боялась.

— Это было, — сказал он наконец. Голос был глухим и усталым. — Это действительно было. Но в этих отношениях не было ни капли любви. Лишь холодный расчет. Видишь ли, Марина хотела устроить свою жизнь за мой счет.

Она отшатнулась, вырываясь из его рук.

— Значит, это правда? — прошептала она.

— Да, но это не то, что ты думаешь.

— А что я думаю?! Я думаю, что ты врал мне с самого начала! Что все твои слова о любви, о драконьей паре, о нашей особенной связи — все это было ложью! Ты использовал меня!

— Нет! — он почти выкрикнул это, и в его голосе прозвенел металл. В глазах на мгновение вспыхнули вертикальные зрачки. — Нет, Амелия. То, что между нами, — правда. Марина — это прошлое. Я не говорил тебе о ней, потому что это не имеет к нам отношения.

— Не имеет отношения?! — она засмеялась истерическим смехом. — Твоя жена пришла ко мне в свадебный салон и сказала, что ты — чудовище! Что я — не первая, кого ты используешь, чтобы родить наследника! Что есть и другие! Она показала мне это свидетельство! И ты говоришь, что это не имеет к нам отношения?!

Ян сжал кулаки. На скулах заходили желваки.

— Марина пришла к тебе? — переспросил он медленно. — Она была в городе?

— Да! Она была здесь! И она рассказала мне все!

— Это неправда, — сказал он твердо. — У нас с Мариной не было детей. Она не могла их иметь — именно поэтому наш брак распался. Когда она узнала, кто я на самом деле, и поняла, что не сможет дать мне наследника, она ушла. Я думал, что она уехала из страны. Я не видел ее с тех пор. И уж точно я не женат на ней сейчас. Это свидетельство — либо подделка, либо старый документ, который она сохранила, чтобы манипулировать мной. И тобой.

Амелия смотрела на него, и в голове была каша. Что-то в его словах звучало правдиво. Но обида, страх, ревность застилали разум.

— Почему я должна тебе верить? — спросила она тихо. — Ты уже скрыл от меня правду. Один раз. Что помешает тебе скрыть ее снова?

Он выдержал ее взгляд. В его темных глазах стояла такая мука, что у нее сердце сжалось.

— Ты не обязана мне верить. Если ты сомневаешься во мне — если эта бумажка значит для тебя больше, чем все, что между нами было, — значит, нам не на чем строить семью.

Он протянул ей смятое свидетельство.

— Если хочешь — проверяй. Ищи Марину. Ищи доказательства. Я не буду тебя останавливать. Но если ты не можешь доверять мне, нам лучше закончить все сейчас, а не потом.

Она взяла листок из его рук. Пальцы дрожали. В горле стоял ком размером с кулак.

— Я люблю тебя, — сказал он тихо. — Но с вечным недоверием я мириться не буду.

Ян повернулся и пошел обратно в аудиторию. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком. Амелия осталась стоять в пустом коридоре - опустошенная, поникшая, глубоко несчастная.

Домой она добрела, как в тумане. Квартира встретила ее привычной тишиной, которая сегодня давила со всех сторон.

Ян все ещё был здесь. На кухне стояли невымытые чашки после их утреннего кофе. На спинке стула висел его свитер, забытый на прошлых выходных. В воздухе витал аромат его дорогого парфюма. Все напоминало о нем.

Амелия рухнула на диван и разрыдалась.

Она плакала долго, навзрыд, отчаянно - так, как не плакала с самого детства. Ей казалось, что мир разорвался пополам, и одна половина — та, где он любит ее, — уходит из-под ног. Она вспоминала его глаза. Его голос. «Ты захватила мое сердце». «Ты — моя пара». «Я люблю тебя». Мог ли он так врать? Мог ли так смотреть, так касаться, так целовать — и врать?

Она достала свидетельство. Разглядывала его при свете торшера. Бумага была плотной, гербовая печать — настоящей на вид. Это подделка? Или он лжет?

Мысли крутились по кругу. Амелия чувствовала, что сходит с ума.

Уже глубокой ночью, когда город за окном уснул, она взяла телефон. Долго смотрела на его номер. Потом набрала.

Он ответил после первого гудка. Не спал. Ждал.

— Я верю тебе, — сказала она, и голос ее дрогнул. — Я не знаю, что правда, а что ложь. Я не знаю, кто такая Марина и зачем она приходила. Но я верю тебе. Потому что люблю. Потому что без тебя — не могу.

В трубке было слышно его дыхание.

— Я никогда не предаю твое доверие, — ответил он наконец. — Клянусь.

Месяц пролетел как один день. Марина больше не появлялась. Свидетельство Амелия сожгла в раковине на следующее же утро. Ян подал запрос в архив — подтверждения брака не нашлось, и Амелия убедила себя, что это была хитрая подделка, месть брошенной женщины. Она запретила себе думать об этом. Она выбрала верить. И вера далась ей легче, чем сомнения.

И вот теперь они стояли в зале для торжественных церемоний — маленьком, увитом белыми розами и гирляндами из зелени. Из гостей были только самые близкие: несколько подруг Амелии с факультета, старый друг Яна — седой мужчина с такими же темными глазами, и Катя, та самая однокурсница, которой Амелия когда-то помогала с докладом. Она держала в руках букет и улыбалась сквозь слезы.

Амелия была в том самом атласном платье — простом и струящемся. Волосы, уложенные в мягкие локоны, рассыпались по плечам. Никаких очков. Никакой серой мыши. Только женщина, которая ждет, когда ее назовут женой.

Ян стоял напротив — в темном костюме, с белой розой в петлице. Он смотрел на нее так, словно видел впервые. Словно она была единственным светом во вселенной.

— Ян Андреевич, согласны ли вы взять в жены Амелию

— Да, — ответил он, не дожидаясь конца фразы. Сотрудница загса улыбнулась.

— Амелия

— Да, — выдохнула она. — Да. Тысячу раз да.

— Властью, данной мне законом, объявляю вас мужем и женой.

Он поцеловал ее — долго, нежно, и гости заплодировали. Амелия закрыла глаза и почувствовала, как внутри, где совсем недавно была пустота, расцветает огромное, теплое, настоящее счастье.

Она стала драконьей женой. И впереди у них была целая вечность. Так думала Амелия, старательно прогоняя от себя дурные предчувствия

Глава 16. Остров любви

Они переехали через неделю после свадьбы.

Квартира Амелии — маленькая, уютная, с геранью на подоконнике и старым торшером — осталась в прошлом. Она простилась с ней без слез, но с благодарностью: эти стены хранили ее одиночество, и они же стали свидетелями ее первого поцелуя, ее первой ночи, ее первого «да». Теперь настало время новых стен.

Квартира Яна находилась в старом доме на набережной — просторная, с высокими потолками, лепниной и огромными окнами в пол. Из гостиной открывался вид на реку, и по вечерам закатное солнце заливало комнаты жидким золотом. Амелия долго не могла привыкнуть к тому, что здесь теперь — ее дом. Что она имеет право переставлять книги на полках, вешать свои картины, ставить цветы на подоконник, обустроить свой собственный уют.

— Тут так просторно, — сказала она в первый вечер, стоя посреди гостиной и растерянно оглядываясь.

— Теперь это наше гнездо, — ответил Ян, обнимая ее сзади. — Драконье гнездо. Будем обустраивать.

И они обустроивали. Вместе выбирали шторы, переставляли мебель, спорили о цвете стен и мирились на компромиссах. Ян настоял на огромном книжном шкафу во всю стену — для ее библиотеки. Амелия настояла на том, чтобы в спальне было много мягкого текстиля и приглушенный свет. Получилось эклектично, но уютно — смесь драконьей древности и человеческого тепла.

По вечерам они сидели на широком подоконнике, пили чай и смотрели на реку. Говорили обо всем. Молчали — и это молчание было уютнее любых слов. Она читала ему свои новые стихи. Он рассказывал ей о землях, которых больше нет, — о горах, где когда-то жили драконы, о древних городах, погребенных под песками. Она слушала, затаив дыхание, и не могла поверить, что этот человек — ее муж. Что эта сказка — ее жизнь.

А потом у них случился медовый месяц.

Ян держал пункт назначения в секрете до самого аэропорта. Амелия терялась в догадках: Париж? Рим? Может быть, горы? Но когда на табло зажглась надпись «Сейшелы», она ахнула.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

Они летели первым классом. Амелия никогда не летала первым классом. Она с детским восторгом разглядывала меню, пробовала шампанское, прижималась лбом к иллюминатору, глядя на облака. Ян сидел рядом, держал ее за руку и улыбался — той самой теплой улыбкой, от которой у нее до сих пор замирало сердце.

Остров встретил их влажной тропической жарой, запахом моря и цветущих магнолий. Отель стоял прямо на берегу, у кромки бирюзовой лагуны. Отдельное бунгало с соломенной крышей, бассейн, увитый бугенвиллиями, и собственный выход к пляжу с белоснежным песком. Вокруг не было ни души — только пальмы, океан и небо.

— Рай, — выдохнула Амелия, бросая сумку на пороге.

— На две недели — наш собственный рай, — подтвердил Ян.

Дни слились в один бесконечный, золотистый, счастливый сон.

Они просыпались поздно. Завтракали на террасе свежими фруктами и местным кофе. Потом шли на пляж — белый песок, бирюзовая вода, в которой можно было разглядеть каждую рыбу, каждый коралл. Амелия, выросшая в сером городе, никак не могла привыкнуть к тому, что море может быть таким теплым и прозрачным. Она плавала, смеялась, ныряла, а он смотрел на нее с берега. И столько нежности было в его взгляде, что у нее щемило в груди.

Они занимались любовью под шум прибоя, в бунгало с распахнутыми окнами. Днем — когда солнце рисовало золотые полосы на их сплетенных телах. Ночью — когда луна серебрила океан и цикады пели свою бесконечную песню. Это было не так, как в городе. Здесь, вдали от университета, от сплетен, от прошлого, от Марины и ее лжи, — здесь они наконец были по-настоящему вдвоем. Никаких масок. Никаких тайн. Только он и она, и любовь, которая с каждым днем становилась только сильнее.

Однажды вечером они сидели на песке у самой кромки воды. Солнце садилось, окрашивая океан в розовый и золотой. Ян обнимал ее, она положила голову ему на плечо. Оба молчали.

— Знаешь, о чем я мечтаю? — спросила она тихо.

— О чем?

— Чтобы у нас родился сын. С твоими глазами. И чтобы мы привезли его сюда когда-нибудь — показать, где были счастливы.

Он поцеловал ее в висок.

— Будет, — сказал он. — Все будет.

Ночью, когда она уснула, он вышел на берег. Разделся, вошел в теплую воду и обратился. Огромный серебристый дракон взмыл над океаном, рассекая тропическую ночь. Он летал над спящим островом, над лагунами и рифами, и звезды отражались в его чешуе. Он был счастлив — так, как не был счастлив уже много веков.

А когда вернулся, снова стал человеком. Лег рядом с ней. Она пробормотала что-то во сне и прижалась к нему, не просыпаясь. И он лежал, слушал ее дыхание и думал, что ради нее готов отказаться от всего. От неба, от магии, от бессмертия. Потому что без нее все это не имеет смысла. Вот только Это невозможно.

Две недели пролетели как один день. Когда самолет взлетал над островом, стремительно унося их назад, в привычную жизнь, Амелия смотрела в иллюминатор, и по щеке ее катилась одинокая слеза. Это были не слезы грусти. Это были слезы благодарности.

— Мы вернемся, — сказал Ян, сжимая ее ладонь. — Обещаю.

Она повернулась к нему и улыбнулась.

— С тобой я буду счастлива везде.

Самолет взял курс на север. Внизу уплывал остров — крошечная точка в бесконечном океане, место, где они были абсолютно, безмятежно, безоговорочно счастливы. Амелия еще не знала о том, что именно там, на этом райском острове, внутри нее зародилась новая жизнь.

Глава 17. Письмо

Осень вступила в свои права мягко, почти незаметно. Сентябрь раскрасил листья вдоль набережной в золотой и багряный, и по вечерам они с Яном гуляли вдоль реки, держась за руки, как студенты. Университет гудел привычной жизнью: лекции, семинары, коридорные сплетни. Но теперь Амелия шла по этим коридорам с высоко поднятой головой. Она больше не была серой мышью. Она была женой самого красивого преподавателя — и пусть кто-то за спиной все еще шептался, ей было все равно. Амелии нравилась их семейная рутина. Утром они завтракали вместе в просторной кухне с видом на реку. Ян варил кофе, Амелия делала тосты с авокадо. Потом вместе ехали в университет. Он целовал ее на прощание и уходил на кафедру, она убегала на пары. Иногда они пересекались в коридорах, обменивались короткими улыбками, от которых у нее до сих пор замирало сердце. Вечерами — театры, рестораны, долгие прогулки. Или просто тихие часы дома: она с книгой в кресле, он с работой за столом, и тишина, уютная, как старый плед. Они были счастливы. По-настоящему, безмятежно, безоглядно. Но счастье было не долгим. В начале октября Ян уехал в командировку — на какую-то конференцию по сравнительной лингвистике в Мюнхен. Он не хотел оставлять молодую жену одну на целую неделю, но Амелия настояла: работа есть работа, да и она не маленькая девочка, чтобы переживать за нее! Они созванивались каждый вечер. Он присылал ей фотографии старых улочек Мюнхена, пивных садов, библиотек. Она скучала, но была спокойна. Через семь дней он вернется к ней, и все снова будет хорошо. На пятый день его отсутствия Амелия, вернувшись с пар, решила проверить почтовый ящик. Среди кипы рекламных буклетов и счетов за коммуналку лежал странный конверт. Без марок, без обратного адреса — только ее имя, выведенное от руки. Сердце Амелии тревожно дрогнуло. Она вскрыла конверт прямо в лифте. Внутри была фотография. Цветная, чуть помятая по краям, словно ее долго держали в руке прежде чем положить в конверт. На снимке был запечатлен ребенок — мальчик. Темные волосы, большие карие глаза, пухлые щечки. Он сидел в детском кресле и смотрел прямо в объектив. На нем была синяя футболка с динозавром. На вид — около года, может, чуть больше. Амелия дрожащими руками перевернула фотографию. На обороте — те же самые аккуратные буквы, что и на конверте. «Где мой сын? Ты знаешь? Ян украл его! Прошу, срочно позвони мне. Марина». И номер телефона. Лифт остановился. Двери открылись. Амелия не двинулась с места. Она стояла и смотрела на фотографию, и сердце ее колотилось где-то в горле. Ребенок. С темными волосами и карими глазами — точно такими же, как у Яна. Она заставила себя выйти из лифта. Открыла дверь квартиры, вошла, опустилась на стул в прихожей, не раздеваясь. Фотография лежала перед ней на столике. Маленький мальчик смотрел на нее с бумаги, и в его глазах ей мерещилось что-то знакомое. Что-то неуловимо напоминающее о муже. Мысли заметались, как испуганные птицы. Ян говорил, что у них с Мариной не было детей. Что она не могла их иметь — именно поэтому их брак распался. Он клялся. Он убеждал ее. Она поверила — и вышла за него. Но что, если он солгал? Что, если Марина родила от него ребенка, а он забрал его? Или скрывает его существование? Или что? Снова в душу Амелии закрались сомнения. Она обещала себе больше никогда не сомневаться в нем, но вот опять. Она вспомнила лицо Марины — бледное, измученное. Ее дрожащие руки, ее слезы. «Я родила ему ребенка!» Тогда Амелия решила, что это ложь. Безумная выдумка брошенной женщины. Но теперь у нее в руках было доказательство. Фотография. Ребенок существует. Амелия взяла телефон. Набрала номер Яна — и тут же сбросила. Что она ему скажет? «Я нашла в почтовом ящике фотографию твоего возможного сына»? Он снова начнет убеждать ее, что это ложь, что Марина сумасшедшая, что не надо верить. И она снова поверит — потому что любит его. Потому что хочет верить. Но что, если правда — другая? Она просидела в прихожей до темноты. Потом зажгла свет, заварила крепкий чай и долго смотрела на фотографию. Мальчик улыбался ей с бумаги, не подозревая

о буре, которую вызвало его изображение. Амелия не стала звонить Марине. Пока. Она спря- тала конверт в ящик стола, под стопку тетрадей. Решила дождаться возвращения Яна. Посмот- реть ему в глаза. Показать фотографию. Неделя до его возвращения тянулась бесконечно. Она ходила на пары, отвечала на его звонки, говорила «я тоже скучаю» и «все хорошо». Но внутри поселился холод. Маленький, колкий, как осколок стекла под кожей. Она гнала его, но он воз- вращался — каждый раз, когда она смотрела на фотографию мальчика с темными глазами. Она не знала, чего боится больше: того, что Ян солгал, или того, что он скажет правду, которая разрушит их счастье. Но правду она должна была узнать. Обязана.

Глава 18. Право Дракона

Ян вернулся в субботу вечером. Она встретила его в аэропорту — с букетом белых тюльпанов, в том самом платье, которое он любил. Он обнял ее, прижал к себе, поцеловал в макушку, и на мгновение Амелии показалось, что все хорошо. Что фотография в ящике стола — просто дурной сон. Что можно забыть, замять, сделать вид, что ничего не было.

Но забыть не получалось. Пока они ехали в такси, пока он рассказывал о конференции, пока она улыбалась и задавала вопросы, фотография жгла ее изнутри. Маленький мальчик с карими глазами. «Где мой ребенок? Ян украл его!»

Дома Ян распаковал чемодан, подарил Амелии подарки — духи, шарф, книгу на немецком. Потом они поужинали. Он был весел, оживлен, строил планы на выходные. Амелия слушала и чувствовала, как внутри нарастает напряжение. Она не могла больше ждать.

— Ян, — сказала она, когда он убрал посуду. — Мне нужно тебе кое-что показать.

Он обернулся. Что-то в ее голосе заставило его насторожиться.

— Что случилось, милая?

Она молча подошла к столу, выдвинула ящик и достала конверт. Протянула ему. Он взял его, все еще ничего не понимая. Открыл. Вытащил фотографию. И замер.

В эту секунду Амелия все поняла.

Она увидела, как изменилось его лицо. Сначала — узнавание. Потом — шок. Потом — гнев. Он смотрел на снимок, и в его темных глазах загорался тот самый вертикальный зрачок, который она уже научилась распознавать. Дракон внутри него проснулся.

— Где ты это взяла? — спросил он глухо. Голос был другим — низким, опасным, чужим.

— В почтовом ящике. Пять дней назад.

Он выдохнул сквозь зубы — длинный, свистящий выдох, похожий на шипение. Положил фотографию на стол, отвернулся к окну. Плечи его были напряжены, как перед броском.

— Это твой сын? — спросила Амелия. Голос ее дрогнул, но она заставила себя договорить. — Посмотри на меня. Это твой ребенок?

Молчание.

— Посмотри на меня, Ян!

Он повернулся. В его глазах было все: боль, ярость, вина. И правда. Та самая, которую она боялась услышать.

— Да, — сказал он. — Это мой сын.

Амелия отшатнулась. Ей показалось, что пол уходит из-под ног. Она схватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

— Ты говорил, что у вас не было детей, — прошептала она. — Ты клялся. Ты убеждал меня. Я поверила тебе. Я вышла за тебя.

— Амелия, послушай

— Что слушать?! Ты врал мне! Снова! Ты сказал, что Марина не могла родить! Что ваш брак распался именно поэтому! А на самом деле у тебя есть сын! Живой, настоящий, которому около года! Ты врал мне!

— Я не врал, — сказал он тихо, но с нажимом. — Я не говорил тебе всей правды. Это разные вещи.

— Разные вещи?! — она почти закричала. — Ты скрыл от меня существование собственного ребенка! Ты дал мне выйти за тебя, не зная, что у тебя есть наследник! Ты лишил меня права выбирать с открытыми глазами!

Он шагнул к ней. Она отшатнулась. Он замер, и на его лице промелькнуло выражение боли — острой, настоящей.

— Ты права, — сказал он. — Я должен был рассказать тебе до свадьбы. Я хотел. Я собирался. Но я боялся, что ты уйдешь. Боялся потерять тебя. Я откладывал — день за днем, неделю за неделей. А потом ты стояла в белом платье и говорила «да», и я уже не мог ничего сказать.

— Трус, — выдохнула она. — Ты просто трус.

— Да, — согласился он. — Трус.

В комнате повисла тишина. Тяжелая, плотная, как вода. Они стояли друг напротив друга — муж и жена, между которыми только что разверзлась пропасть.

— Где он сейчас? — спросила Амелия. — Где ребенок?

Ян молчал. Она увидела, как на его скулах заходили желваки.

— Ян. Где твой сын?

— Амелия, он ведь не просто мой сын, — сказал он медленно. — Он — драконий наследник. Первый за много веков. Когда Марина родила его, я понял, что не могу оставить его с ней. Она не смогла бы вырастить его. Она не знает наших законов, наших традиций, нашей магии. Мальчик должен был оказаться среди драконов. Поэтому я забрал его.

— Забрал? — повторила Амелия. — Что значит «забрал»?

— Он больше не живет с Мариной, — сказал Ян. — Он в землях, которые испокон веков принадлежат моему роду. Там, куда людям нет хода. Там его воспитают как дракона. Как будущего правителя. Как наследника.

Амелия смотрела на него, и в груди рос холод. Тот самый, что она чувствовала в ночь после их первой близости — ледяной, беспричинный, животный страх.

— Ты отнял ребенка у матери, — сказала она. — Ты просто пришел и забрал его. И она больше никогда его не увидит?

— Увидит, — ответил он. — Когда он вырастет. Когда сможет сам решать. Но до тех пор — нет. Драконий наследник должен воспитываться драконами. Это закон. Древний, как сама земля. Я не могу его нарушить. Даже если бы хотел.

— А я? — спросила она тихо. Голос ее дрожал, как натянутая струна. — Если у нас родится ребенок, и я выживу ты тоже заберешь его?

Он поднял глаза. И в этом взгляде она прочла ответ раньше, чем он произнес его вслух.

— Да, — сказал он.

Одно слово. Всего одно. Но оно обрушилось на нее, как лавина.

Амелия отступила на шаг. Потом еще на шаг. Она смотрела на человека, которого любила больше жизни, и не узнавала его. Вот он — ее муж, ее дракон, ее судьба. И вот он — чужой, древний, безжалостный пришелец из другого мира, где дети принадлежат не матерям, а роду. Где любовь не имеет значения.

— Ты заберешь моего ребенка, — прошептала она. — Ты дашь мне выносить его, родить, может быть, умереть при этом а если я выживу — ты заберешь его и увезешь куда-то, куда мне нет хода. И я больше никогда его не увижу. Не могу поверить

— Амелия

— Не трогай меня! — она отпрянула от его протянутой руки. — Не приближайся.

Она стояла посреди их прекрасной гостиной с видом на реку, и мир рушился. Все, во что она верила, все, что они построили, оказалось карточным домиком, который рассыпался от одного дуновения. Он не спрашивал ее. Он не давал ей выбора. Он просто ждал, когда она забеременеет, чтобы потом сделать то, что делали его предки тысячи лет: забрать ребенка и воспитать его драконом. А она останется одна — или умрет. И то, и другое его, кажется, устраивало.

— Ты говорил, что любишь меня, — сказала она. — Говорил, что я — твоя пара.

— Так и есть.

— Тогда почему? Почему ты не можешь выбрать меня? Нас? Почему твой закон важнее, чем я, чем наш ребенок, чем наша семья?

Он смотрел на нее, и в его глазах стояла такая мука, какой она никогда не видела.

— Потому что я — последний, — сказал он. — Последний дракон. Если я не выращу наследника по законам нашего рода, все умрет. Не только я. Вся наша история. Вся наша магия. Весь наш мир. Я не могу рисковать. Даже ради тебя.

— Даже ради меня, — повторила она.

Это был не вопрос. Это был приговор. Она развернулась и пошла к двери.

— Куда ты?

— Не знаю. Мне нужно подумать. Мне нужно мне нужно побыть одной.

— Амелия, пожалуйста. Давай поговорим. Я объясню

— Ты уже все объяснил.

Она вышла, не оборачиваясь. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком. Она спустилась по лестнице, вышла на набережную и пошла вдоль реки, не разбирая дороги. Ветер трепал волосы, в лицо летели холодные брызги. Она не плакала. Слез не было. Только ледяная, вымораживающая изнутри пустота. Он заберет ребенка. Если она выживет, он заберет ребенка. Таков закон. Таков его мир. И в этом мире для нее нет места.

Глава 19. Тайна

Она вернулась в их квартиру только под утро. Продрогшая, опустошенная, с мокрыми от речных брызг волосами. Ян не спал — сидел в гостиной, в том самом кресле, где она любила читать по вечерам. Он поднялся, едва услышал ее шаги, бросился к ней, попытался обнять. Она отстранилась.

— Не надо. Я пришла за вещами.

— Амелия, прошу тебя

— Не надо, Ян.

Она прошла в спальню. Достала старый чемодан — тот самый, с которым переехала сюда всего несколько месяцев назад. Открыла шкаф. Вещи пахли их общим домом, их общей жизнью, их общим счастьем, которое оказалось таким хрупким. Она складывала свитера и платья, а перед глазами стояло его лицо — и то, как он сказал «да». Да, я заберу нашего ребенка. Да, таков закон. Да, ты для меня важна, но не настолько.

Он стоял в дверях спальни и смотрел, как она собирается. Не пытался остановить — и от этого было еще больнее. Если бы он боролся, если бы спорил, если бы упал на колени и поклялся, что все изменится, — может быть, она бы осталась. Может быть. Но он просто стоял и смотрел, и в его глазах была та же самая древняя, безысходная печаль, что и тогда, на холмах, когда он впервые признался ей, кто он такой.

— Я люблю тебя, — сказал он тихо.

Амелия не ответила.

Собравшись, она вызвала такси. Спустилась по лестнице, волоча за собой тяжелый чемодан. Он не пошел за ней. Когда дверь захлопнулась, она прислонилась к стене в подъезде и впервые за эту ночь заплакала. Слезы были горячими и злыми. Она плакала о своей любви, которая не спасла ее. О своем доверии, которое растоптали. О будущем, которое рассыпалось в пыль.

Старая квартира встретила ее запахом пыли и одиночества.

Она не была здесь с самой свадьбы. Герань на подоконнике засохла. В кране что-то подтекало. На кухонном столе все еще лежала книга, которую она не дочитала, — закладка на той самой странице, где остановилась сто лет назад, в прошлой жизни. Амелия опустила на стул и огляделась. Маленькая кухня. Старые занавески. Торшер с потрепанным абажуром. Все было точь-в-точь как раньше — до него. До дракона. До любви. Только ее саму теперь не узнать. Та, прежняя Амелия, серая мышь, была одинока и мечтала о большом чувстве. Новая Амелия знала, что такое большое чувство. И знала, как больно его терять.

Дни потянулись серой чередой. Она ходила в университет — нужно было доучиваться, нужно было чем-то себя занять. Сидела на парах, отводила глаза, когда видела в коридоре знакомую высокую фигуру. Он тоже отводил глаза. Наверное, понимал — так лучше. Для них обоих.

Он приходил трижды.

В первый раз — на следующий день после ее ухода. Звонил в дверь, стоял на пороге с букетом белых тюльпанов — как тогда, в их первый вечер. Она посмотрела в глазок и не открыла. Он стоял полчаса, потом ушел, оставив букет под дверью. Она выбросила цветы, не распечатав.

Во второй раз — через неделю. Снова звонок, снова его голос за дверью: «Амелия, пожалуйста, давай поговорим. Я все объясню. Я найду выход». Она села на пол в прихожей, прижалась спиной к двери и слушала его голос. По щекам текли слезы. Она молчала. Он ушел.

В третий раз он пришел ночью. Она не спала — теперь она вообще почти не спала. Услышала шаги на лестничной клетке, его дыхание за дверью. Он ничего не говорил. Просто стоял.

Она стояла с другой стороны двери, прижав ладонь к холодному дереву. Так они простояли, наверное, час. Потом он ушел. И больше не приходил.

Амелия плакала каждую ночь. Она потеряла счет дням. Университет, дом, пустота, бессонница. Она похудела, под глазами залегли тени. Катя, та самая однокурсница, что была на их свадьбе, пыталась помочь ей, но она отмахивалась: «Все нормально. Просто устала». Ей казалось, что жизнь кончилась. Что впереди — только бесконечная серость без смысла и цели.

А потом она поняла

Это случилось обычным утром. Она стояла на кухне, варила кофе, и вдруг ее затошнило. Резко, неожиданно, до головокружения. Она едва успела добежать до раковины. А когда выпрямилась и встретила с собственным отражением в темном окне, ее осенило.

Она считала дни. Недели. Последние месячные были когда? До свадьбы? После? Она не помнила. Она вообще ничего не помнила — все смазалось в один непрерывный кошмар.

Дрожащими руками она достала из аптечки старый тест, купленный когда-то на всякий случай. Тот самый, который она прятала в глубине шкафчика, потому что стеснялась его присутствия, потому что боялась взглянуть свое счастье.

Две полоски!

Она смотрела на них и не могла вдохнуть. В голове звенело. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно в соседней комнате.

Беременна.

Она беременна от Яна!

У нее будет ребенок. Его ребенок. Драконий наследник.

Амелия опустилась на пол прямо в ванной, прижимая тест к груди. И вдруг — странное дело — на нее накатила волна не ужаса, а восторга. Там, внутри, под сердцем, уже теплилась крошечная жизнь. Частица его и частица ее. Их общее чудо. Их любовь, которая не умерла, а превратилась в нечто большее.

А следом за восторгом пришел страх.

Она вспомнила его слова. «Если у нас родится ребенок, и я выживу, ты тоже забереешь его?» — «Да». Он сказал это спокойно, глядя ей в глаза. Он не колебался. Таков закон его народа. Драконий наследник должен расти среди драконов. И если она родит — он заберет его. Увезет в земли, куда людям нет хода. И она больше никогда не увидит своего ребенка. Она потеряет его, так же, как потеряла Марина.

Нет! Этого не будет! Она не позволит Яну сделать это!

Амелия поднялась с пола, вытерла слезы — на этот раз это были слезы решимости. Она посмотрела на свое отражение в зеркале: бледная, худая, с темными кругами под глазами, но с огнем, которого в ней не было раньше. Она станет матерью. Она защитит своего ребенка. От всего мира. И если понадобится — от его собственного отца.

Поэтому Амелия приняла решение.

Ян не должен узнать. Никто не должен узнать. Она исчезнет. Уедет из этого города, из этого университета, из этой жизни. У нее есть немного денег — мамыны сбережения, которые она не трогала. Хватит на первое время. Она родит в другом городе, под другим именем. И вырастит ребенка сама. Без драконов. Без древних законов. Без него. Она не расстанется со своим малышом.

Она прижала ладонь к животу — пока еще плоскому, ничего не выдающему.

— Я никому тебя не отдам, — прошептала она. — Никому. Слышишь? Никому.

И впервые за много дней на ее губах появилась улыбка. Слабая, дрожащая, но настоящая. Потому что теперь у нее был смысл. Потому что теперь она была не одна. Потому что в ее теле росла новая жизнь, и эта жизнь принадлежала только ей.

Глава 20. Бегство и возвращение

Решение созрело мгновенно. На следующее утро после того, как тест показал две полоски, Амелия уже стояла в деканате с заявлением об академическом отпуске. Причина — «по семейным обстоятельствам». Подробностей она не объясняла, а у нее, к счастью, не спрашивали. Отличница, серая мышь, девочка, которая никогда не пропускала пар, — кому придет в голову ее подозревать?

В тот же день она сняла со счета все мамины сбережения. Сумма была скромной, но достаточной, чтобы прожить год, если экономить. Год — это много. За год она родит, окрепнет и придумает, что делать дальше.

Билет на междугородний автобус она купила в один конец. Пункт назначения выбрала почти наугад — маленький поселок в трехстах километрах от города, затерянный среди лесов и холмов. Она нашла его на карте, когда искала самое глухое, самое незаметное место, куда дракону не придет в голову заглянуть. В поселке жило от силы двести человек. Ни университетов, ни библиотек, ни кафедр иностранных языков. Идеально.

Автобус трясся по ухабистой дороге шесть часов. Амелия сидела у окна, прижимая ладонь к животу, и смотрела, как город сменяется пригородами, пригороды — полями, поля — густым хвойным лесом. Она никогда не была в этих краях. Никто из ее знакомых здесь не жил. Никто не знал, куда она уехала. Она не сказала никому — ни Кате, ни другим однокурсницам, ни тем более Яну. Просто исчезла. Растворилась, как утренний туман.

Домик она нашла по объявлению, которое давала местная старушка, переехавшая к дочери в райцентр. Маленький, деревянный, с печным отоплением и скрипучими половицами. Зато с участком, заросшим яблонями и сиренью. И с видом на лес. И с тишиной — такой глубокой и плотной, какой Амелия никогда не слышала в городе.

Первые дни ушли на обустройство. Она мыла полы, чистила печь, развешивала на окнах простенькие ситцевые занавески, купленные в местном сельмаге. Расставляла книги — немного, что взяла с собой. Самые любимые: Цветаева, Блок, Фаулз. Томик немецкой поэзии, подаренный Яном в их первую неделю после свадьбы. Она не могла его выбросить. Не могла заставить себя. И тихо тосковала.

Она знала, что он ищет ее. Первые недели он звонил каждый день. Она не брала трубку. Потом он стал звонить реже. Потом перестал. Она заблокировала его номер и удалила все фотографии — кроме одной, которую не смогла. Там они стояли на холме в день его признания: ветер треплет ее распущенные волосы, он обнимает ее сзади, и глаза его полны любви. Она спрятала снимок на дно чемодана, под стопку старых тетрадей.

Недели тянулись медленно, как густой мед. Живот рос. Сначала едва заметно, потом все сильнее. Она разговаривала с малышом по вечерам, лежа в старой скрипучей кровати. Читала ему стихи. Рассказывала о мире, в который он придет. О том, что у него будет мама, которая любит его больше жизни. И еще — что где-то далеко есть отец, который тоже любит его, но не может быть рядом. Так надо.

Прошло несколько месяцев. Наступила глубокая, снежная зима. Потом начало таять. Весна в поселке была тихой и прозрачной, с каплей и запахом талой воды. Амелия уже с трудом завязывала шнурки — живот стал большим и тяжелым. До родов оставался месяц, может, чуть больше. Она ни разу не выезжала в город за все это время. Она стала отшельницей, как те самые драконы, от которых пряталась.

А потом вдруг раздался звонок.

Номер был незнакомый. Городской. Она долго смотрела на экран, прежде чем ответить.

— Амелия Викторовна? — женский голос, сухой и официальный. — Это из деканата филологического факультета. Вас беспокоят.

Сердце екнуло.

— Да, я слушаю.

— Вынуждены просить вас срочно подъехать в университет. Необходимо подписать документы по вашему академическому отпуску. Обнаружились некоторые несоответствия. Без вашей личной подписи мы не можем закрыть вопрос. Это займет не больше часа.

Амелия заколебалась. Ехать в город? Сейчас? С ее животом? Но отказываться было нельзя — если что-то не так с документами, ее могут отчислить, а ей нужен диплом. Рано или поздно он понадобится.

— Хорошо, — сказала она. — Я приеду. Завтра.

Она не спала всю ночь. Страх скручивал внутренности. Что, если он узнает? Что, если он там? Но это было маловероятно. Прошло столько месяцев. Он наверняка давно смирился с ее исчезновением. Может быть, даже нашел кого-то другую — очередную «подходящую» девушку, способную выносить драконье дитя. От этой мысли становилось горько, но и немного спокойнее.

Автобус прибыл в город ранним утром. Амелия сошла на автовокзале, кутаясь в просторное пальто, которое скрывало ее округлившийся живот. Город показался ей чужим и шумным после долгих месяцев лесной тишины. Она шла по знакомым улицам, и каждый угол напоминал о нем. Вот кафе, где они пили кофе после его возвращения из Германии. Вот набережная, где они гуляли по вечерам. Вот книжный магазин, где он купил ей редкое издание Рильке.

Она шла и чувствовала, как колотится сердце.

Университет встретил ее привычным гулом. Студенты, коридоры, запах мела и старых книг. Никто не обращал на нее внимания — мало ли беременных приходит сдавать сессию? Она поднялась на второй этаж, поддерживая живот. Подошла к двери деканата. Вдохнула поглубже. И открыла дверь.

Она ожидала увидеть секретаршу, сухую женщину в очках, которая вечно пила чай с лимоном и жаловалась на мигрень. Но за столом сидел не секретарь.

За столом сидел он.

Ян.

Он поднял голову, едва она вошла, и их взгляды встретились. В его глазах — темных, кофейных, тех самых, что снились ей каждую ночь, — она увидела все сразу: боль, надежду, отчаяние и что-то еще, что она не могла — или боялась — назвать.

Он смотрел на нее. Потом его взгляд медленно опустился вниз. К ее животу. К тому, что нельзя было скрыть никаким пальто.

И он все понял.

Амелия стояла в дверях деканата, прижимая руку к округлившемуся животу, и молчала. Ян медленно поднялся из-за стола. В комнате повисла такая тишина, что было слышно, как бьется ее сердце. Или его. Она не могла различить.

— Амелия, — сказал он хрипло.

Это было не «здравствуй». Не «как ты». Не «где ты была». Просто ее имя. Просто звук, который прозвучал, как выстрел.

Глава 21. Отражение

Она не помнила, как вышла из деканата. Кажется, он взял ее за руку. Кажется, она пыталась вырваться, но пальцы у нее были ледяные и слабые, а у него — горячие и твердые. Кажется, он что-то говорил — тихо, настойчиво, — но она не слышала слов. В ушах стоял шум, как будто она все еще сидела в том автобусе, который вез ее сюда, навстречу катастрофе.

Они миновали коридор. Лестницу. Вестибюль. Студенты оборачивались им вслед — беременная студентка и преподаватель, который ведет ее за руку, — но ей было все равно. Она чувствовала только его хватку и тяжесть собственного тела, которое вдруг показалось ей неподъемным. Ей вдруг стало трудно дышать, будто воздух вокруг куда-то исчез.

У выхода из университета Ян остановился. Стянул с себя пальто и накинул ей на плечи, хотя на ней уже было свое. Простое, почти машинальное движение, но от него у нее защипало в носу. Он всегда так делал. Всегда заботился о ней — даже когда она этого не замечала. Даже когда ей казалось, что забота — это просто способ контролировать.

— Садись в машину, — сказал он.

— Я никуда с тобой не поеду.

— Амелия, — он повернулся к ней, и в его глазах она увидела то, чего не видела раньше. Страх. Самый настоящий, животный страх. — Ты беременна. Ты носишь моего ребенка. И при этом ты исчезла на несколько месяцев! Ты живешь неизвестно где. Посмотри на себя, девочка! Ты худая, как скелет, и бледная, как полотно. Ты сядешь в машину. Сейчас же.

Она села. Потому что спорить не было сил. Потому что ноги подкашивались. Потому что, если честно, она сама хотела, чтобы кто-то — хоть кто-то — взял на себя ответственность. Хотя бы на час. Хотя бы на минуту. На нее вдруг навалилась страшная слабость, захотелось лечь на что-то мягкое и уснуть. Мягкие кресла его авто идеально подходили для этого.

Машина тронулась. За окном поплыли знакомые улицы — набережная, старый мост, бульвар с голыми еще деревьями. Они ехали молча. Ян сжимал руль так, что побелели костяшки. На скулах ходили желваки. Он не смотрел на нее — только вперед, на дорогу, но она чувствовала, как от него исходят волны напряжения. Уснуть она так и не смогла.

Она узнала дорогу. Он вез ее к себе. К ним. В ту самую квартиру с высокими потолками и видом на реку, из которой она ушла много месяцев назад с чемоданом и разбитым сердцем.

Она не сопротивлялась. Поднялась по лестнице, вошла в прихожую. Все здесь было по-прежнему — ее книги на полке, ее цветы на подоконнике, которые он, видимо, поливал все это время. От этого стало еще больнее.

Дверь захлопнулась.

И вот тут он взорвался.

— Ты сумасшедшая! — его голос прогремел на всю квартиру. Он стоял посреди гостиной, и в глазах его полыхало пламя — настоящее, драконье, золотистое. — Ты понимаешь, что ты натворила?! Ты исчезла! Просто взяла и исчезла! Беременная! С моим ребенком! Без денег, без поддержки, неизвестно где! Я искал тебя! Я месяц не спал! Я думал, что ты что-то с тобой что-то случилось!

— Я не хотела, чтобы ты знал! — выкрикнула она в ответ. — Ты бы забрал его! Ты сам сказал! Ты бы забрал моего ребенка и увез его в свои драконьи земли, и я бы никогда его не увидела!

— И поэтому ты решила, что лучше прятаться в какой-то дыре и рожать в одиночку?! — он шагнул к ней, и она инстинктивно прикрыла живот рукой. — Ты вообще понимаешь, что это опасно?! Ты носишь не обычного ребенка! Ты носишь дракона! Он высасывает из тебя силы! Ты можешь умереть — в любой момент, без предупреждения, без помощи!

— Я справляюсь. Все хорошо.

— Ты не справляешься! — он схватил ее за плечи и резко развернул к большому зеркалу в прихожей. — Посмотри на себя! Посмотри!

Амелия подняла глаза на свое отражение — и вздрогнула. Из зеркала на нее смотрела изможденная женщина, которую она с трудом узнавала. Да, у нее всегда была бледная кожа и худое лицо. Но сейчас худоба стала какой-то болезненной, неестественной. Скулы заострились. Под глазами залегли глубокие фиолетовые тени. Волосы, всегда густые и блестящие, висели тусклыми прядями. Она была похожа не на будущую мать, светящуюся изнутри, а на человека, который долго и тяжело болеет и не может выздороветь.

Странно, что до этого момента Амелия этого не замечала. Она даже не помнила, когда последний раз смотрелась в зеркало.

— О господи, — прошептала она, не узнавая собственного голоса.

— Вот именно, — сказал он глухо. Его гнев схлынул так же внезапно, как и накатил. Он отпустил ее плечи и прислонился лбом к ее виску. Она чувствовала его дыхание — горячее, прерывистое. — Драконье дитя питается матерью. Это не метафора. Оно высасывает из тебя все — кальций, железо, жизненную энергию. Дракону нужно гораздо больше питания, чем обычному человеку. Ты не можешь носить его просто так, без поддержки! Тебе нужны специальные травы, которые я собираю в горах. Тебе нужен покой. Тебе нужен уход и постельный режим. Тебе нужен я.

Амелия молчала. В зеркале она видела их обоих — высокий мужчина с темными волосами и бледная, измученная женщина в его объятиях. Она не узнавала себя. А его узнавала. Узнавала его глаза — те самые, кофейные, глубокие, которые смотрели на нее в тот первый день в коридоре, когда она рассыпала книги. Те самые, которые смотрели на нее на вершине холма, когда он впервые поцеловал ее. Те самые, которые смотрели на нее в загсе, когда она сказала «да».

В них были все те же чувства. Любовь. Нежность. Боль. Страх. И что-то еще — темное, древнее, драконье, но теперь уже не чужое. Теперь уже часть ее самой.

— Останься, — сказал он тихо. — Пожалуйста. Я не заберу ребенка. Я не увезу его. Я не буду делать ничего, чего ты не хочешь. Только останься. Дай мне позаботиться о тебе. О вас обоих.

Она смотрела в его глаза. Искала там ложь. Искала тот самый холодный блеск, который видела в день их последней ссоры. И не находила. Был только он. Ее Ян. Ее дракон. Ее муж.

— Ты обещаешь? — прошептала она. — Что не заберешь его? Что дашь мне самой решать?

— Обещаю, — сказал он. И она поверила.

Она закрыла глаза и позволила себе наконец расслабиться. Впервые за долгие месяцы. Он подхватил ее на руки — легко, будто она ничего не весила, хотя сейчас весила куда больше, чем в их первую ночь. Отнес в спальню. Уложил на кровать — ту самую, где они когда-то были счастливы. Укрыл одеялом. Сел рядом и взял ее за руку.

— Я никуда тебя больше не отпущу, — сказал он. — Ни за что.

— Я знаю, — ответила она, и по щеке скатилась одинокая слеза.

Она не знала, правильно ли поступает. Не знала, что будет дальше. Но сейчас, в этот самый момент, лежа в их постели, чувствуя его горячую ладонь в своей и тяжесть их будущего ребенка внутри, она впервые за долгое время чувствовала себя в безопасности.

Глава 22. На грани

Дни слились в один бесконечный, душный, полубредовый сон. Амелия больше не вставала с постели. У нее не было сил даже на то, чтобы пойти до ванной, — Ян носил ее на руках, и она чувствовала себя тряпичной куклой в его объятиях — тяжелой от бремени и безвольной. Живот рос, а она сама таяла, как свеча, — медленно, неумолимо, день за днем.

Ян делал все, что мог, чтобы она выжила. Заваривал драконьи травы — горькие, пахнущие полынью и чем-то древним, — и поил ее с ложечки, заботливо придерживая голову. Готовил легкие бульоны, которые она не могла проглотить.

Он сидел рядом, держал за руку, что-то рассказывал — она уже не разбирала слов. Его голос был просто фоном, далеким, как шум моря в раковине. Иногда он читал ей стихи — немецких поэтов, которых она так любила. Рильке, Гейне, Гёте. Иногда она узнавала строчки и пыталась улыбнуться. Чаще — просто лежала с закрытыми глазами, и по ее впалым щекам текли слезы.

— Ты справишься, — говорил он. — Ты сильная. Ты справишься.

Но она видела его глаза. Видела, как в них разрастается ужас. Он, древний дракон, проживший много человеческих жизней, не мог скрыть страх. Страх за нее. За их ребенка. За будущее, которое с каждым днем становилось все призрачнее.

Однажды вечером — или утром, она уже не различала время суток, — Амелия открыла глаза и вдруг увидела все с пугающей ясностью. Комнату, залитую закатным светом. Белые занавески, которые она выбирала когда-то для их спальни. Яна, сидящего у изголовья. Его лицо — осунувшееся, заросшее многодневной щетиной, с темными кругами под глазами. Таким она его еще не видела.

— Ян, — позвала она, и голос ее прозвучал неожиданно твердо.

Он вздрогнул, поднял голову.

— Я здесь. Я рядом.

— Я хочу, чтобы ты знал, — сказала она. — На всякий случай. Если я не выживу Ты должен позаботиться о нем. О нашем сыне. Я знаю, это будет мальчик. Я чувствую. Ты должен вырастить его. Ты должен рассказать ему обо мне. О том, что я его любила. Еще до того, как увидела. До того, как он родился. Обещай мне.

— Амелия, прошу, не говори так.

— Обещай! — настаивала она.

Он зажмурился. На его скулах заходили желваки. Когда он снова открыл глаза, в них стояла такая мука, что ей стало больно — за него, не за себя.

— Обещаю, — сказал он глухо. — Но ты не умрешь. Слышишь? Я не позволю.

— Ты не можешь остановить то, что невозможно остановить. — Амелия слабо улыбнулась.

— Могу. Я дракон. Я древнее смерти. Я не отдам тебя ей. Вцеплюсь и буду держать. Никто у меня не заберет тебя.

Она не ответила. Просто закрыла глаза и провалилась в темноту.

И вот, как-то утром началась боль.

Она была чудовищной — не похожей ни на что, что Амелия испытывала раньше. Она разрывала ее изнутри, скручивала, ломала, выворачивала наизнанку. Не в силах терпеть, Амелия закричала — и крик этот разорвал тишину квартиры, заметался под высокими потолками, эхом отразился от стен.

Ян тут же забежал в спальню.

— Началось, — сказал он, и голос его был спокойным, хотя руки дрожали. — Держись за меня. Держись.

Она вцепилась в его плечи. Боль накатывала волнами — то отпускала на некоторое время, то снова обрушивалась с утроенной силой. Она кричала, плакала, молила, чтобы это прекратилось. Ян говорил с ней — тихо, настойчиво, — но она не слышала слов. Она существовала только в этой боли.

Это продолжалось бесконечно долго. Часы, быть может, дни. В какой-то момент Амелии показалось, что она умирает. Что тело ее растворяется, что сознание уплывает куда-то вверх, к потолку, к закату небу за окном.

А потом раздался крик.

Не ее. Другой. Тонкий, звонкий, требовательный. Крик новорожденного, который впервые вдохнул воздух этого мира.

— Сын, — выдохнул Ян. — У нас родился сын. Наследник Дракон

Амелия открыла глаза.

Она лежала в измятой, мокрой от пота и крови постели и смотрела, как ее муж держит на руках их ребенка. Маленького, красного, сморщенного — и самого прекрасного из всех, кого она когда-либо видела. У него были темные волосики — совсем как у отца. И темные глаза — совсем как у отца. И он кричал так громко, так яростно, так жадно, что Амелия засмеялась — тихо, слабо, сквозь слезы.

— Здравствуй, малыш! — прошептала она.

Ян поднял глаза на нее. Он смотрел на сына с таким обожанием, с таким благоговением, какого она никогда не видела на его лице. Дракон, древний, могучий, бессмертный, — и вот он стоит, прижимая к груди крошечного младенца, и в его глазах слезы. Настоящие, человеческие, горячие слезы.

— Он прекрасен, — сказал Ян. — Он совершенен. Спасибо тебе. Спасибо.

Амелия хотела ответить. Хотела протянуть руку и коснуться малыша. Но тело больше не слушалось. Холод пополз от кончиков пальцев вверх, к запястьям, к локтям, к сердцу. Комната поплыла перед глазами. Последние жизненные силы утекали из ее тела, как вода в песок.

— Я люблю вас, — прошептала она, глядя на них обоих — мужа и сына. — Я так сильно вас люблю.

И закрыла глаза.

Ян поднял голову. Увидел ее лицо — белое, как простыни, на которых она лежала. Ее грудь больше не вздымалась. Ресницы не дрожали. Тишина повисла в комнате — глубокая, и страшная.

— Амелия? — позвал он.

Нет ответа.

— Амелия!

Он положил ребенка в колыбель, которую приготовил еще несколько недель назад, и бросился к ней. Схватил за плечи. Прижал к себе. Закричал — не человеческим, а драконьим голосом, тем самым, что разносятся на много миль окрест. В его крике была такая боль, что задрожали стекла в окнах. Такая боль, что птицы на набережной взмыли в небо. Такая боль, какой мир не слышал уже много веков.

— Не уходи. Пожалуйста. Не уходи.

Он держал ее на руках — бездыханную, и теперь легкую, как перышко, — и плакал. Впервые за много столетий дракон плакал. И эти слезы падали на ее лицо, и в свете заходящего солнца они казались каплями жидкого золота

Глава 23. Всегда

Три месяца спустя.

Солнце заливало старый парк жидким золотом. Июнь был в самом разгаре — липы цвели, наполняя воздух густым медовым ароматом, и пух тополей плыл над аллеями, как летний снег. По центральной дорожке, усыпанной гравием, неспешно катилась коляска — темно-синяя, с серебристыми спицами.

Ян толкал ее одной рукой. В другой держал стаканчик с остывшим кофе, к которому так и не притронулся. Он шел медленно, почти торжественно, словно вез нечто бесценное — что, впрочем, было правдой. В коляске, укутанный в легкое кружевное одеяльце, спал его сын. Трехмесячный малыш с темными кудряшками и длинными ресницами, которые бросали тень на пухлые щеки. Во сне он причмокивал губами и иногда вздрагивал, словно видел какой-то удивительный младенческий сон.

Ян смотрел на него — и не мог насмотреться. Альберт. Он назвал его Альбертом. Альберт Янович. Маленький дракон. Наследник древнего рода.

Но сегодня в глазах Яна не было радости. Он смотрел на сына и думал о той ночи, когда держал на руках бездыханное тело жены и кричал так, что звезды дрожали. Все-таки терять близких невыносимо больно. Эту боль сложно выразить вслух, описать словами.

Ян отвлекся от своих мыслей только тогда, когда впереди, в конце аллеи, появилась женщина. Она шла навстречу — легкой, танцующей походкой, и ветер играл подолом ее светлого платья и развевал длинные русые волосы. Солнце подсвечивало ее силуэт, и на мгновение она показалась Яну видением, бесплотным духом, случайно сошедшим на землю.

Но видение приблизилось — и обрело плоть. Ян улыбнулся.

Это была Амелия.

Та самая Амелия, которую он три месяца назад держал на руках, думая, что она умерла. Та самая, которая выжила, прошла через родовую лихорадку, через две недели на грани жизни и смерти, через медленное, мучительное восстановление.

Она сильно изменилась. И дело было не только в том, что она похудела еще сильнее — хотя это казалось невозможным. Дело было в ее лице. Роды состарили ее. В двадцать три года у глаз появились тонкие лучики морщин — таких, каких не было раньше. Под глазами залегли тени, которые не исчезали даже после долгого сна. Кожа стала бледной, почти прозрачной, как у фарфоровой куклы. Драконье дитя выпило ее почти до дна. Она выжила — но заплатила за это своей молодостью.

Ян смотрел на нее, и его сердце сжималось от любви и боли. Она больше не была той молодой девушкой, на которой он женился год назад. Она стала другой — уставшей, повзрослевшей, отмеченной печатью пройденного испытания. Но для него она была прекраснее всех женщин на свете.

— Привет, муженек! — весело сказала Амелия, подойдя ближе.

— Привет, женушка!

Она наклонилась над коляской, поправила одеяльце, коснулась губами лба спящего малыша.

— Как наше золотце? Спит?

— Спит, — ответил Ян. — Гуляли два часа. Заснул только у пруда, когда утки уплыли. Кажется, он расстроился, что не успел их как следует разглядеть.

Амелия улыбнулась. Улыбка у нее была все та же — открытая, чуть застенчивая, та самая, которую он полюбил.

— Ну, ничего. Уток тут много. Завтра покажем.

Она выпрямилась и взяла его под руку. Они пошли рядом — мужчина с коляской и женщина - красивая, молодая семья.

— У меня хорошие новости, — сказала Амелия. — После парикмахерской я ходила в университет. Я подала документы на восстановление!

Ян остановился.

— Правда?

— Правда. Деканат approved. Со следующего семестра я снова студентка.

— Придется наверстывать пропущенный год. Справишься?

— Я же отличница, забыл?

Ян обнял ее — осторожно, словно она все еще была хрупкой, как крылья бабочки, прижал к себе.

— Я горжусь тобой, — прошептал он.

— Я просто хочу, чтобы Альберт знал: его мама — не просто «жена дракона». Его мама — филолог. Может быть, когда-нибудь я даже диссертацию напишу. Представляешь? «Мифологические мотивы в современной литературе». Или «Образ дракона в немецкой поэзии». У меня теперь, знаешь ли, уникальный материал.

Ян рассмеялся. Настоящим, живым смехом — впервые за долгое время.

— Тогда я буду твоим куратором.

— Посмотрим, — она шутливо ткнула его локтем в бок. — Может, я другого куратора выберу. Чтобы объективность не страдала.

Они пошли дальше по аллее, и впереди, за деревьями, уже виднелась набережная — та самая, где они когда-то гуляли вечерами, еще до свадьбы, до беременности, до всего. Река все так же катила свои воды, равнодушная к человеческим драмам и радостям. Солнце садилось, окрашивая небо в розовый и золотой.

Жизнь наладилась. Они снова были вместе — в их просторной квартире, с книжными шкафами и видом на реку. Альберт рос здоровым и удивительно спокойным ребенком — словно чувствовал, что его появление на свет дорого обошлось матери, и старался не добавлять хлопот. По ночам он спал почти не просыпаясь, а днем улыбался и гулил, размахивая пухлыми кулачками. Амелия часами сидела у его кровати, читала ему стихи и разговаривала о литературе. «Расти, — шептала она. — Расти большим и умным. И будь счастлив. Это самое главное».

Ян тоже был счастлив — но иногда Амелия ловила его взгляд. Он смотрел на нее иначе, чем раньше. С примесью страха. С тенью вины. Как человек, который едва не потерял самое дорогое и теперь каждый день помнит об этом.

Однажды вечером, когда Альберт уже спал, они сидели на широком подоконнике в гостиной, пили чай и смотрели на закат. И она снова заметила этот взгляд — грустный, виноватый, устремленный куда-то в прошлое.

— Ян, — сказала она тихо.

— М?

— Ты опять смотришь на меня так, будто вот-вот произойдет что-то плохое.

Он не ответил. Только сжал челюсти и отвел глаза.

— Ты обещал мне, — продолжила она. — Помнишь? В ту ночь, когда ты держал меня на руках и думал, что я умерла. Ты поклялся, что мы всегда будем вместе, что ты не сделаешь ничего такого, о чем придется жалеть.

— Я помню.

— Тогда перестань. Перестань бояться. Я жива. Я здесь. Я люблю тебя. У нас чудесная семья и впереди целая жизнь. — она улыбнулась, — Я хочу, чтобы ты радовался, а не ждал беды.

Он долго смотрел на нее. В его темных глазах отражался закат. А потом он взял ее лицо в ладони — осторожно, как самое большое сокровище, — и поцеловал.

— Мы всегда будем вместе, — сказал он. — Так и будет.

— Вот и славно.

За окном догорал закат. В комнате тихо тикали часы. В соседней комнате спал маленький дракон. Двое — мужчина и женщина, дракон и человек — сидели на подоконнике, держась за руки. Но лишь один из них верил, что все плохое позади и впереди ждет только свет, счастье и любовь.

Глава 24. Пустая колыбель

Год пролетел как одно мгновение. Счастливое, золотистое, наполненное смехом и первыми шагами, первыми словами, первыми зубками. Альберт рос удивительным ребенком — спокойным, любознательным, с серьезными темными глазами, которые так напоминали отцовские.

Он рано начал ходить — в десять месяцев уже топал по квартире, держась за стены, а в одиннадцать отпустил опору и сделал первые самостоятельные шаги. Амелия плакала от счастья, Ян смотрел на сына с гордостью.

Первый день рождения решено было отмечать дома, в узком кругу. Пригласили только Катю, которая стала для Амелии почти сестрой за этот год. Они часто встречались, девушка просто обожала маленького Альберта. Впрочем, малыш очаровывал всех.

В тот праздничный день Катя принесла подарок - плюшевого динозавра, и Альберт, увидев яркую игрушку, засмеялся и потянулся к ней обеими руками.

— Кого-то мне напоминает этот динозавр. Не подскажешь? — игриво шепнула Амелия Яну на ухо, и тот фыркнул, скрывая улыбку.

Вся квартира была украшена воздушными шарами — серебристыми и синими, как драконья чешуя. На столе стояли угощения, фрукты и торт с единственной свечой в форме цифры «один». Альберт, посаженный в высокий детский стульчик, с восторгом размазывал крем по щекам и по столу, а когда Амелия зажгла свечу, малыш дунул на огонёк — сам, без подсказки. Свеча погасла, и комната наполнилась аплодисментами и смехом.

Амелия была счастлива. По-настоящему, безмятежно, абсолютно. Она смотрела на мужа — он стоял у окна с сыном на руках и показывал ему что-то за стеклом, может быть, птиц, может быть, облака. На его лице была та самая улыбка, которую она полюбила с первого взгляда. На лице Альберта — та же улыбка, уменьшенная копия. Ее мужчины. Ее семья. Ее мир.

Амелии было очень уютно в обществе самых дорогих людей.

Вечером, когда Катя ушла, а подарки были разобраны, Амелия уложила сына в кроватку. Он уже почти спал — устал за день, набегался, наелся сладкого. Она поцеловала его в лобик, поправила одеяльце и замерла на мгновение, глядя на его безмятежное личико.

— Спи, мой маленький дракон, — прошептала она. — Мама тебя любит.

Потом она легла рядом с Яном. Он уже тоже спал — утомленный, но счастливый. Она прижалась к его горячему плечу и закрыла глаза. Последняя мысль перед сном была: «Я люблю его. Я люблю их обоих. Сильнее любить просто невозможно».

Она заснула с улыбкой на губах.

Проснулась Амелия поздно. Было воскресенье и сегодня пар в университете не было, торопиться было некуда.

Солнце уже заливало спальню ярким утренним светом. Амелия потянулась, перевернулась на бок — и поняла, что постель рядом с ней холодная и пустая. Яна не было.

Она не встревожилась. Он часто вставал раньше — то на кафедру, то просто приготовить что-нибудь вкусненькое на завтрак и тем самым удивить ее. Может быть, муж просто пошел погулять с Альбертом, чтобы дать ей выспаться. День рождения вчера всех вымотал, особенно ее.

Амелия встала с кровати, накинула халат и прошла в кухню. На столе стояла чашка с остывшим кофе — он пил, перед тем как уйти. Она улыбнулась, взяла чашку, сделала глоток. Горький. Но приятный.

— Ян? — позвала она.

Тишина.

Она заглянула в детскую. Кровать Альберта была пуста. Одеяльце аккуратно сложено, плюшевый динозавр сидел в углу, прислоненный к подушке. Все в порядке. Они и вправду ушли гулять.

Амелия позавтракала - тосты с сыром и кофе с молоком. Затем помыла посуду, разобрала оставшиеся с вечера шарики, приняла душ, написала Кате сообщение с благодарностью за подарок.

Прошел час.

Она набрала номер Яна. Гудки. Длинные, равнодушные гудки. «Абонент временно недоступен». Она нахмурилась. Набрала еще раз. То же самое. Может, где-то обронил телефон?

Еще через час Амелия начала волноваться. Она накинула пальто и вышла из дома.

Она обошла все места, куда они обычно ходили гулять. Парк с утками — никого. Детская площадка у старого дуба — пусто. Набережная — только редкие прохожие и чайки над рекой. Она заглянула в кофейню, где они иногда пили какао с круассанами. Потом в книжный магазин, куда Ян любил заходить с Альбертом на руках.

Мужа нигде не было.

Она звонила снова и снова. «Абонент временно недоступен». Телефон почти разрядился. Паника, которую она сдерживала весь день, начала просачиваться сквозь защитные барьеры.

Что случилось? Где они могут быть?

К вечеру Амелия вернулась домой. В пустую квартиру. Включила свет. Прошла в детскую. Кровать все так же была пуста. Плюшевый динозавр все так же сидел, прислоненный к подушке. И вдруг она заметила то, чего не видела утром.

Конверт.ш

Он лежал на пеленальном столике, аккуратно придавленный баночкой с детским кремом. Белый конверт без подписи.

Амелия замерла. Сердце перестало биться — она была уверена в этом, потому что не слышала его стука. Тишина. Абсолютная, оглушительная тишина накрыла ее.

Она протянула руку. Взяла конверт. Открыла. Внутри был сложенный лист бумаги — и она сразу же узнала его почерк. Размашистый, с наклоном вправо, тот самый, каким он писал записки на полях ее конспектов.

«Амелия,

Прости меня. Я обещал тебе, что мы всегда будем вместе. Я нарушил обещание.

Альберт Он ведь Он — мой наследник. Дракон. Ему место среди драконов. А ты - человек. Ты не сможешь вырастить его так, как нужно. Поэтому я тайно забрал его в земли, о которых говорил тебе. Ты бы не позволила мне. Там он будет в безопасности. Там из него воспитают того, кем он рожден быть.

Я обещал тебе, что не заберу его. Помню. Но я солгал. Потому что долг перед родом оказался сильнее меня. Сильнее моей любви к тебе. Сильнее всего. ПРОСТИ.

Не ищи нас. Ты не найдешь.

Я люблю тебя. Всегда любил. Всегда буду любить.

Ян».

Она прочитала письмо один раз. Потом второй. Потом третий. Буквы расплывались перед глазами. Смысл ускользал, не укладывался в голове.

Он забрал его.

Нет

Он забрал их сына.

Нет Нет

Он солгал. Снова. Как лгал с самого начала. Как лгал о Марине. Как лгал о том, что не заберет ребенка. «Я не буду делать ничего, чего ты не хочешь». «Обещаю». «Мы всегда будем вместе».

Ложь! Все было ложью!!! Вся их жизнь была выстроена на лжи!

Она стояла посреди детской, глядя на пустую кроватку, и тишина квартиры давила на нее, как бетонная плита. Ее грудь сжималась, горло перехватило, но она не плакала. Слез не было. Только холод. Тот самый холод, который она почувствовала в первую ночь после их близости. Тот самый, который накатывал на нее во время беременности. Теперь он заполнил ее целиком — каждую клеточку, каждую вену, каждую мысль.

Амелия опустилась на пол. Прижала к груди плюшевого динозавра — игрушку, которую подарила Катя и которую Альберт так полюбил. От динозавра еще пахло ее сыном. Молоком, детской присыпкой и чем-то неуловимым, что она не могла назвать иначе как «тепло».

Она сидела так очень долго. За окном стемнело. В квартире было тихо — только тикали часы в гостиной, отсчитывая минуты ее новой жизни. Жизни без сына. Жизни без мужа. Жизни, которую она не выбирала.

Он обещал. Он клялся. Он смотрел ей в глаза и говорил: «Я никуда тебя больше не отпущу». И она верила. Дура. Она всегда ему верила!

А он просто ждал. Ждал, пока ребенок подрастет, пока она расслабится, пока перестанет бояться. А когда дождался — исчез. Вместе с Альбертом. В свои драконьи земли, куда людям нет хода. Где она никогда не найдет их. Где ее сын будет расти без нее, не помня ее лица, не зная ее голоса, не чувствуя ее любви.

Она поднялась с пола. Подошла к окну. За стеклом горели огни города — того самого, где она родилась, выросла, встретила любовь, обрела счастье, родила сына и вмиг потеряла все. Небо было черным и беззвездным.

Амелия прижала ладони к холодному стеклу. И закричала. Без слов, без слез, без надежды. Просто звук — долгий, страшный, протяжный. Звук, который не предназначался никому. Потому что никто не мог ей помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.